

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIĀLO ZINĀTNU INSTITŪTS

SOCIĀLO ZINĀTNU
VĒSTNESIS

SOCIAL SCIENCES BULLETIN
ВЕСТНИК СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

2022 2 (35)

Žurnālā "Sociālo Zinātņu Vēstnesis" tiek publicēti oriģināli zinātniskie raksti sociālajās zinātnēs (socioloģijā, ekonomikā, sociālajā psiholoģijā, tiesību zinātnē), kā arī zinātnisko pētījumu recenzijas, konferenču apskati, informācija par zinātnisko dzīvi. Redakcija pieņem rakstus latviešu, angļu un krievu valodā.

"Social Sciences Bulletin" publishes original research papers on the problems of social sciences (sociology, economics, social psychology, law), as well as review articles, information on conferences and scientific life. The Editorial Board accepts articles in English, Latvian, and Russian.

Redakcijas kolēģija / Editorial Board

Vladimirs Mežsikovs, Chairman of the Editorial Board (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Manuela Tvaronavičiene, Vice-chair of the Editorial Board (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia; Vilnius Gediminas Technical University, The General Jonas Žemaitis Military Academy of Lithuania, Vilnius, Lithuania*), Tālis Tisenkopfs (*University of Latvia, Riga, Latvia*), Jon Westover (*Utah Valley University, Orem, USA*), Aadne Aasland (*The Norwegian Institute for Urban and Regional Research (NIBR), OsloMet – Oslo Metropolitan University, Oslo, Norway*), Irēna Kokina (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Aleksandrs Ivanovs (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Arvydas Virgilijus Matulionis (*Lithuanian Centre for Social Sciences, Vilnius, Lithuania*), Sarmīte Mikulioniene (*Lithuanian Centre for Social Sciences, Vilnius, Lithuania*), Anita Pipere (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Kostadin Kolarov (*University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria*), Jānis Teivāns-Treinovskis (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Vitolds Zahars (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Vladas Tumalavičius (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia; The General Jonas Žemaitis Military Academy of Lithuania, Vilnius, Lithuania*), Elīta Jermolajeva (*Latvia University of Life Sciences and Technologies, Jelgava, Latvia*), Olga Lavrijenko (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Vera Komarova (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Baiba Rivža (*Latvia University of Life Sciences and Technologies, Jelgava, Latvia*), Jerzy Kaźmierczyk (*Poznań University of Economics and Business, Poznań, Poland*), Peter Sasvari (*University of Miskolc, Miskolc, Hungary*), Maria Johanna Schouten (*University of Beira Interior, Covilhã, Portugal*), Givi Bedianashvili (*European University, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia*), Aleksejs Vorobjovs (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Juris Rozenthalds (*University of Latvia, Riga, Latvia*), Slawomir Partycki (*The John Paul II Catholic University of Lublin, Lublin, Poland*), Anita Stašulāne (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Alena Vankevich (*Vitebsk State Technological University, Vitebsk, Belarus*), Anatolijs Kriviņš (*Daugavpils University, Daugavpils, Latvia*), Valeriy Nikolaevskiy (*V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine*), Elena Varshavskaya (*Higher School of Economics, Moscow, Russia*), Naveed Yazdani (*University of Management and Technology, Lahore, Pakistan*)

Redakcija / Editorial Staff

2022 2 (35) numura redaktore / Editor for the issue 2022 2 (35) **Vera Komarova** (Daugavpils University, Latvia)

Vera Komarova, Galvenā redaktore / Editor in-chief (Daugavpils University, Latvia), Ludmila Aleksejeva (Daugavpils University, Latvia), Alina Daņileviča (Daugavpils University, Latvia), Iveta Katelo (Daugavpils University, Latvia), Margarita Nesterova, Redaktores vietniece / Associate Editor (Daugavpils University, Latvia), Inta Ostrovska (Daugavpils University, Latvia), Aleksejs Ruža (Daugavpils University, Latvia), Oksana Ruža (Daugavpils University, Latvia), Jelena Semeņeca, Sekretāre / Secretary (Daugavpils University, Latvia), Anastasiia Simakhova (National Aviation University, Ukraine), Viktorija Šipilova, Redaktores vietniece / Associate Editor (Daugavpils University, Latvia), Zane Zeibote (University of Latvia, Latvia)

Adrese / Address

Daugavpils Universitātes Humanitāro un sociālo zinātņu institūts,
Parādes 1, Daugavpils, LV-5400, Latvija.

Tālr. (+371)65422163
E-pasts viktorija.sipilova@du.lv

Izdevējs / Publisher

Daugavpils Universitāte

Iekļauts datu bāzēs / Included in the databases

ERIH Plus (European Reference Index for the Humanities and Social Sciences)
EBSCOhost SocINDEX

Central European Journal of Social Sciences and Humanities (CEJSH)
World Indisziplinär Network for Institutional Research (WINIR)
Electronic Journals Library of University of Regensburg

Reģistrācijas Nr. / Registration No. 000702889

Reģistrācijas apliecība Nr. / Registration certificate No. M 000331

Dibināts 2004. gadā / Established in 2004

© Daugavpils Universitāte
© Daugavpils University

ISSN 1691-1881
eISSN 2592-8562

SATURS

RAKSTI / ARTICLES / СТАТЬИ

Ekonomika / Economics / Экономика

Edgars Štāls, Žanna Caurkubule, Rita Konstante	
EFEKTIVITĀTES JĒDZIENS: IZPRATNE, INTERPRETĀCIJAS UN IZMANTOŠANA	7
The concept of effectiveness / efficiency: understanding, interpretation and use	
Понятие эффективности: понимание, интерпретация и применение	
Вера Комарова, Янис Балодис, Эдмундс Чижо, Анита Кокаревича, Наталья Селиванова-Фёдорова	
РАЗРАБОТКА ИНДЕКСА ТРАНСПОРТНОЙ РАЗВИТОСТИ ТЕРРИТОРИИ ДЛЯ СТРАН МИРА	37
Teritorijas transporta attīstības indeksa izstrāde pasaules valstīm	
Elaboration of the Territory Transport Development Index for the world countries	

Socioloģija / Sociology / Социология

Violeta Vilkoitytė, Daiva Skučienė	
SOCIAL INVESTMENT IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC: THE CASE OF LITHUANIA	59
Sociālās investīcijas COVID-19 pandēmijas kontekstā: situācija Lietuvā	
Социальные инвестиции в контексте пандемии COVID-19: ситуация в Литве	
Dalia Prakapienė	
DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE IN THE LITHUANIAN ARMED FORCES	78
Starpkultūru kompetences attīstīšana Lietuvas Bruņotajos spēkos	
Развитие межкультурной компетентности в Вооруженных силах Литвы	

Tiesībzinātne / Law / Юриспруденция

Анатолий Кривиньш, Мариана Петрова, Марин Маринов	
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРОЗРАЧНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	96
Pārskatāmības principa nodrošināšana publiskajos iepirkumos: Eiropas Savienības pieredze	
Ensuring the principle of transparency in public procurement: experience of the European Union	
Evaldas Raistenskis, Vitolds Zahars, Giga Abuseridze	
THE LEGAL FRAMEWORK AFFECTING SMUGGLING OF TOBACCO PRODUCTS AS A FORM OF THE SHADOW ECONOMY IN SAKARTVELO	115
Tabakas izstrādājumu kontrabandas kā ēnu ekonomikas veida ierobežošanas un novēršanas tiesiskais regulējums Sakartvelo	
Правовое регулирование ограничения контрабанды табачных изделий как одной из форм теневой экономики в Сакартвело	

Sociālā psiholoģija / Social psychology / Социальная психология

Гершонс Бреславс, Людмила Кудрявцева	
МОРАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, ДЕПРЕССИЯ И ТРЕВОЖНОСТЬ В НОРМЕ И В СЛУЧАЯХ НАРУШЕНИЙ ПИТАНИЯ У ДЕВУШЕК-ПОДРОСТКОВ	126
Morālas emocijas, depresija un trauksme pusaudzēm ar un bez ēšanas traucējumiem	
Adolescents' girls moral emotions, depression and anxiety with and without eating disorders	

RAKSTI

EKONOMIKA

Edgars Štāls, Žanna Caurkubule, Rita Konstante

EFEKTIVITĀTES JĒDZIENS: IZPRATNE, INTERPRETĀCIJAS UN IZMANTOŠANA

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(1\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(1))

Citešanai: Štāls E., Caurkubule Ž., Konstante R. (2022) Efektivitātes jēdziens: izpratne, interpretācijas un izmantošana. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, 35(2): 7–36. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(1\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(1))

For citation: Štāls E., Caurkubule Ž., Konstante R. (2022) The concept of effectiveness / efficiency: understanding, interpretation and use. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 7–36. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(1\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(1))

Raksta mērķis ir atspoguļot ar efektivitātes jēdzienu saistito problemātiku, veicināt šī termina izpratni un vienotu efektivitātes terminoloģijas pielietojumu latviešu zinātniskajā literatūrā. Efektivitātes jēdziens un attiecīgā termina interpretācijas raisa diskusijas latviešu zinātniskajā diskursā. Šī tēmas problemātika ir saistīta ne vien ar efektivitātes jēdziena izpratni, bet arī ar terminoloģisko iedalījumu, noteiktu procesu efektivitātes novērtēšanas iespējām un atsevišķu ar efektivitāti saistītu angļu valodas terminu atbilstību latviešu valodā. Terminu *efficiency* un *effectiveness* atšķirīgās interpretācijas latviešu zinātniskajā literatūrā ietekmē ekonomiskās pētniecības kvalitāti ar centieniem aizstāt šos jēdzienus ar eksistējošiem terminiem, kuriem jau pastāv sava vieta ekonomikas teorijā. Nēmot vērā efektivitātes jēdziena universālo izmantošanu, arī jautājumi, kas saistīti ar efektivitātes novērtēšanas procesiem ir daudzpusīgi un nestandardizēti, ietverot dažādas pieejas, struktūru un komponentes, kas atspoguļotas zinātniskajā literatūrā. Lai rastu priekšstatu par efektivitātes jēdziena nozīmi, teorētisko pamatu un noteiktu galvenos ar šo jēdzienu saistītās problemātikas aspektus, šajā rakstā autori analizē efektivitātes jēdziena konceptu angļu, krievu un latviešu ekonomiskajā literatūrā, kā arī efektivitātes terminam pakārtotus jēdzienus, definējumus, terminoloģiju un interpretācijas. Autori secina, ka ārvalstu literatūrā angļu valodas termini *efficiency* un *effectiveness*, kā arī ar tiem saistītie termini ir skaidri definēti un atbilstoši pozicionēti. Savukārt latviešu zinātniskajā diskursā tiem nav skaidras definīcijas un interpretācijas. Neskatoties uz Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisijas (LZA TK) piedāvātiem terminoloģiskiem *efficiency* un *effectiveness* risinājumiem, pieņemtās terminu atbilstības latviešu zinātniskajā literatūrā un valsts pārvaldes dokumentācijā nav nostabilizējusās.

Atslēgvārdi: efektivitāte, efektivitātes definīcija, efektivitātes jēdziens, efektivitātes teorija, produktivitāte.

The concept of effectiveness/ efficiency: understanding, interpretation and use

The aim of this article is to reflect the problem of the concept of effectiveness/efficiency, to promote the understanding of this term and to promote a uniform application of the terminology in Latvian scientific literature. The concept of effectiveness / efficiency and the interpretation of the relevant term give rise to discussion in Latvian scientific discourse. The problem of this topic is linked not only to the understanding of the concept of effectiveness/efficiency, but also to the terminological classification, the possibilities for assessing the efficiency of certain processes, and the relevance of English terms related to effectiveness / efficiency in the Latvian language. The different interpretations of the terms “efficiency and effectiveness” in Latvian scientific literature influence the quality of economic research by attempting to replace these concepts with existing terms that already have their place in economic theory. Given the universal use of the concept of effectiveness / efficiency, the issues related to effectiveness / efficiency assessment processes are also versatile and non-standardised, including various approaches, structures and components reflected in scientific literature. To find a prerequisite meaning, theoretical basis, and main issues relating to effectiveness / efficiency concepts, the authors of this article analyse these terms in English, Russian and Latvian economic literature, as well as their classifications, definitions, terminology, and interpretations of the term. The authors conclude that in foreign literature the English terms “efficiency and effectiveness”, as well as the related terms are clearly defined and appropriately positioned. However, they do not have a clear definition and interpretation in Latvian scientific discourse. Despite the translation solutions offered by the Latvian Academy of Sciences Terminology Commission of the term’s efficiency and effectiveness, the proposed equivalents have not stabilised in Latvian scientific literature and the State Administration documentation.

Key words: effectiveness / efficiency, effectiveness / efficiency definition, effectiveness / efficiency concept, effectiveness / efficiency theory, productivity.

Понятие эффективности: понимание, интерпретация и применение

Цель данной статьи – отразить проблематику, связанную с понятием «эффективность», способствовать пониманию этого термина и единообразному применению терминологии эффективности в латышской научной литературе. Понятие «эффективность» и интерпретации соответствующего термина вызывают дискуссии в латышском научном дискурсе. Проблематика темы связана не только с определением понятия эффективности, но и с терминологической классификацией, а также возможностями оценки эффективности тех или иных процессов и толкованием некоторых английских терминов, связанных с эффективностью, в латышском языке. Различное толкование терминов *efficiency* и *effectiveness* в латышской научной литературе влияет на качество экономических исследований, в которых эти понятия обозначаются достаточно прочно закрепившимися в экономической теории терминами. Учитывая повсеместность использования понятия «эффективность», вопросы, связанные с процессами оценки эффективности, также многогранны и нестандартны, то есть включают в себя различные подходы, структуры и компоненты, отражённые в научной литературе. Для того, чтобы получить исчерпывающее представление о значении понятия «эффективность», о его теоретической базе, а также идентифицировать основные аспекты проблематики, связанные с данным понятием, авторы статьи анализируют понятие эффективности в английской, русской и латышской экономической литературе. Кроме того, в статье анализируются также понятия, подчинённые термину «эффективность», их определения и интерпретации. Авторы приходят к выводу о том, что в зарубежной литературе англоязычные термины *efficiency* и *effectiveness*, а также термины, связанные с ними, имеют чёткое определение и соответствующее позиционирова-

ние. В свою очередь, в латышском научном дискурсе нет их чёткого определения и толкования. Несмотря на предложенные Терминологической комиссией Латвийской академии наук решения по переводу терминов *efficiency* и *effectiveness*, на практике – в латвийской научной литературе и документах государственного управления – использование соответствующих терминов не закрепилось.

Ключевые слова: эффективность, определение эффективности, понятие эффективности, теория эффективности, производительность.

Ievads

Latviešu valodā plaši tiek izmantots termins “efektivitāte”. Šis termins tiek pielietots ne tikai ikdienas sarunvalodā, bet arī zinātniskajā literatūrā, valsts plānošanas dokumentos un dažādu valsts, pašvaldību, nevalstisko, privāto u. c. organizāciju ārējā un iekšējā dokumentācijā. Organizācijas ir tendētas uz noteiktu procesu efektivitātes paaugstināšanu, kur parasti tiek veiktas vai plānotas noteiktas darbības šī mērķa sasniegšanai. Šeit svarīgs ir jautājums, ko šī termina lietotājs saprot ar vārdu “efektivitāte”. Vai šis termins raksturo resursu optimālu izmantošanu, darba tempa kāpināšanu, paaugstinātu produkcijas apjoma radīšanu, racionalāku organizācijas iekšējās vai ārējās darbības procesu izveidošanu, vai visu kopā? Atsevišķos plānošanas dokumentos efektivitātes paaugstināšana tiek izvirzīts kā galvenais mērķis, kas tiek balstīts uz noteiktu procesu vai pakalpojumu uzlabošanu, jaunu tehnoloģiju ieviešanu u. c. Tomēr jāatzīst, ka nav iespējams noteikt efektivitātes pieaugumu, pazemināšanos, t. i., kontroli, ja nav izpratnes, kādu tiesī efektivitāti ir paredzēts paaugstināt, ja nav zināms konkrētu procesu efektivitātes pašreizējais stāvoklis un neeksistē instruments efektivitātes novērtēšanai. Piemēram, Sociālās aizsardzības un darba tirgus politikas pamatnostādnes 2021.–2027. gadam cita starpā paredz sociālo pakalpojumu efektivitātes novērtēšanas sistēmas uzlabošanu (Latvijas Republikas Ministru kabinets 2022b). Šeit svarīgi pieminēt, ka uz šo brīdi nepastāv valsts apstiprināta sociālo pakalpojumu efektivitātes novērtēšanas sistēma, tādejādi tas izslēdz iespēju objektīvi spriest par efektivitātes novērtēšanas sistēmas uzlabošanu kā tādu, kaut arī ar likumu tika noteikts izstrādāt sociālo pakalpojumu efektivitātes novērtēšanas kritērijus 2017. gadā (Latvijas Republikas Saeima 2003).

Līdzīgu problēmu aplūko arī I. Baltiņa un M. Šenfelde, norādot, ka Latvijas valsts pārvaldē darbojas sistēma, kurā iestādes nosaka mērķus, rādītājus, kurus plānots sasniegta ar noteiktiem resursiem, tomēr nenotiek sasniegto rezultātu un rādītāju izvērtēšana (Baltiņa, Šenfelde 2010). Tas nozīmē, ka tiek noteikts konkrētas efektivitātes sasniegšanas mērķis, bet netiek realizēta sasniegto mērķu efektivitātes izvērtēšana, kas liez noteikt, cik efektīvi ir šo sasniegto mērķu rezultāti. Šo un citu iemeslu dēļ svarīgi ir izprast efektivitātes konceptu un rast skaidrus priekšstatus par efektivitātes novērtēšanas komponentēm. Savukārt, lai veicinātu šo izpratni, ir nepieciešams veikt noteikta rakstura pētījumus, saistītus ar efektivitātes novērtējumiem dažādās tautsaimniecības jomās, valsts pārvaldes, budžeta un nevalstisko organizāciju ietvaros. Šāda rakstura pētījumi ir saistīti ar ekonomiskās terminoloģijas, t. sk., termina “efektivitāte” izmantošanu.

Attīstoties efektivitātes teorijai, zinātnisko pētījumu rezultāti starptautiskajai audītorijai pārsvarā tiek atspoguļoti angļu valodā, kur šīs valodas īpatnība paredz efektivitātes jēdzienu dažādas terminoloģiskas formas ar atšķirīgu nozīmi. Šis apstāklis ir raisījis diskusijas par angļu valodas efektivitāti aprakstošo terminu interpretācijām latviešu zinātniskajā literatūrā. Šo terminu interpretācijas bieži ir pretrunīgas, kas liecina ne tikai par efektivitātes koncepta, bet arī atsevišķu terminu atšķirīgo izpratni un nozīmi. Šajā darbā autori analizē efektivitātes jēdzienu konceptu angļu, krievu un latviešu ekonomiskajā literatūrā, kā arī ar efektivitātes terminu saistītus jēdzienus iedalījumus, definējumus, terminoloģiju un interpretācijas, izmantojot ārvalstu un latviešu zinātnisko literatūru, terminoloģijas vārdnicas, valsts un nevalstisko organizāciju oficiālo dokumentāciju, ar mērķi atspoguļot ar efektivitātes jēdzienu saistīto problemātiku, veicināt šī termina izpratni un vienotu efektivitātes terminoloģijas pielietojumu latviešu zinātniskajā literatūrā.

Efektivitātes termina raksturojums un teorētiskais pamats

Termina “efektivitāte” izcelsme tiek skaidrota ar latīnu valodas vārdiem *effectus* ar nozīmi “iedarbība, ietekme” vai *effectivus* – “produktīvs, efektīvs”, kas veidots no vārda *efficio-* “ražot, radīt” ar pievienotu izskāņu *-ivus*. Savukārt *efficio* ar nozīmi “izveidot, realizēt, novadīt procesu līdz galam” ir saliktenis no priedēkļa *ex-* ar nozīmi “no” un *facio* ar nozīmi “darīt, veidot” (Glosbe 2021; Word Sense 2021).

Mūsdienās terms “efektivitāte” ir plaši izmantots dažādās jomās un darbības sfērās, tai skaitā uzņēmējdarbības, mārketinga un vadības profesionāļu vidū, lai raksturotu un analizētu organizācijas attīstības stratēģiju un virzību. Saskaņā ar A. Klausu, efektivitāti raksturo tas, cik viegli, ātri vai lēti ar attiecīgo līdzekli, metodi vai rīcības veidu ir sasniedzams noteikts mērķis jeb ierobežoto resursu maksimāla atdeve un to izmantošana ar minimāliem zaudējumiem vai bez zaudējumiem. Pārvaldībā efektivitāti saprot kā mērķu sasniegšanas pakāpi, kā pareizo mērķu istenošanu (Klauss 2000).

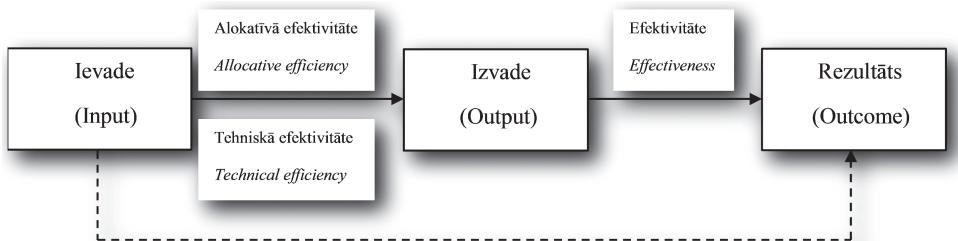
Jāatzīmē, ka efektivitātes definīcijas atšķiras pēc sava saturā, un tas ir atkarīgs no nozares, kurā šis terms tiek izmantots. Latvijas Nacionālajā terminoloģijas portālā ir sastopami vairāki desmiti ar efektivitāti saistīti termini. Piemēram, kapitālieguldījumu efektivitāte, procesa efektivitāte, saimniekošanas efektivitāte, darba efektivitāte, meteoroloģiskā efektivitāte, veikspējas efektivitāte, kritēriju efektivitāte, ekonomiskā efektivitāte un daudzi citi (Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls 2022a).

Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisija (LZA TK) pieņemtajos terminu skaidrojumos ir sniepta efektivitātes definīcija, kas veidota, apkopojojot literatūrā sastopamo terminu skaidrojumus: efektivitāte, iedarbīgums ir pakāpe, kādā sistēma vai tās sastāvdaļas sasniedz vēlamo rezultātu (izpilda savas funkcijas) salīdzinājumā ar resursu patēriņu. Tādējādi efektivitāte, saskaņā ar LZA TK, ir rādītājs, ar kura palīdzību mēra pakāpi, kādā sistēma vai tās sastāvdaļas sasniedz vēlamo rezultātu salīdzinājumā ar resursu patēriņu (Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisijas (LZA TK) 2004).

U. Mandls (*U. Mandl*) ar kolēģiem efektivitātes (*efficiency, effectiveness*) konceptu apraksta kā saikni starp ievadi (*input*), izvadi (*output*) un rezultātu (*outcome*), kur

monetārie un nemonetārie resursi – *input* rada noteiktu produktu vai pakalpojumu – *output* (skat. 1. attēlu). Ja *input–output* attiecība ir vissvarīgākais efektivitātes rādītājs, tad *outcome* bieži ir saistīts ar izaugsmes mērķiem, kur atšķiriba starp *output* un *outcome* bieži ir neskaidra. Tādēļ *output* un *outcome* tiek izmantoti kā savstarpēji aizstājami jēdzieni, pat ja tiek atzīta to atšķirīgā nozīme (Mandl et al. 2008).

1. attēls
Efektivitātes shematiskais attēlojums

Avots: autoru izveidots, pamatojoties uz Mandl et al. 2008.

Efektivitātes jēdzienu attīstībā 18. gs. ir devuši ieguldījumu tādi autori kā fiziokrātu skolas pārstāvis F. Kenē (*F. Quesnay*), kurš savos darbos operē ar terminu “efektivitāte”, aprakstot kapitāla ieguldījumu lauksaimniecībā, kad tiek taupīti izdevumi, tādējādi paaugstinot saimniekošanas efektivitāti (Isachenko 2010). Klasiskās ekonomikas skolas pārstāvji ir Ā. Smits (*A. Smith*), kurš apgalvoja, ka visa pamats ilglaicīgai ekonomiskās izaugsmes stabilitātei ir lauksaimniecības efektivitāte, un D. Rikardo (*D. Ricardo*), kurš terminu “efektivitāte” lieto vairāk kā ražīguma sinonīmu (Blaug 1994; Isachenko 2010).

Svarīgi pieminēt ir arī neoklasikas skolas pārstāvi L. Valrasu (*L. Walras*), kurš ieviesa vispārējo ekonomiskā līdzsvara jēdzienu, kur kopējā līdzsvara nosacījumi atbilst maksimālās efektivitātes sasniegšanas nosacījumiem ekonomikā (Nikolaev 2004). Lielu ieguldījumu efektivitātes teorijā ir sniedzis ekonomiskās sistēmas efektivitātes principa ieviesējs V. Pareto (*V. Pareto*), kura teorija (*Pareto optimum*) nosaka, ka efektīvā ekonomiskā sistēmā nav iespējams ieviest nekādus uzlabojumus bez attiecīgu citu tās parametru pasliktināšanās (Economics Online 2020).

No 19. gs. vadības teorētiķiem ir jāpiemin F. Teilors (*F. Taylor*), kurš saistībā ar efektivitāti menedžmenta ekonomikā pirmais aplūko darba aktivitāti kā galveno ieņēmumu pieauguma avotu uzņēmumos, kā arī 14 menedžmenta universālo principu autors H. Fayjols (*H. Fayol*) (Shemet'iev 2014; Lafta 2005).

Pie 20. gs. spilgtākajām personībām efektivitātes jēdzienu pilnveidošanā var minēt keinsisma skolas pamatlīcēju Dž. Keinsu (*J. Keynes*). Dž. Keinsa darbos centrālā kategorija ir kapitālieguldījumu “robežefektivitāte”, kur robežefektivitāti Dž. Keins definē kā attiecību starp sagaidāmiem ienākumiem, ko sniedz noteikta veida kapitālieguldījuma papildus vienība, un šīs vienības ražošanas izmaksas. Viņš analizē tādus terminus kā “ražīgums”, “ienākums”, “efektivitāte” un “kapitāla lietderība”, nosakot to savstarpējo atkarību un atšķirības (Keynes 2011). Ievērības cienīgas ir arī tādas

personības kā M. Frīdmens (*M. Friedman*), kurš nošķira ekonomisko efektivitāti, ražošanas efektivitāti un ekonomiskās sistēmas funkcionēšanas efektivitāti, un M. Alle (*M. Allais*), kurš bija viens no pirmajiem, kas sniedza pierādījumus par maksimālās efektivitātes un līdzsvara stāvokļa ekvivalenci tirgus ekonomikā. Viņš izstrādāja arī maksimālās efektivitātes un ekonomikas līdzsvara teoriju, kurā norāda, ka pēc savas būtības ekonomiskās darbības mērķis ir pie ierobežotiem resursiem apmierināt praktiski neierobežotas cilvēku vajadzības (Nikolaev 2004; Nekrasov 2010). Nozīmīgu ieguldījumu efektivitātes teorijā ir devuši arī “statiskās un dinamiskās efektivitātes”, kā arī “efektivas konkurences” un “efektīva monopola” jēdzienu ieviesējs J. Šumpeters (*J. Schumpeter*), un darba izmantošanas efektivitātes kopējās koncepcijas ieviesējs H. Emersons (*H. Emerson*) (Antipina, Shapkin 2014; Duncan 1990; Witzel 2002). Jāpiebilst, ka savā darbā “*The Twelve Principles of Efficiency*” (1912) H. Emersons piedāvā darba izmantošanas efektivitātes kopējo koncepciju, kurā noformulē gan atsevišķa izpildītāja darba, gan uzņēmuma ražošanas procesa pareizas organizācijas principus (Emerson 1924). Saistībā ar efektivitātes attīstību jāmin arī M. Kuks (*M. Cooke*), kurš uzstāja uz gandrīz visu ekonomisko darbības menedžmenta principu piemērošanu arī citās cilvēka darbības jomās, ja efektivitāte kļūst par šo jomu kritēriju, un V. Klarks (*W. Clark*), kurš veicināja zinātniskā menedžmenta un ražošanas efektivitātes ideju izplatīšanu Eiropas valstīs (Marshev 2016; Duncan 1990). Savukārt E. Trista (*E. Trist*) un E. Torsruda (*E. Thorsrud*) darbība tika vērsta uz darba vietu reorganizāciju. Viņu teorija balstījās uz efektīvāku darba grupu izveidi, kuras apveltītas ar augstāku līmeņa neatkarību un autonomiju (Isachenko 2010).

20. gs. vidū un otrajā pusē ar efektivitātes jēdzienu ir saistīti tādi cilvēku attiecību skolas amerikāņu psihologu un sociologu vārdi kā M. Folete (*M. Follett*), R. Laikerts (*R. Likert*), E. Meijo (*E. Mayo*) un A. Maslous (*A. Maslow*). Šie zinātnieki akcentēja cilvēkresursu kā organizācijas efektivitātes pamatelementu, un galvenais mērķis bija palīdzības sniegšana uzņēmuma darbiniekam, lai palīdzētu tam apzināties savas spējas un radošo potenciālu, kā arī organizācijas efektivitātes palielināšana uz cilvēkresursu efektivitātes palielināšanas reķina. Viņu galvenais postulāts bija tas, ka uzvedības zinātnes pareiza pielietošana vienmēr veicinās kā atsevišķu darbinieku, tā arī visas organizācijas efektivitātes palielināšanos (Lafta 2005).

Kā savā darbā norāda T. Lavsons (*T. Lawson*), šodien akadēmiskās ekonomikas diskursu aptver neoklasisms, kur ar šo terminu apzīmē virkni būtisku teoriju un politikas nostāju (Lawson 2013). Saskaņā ar neoklasicisma ekonomikas tradīcijām ekonomiskā efektivitāte (*economic efficiency*) ir statiskās efektivitātes (*static efficiency*) un dinamiskās efektivitātes (*dynamic efficiency*) summa un rezultāts, kur ekonomiskā efektivitāte paredz minimālās preces vai pakalpojuma ražošanas izmaksas, maksimālu izlaidi un maksimālu ienākumu. Terminu “ekonomiskā efektivitāte” parasti lieto mikroekonomikā, lai apzīmētu produkta vai pakalpojuma tirgus vislabākās iespējamās darbības stāvokli (Petrou 2014). Ekonomiskā efektivitāte ekonomikā pastāv tad, kad ar noteiktām tehnoloģijām nav iespējams radīt lielāku labklājību no noteiktiem resursu krājumiem (Havyatt 2017). Statiskā efektivitāte ir esošo produktu, procesu vai spēju uzlabošana, bet dinamiskā efektivitāte ir jaunu tehnoloģiju attīstība un ražošanas funkcijas maiņa rentablā virzienā (Petrou 2014; Ghemawat, Ricart Costa 1993).

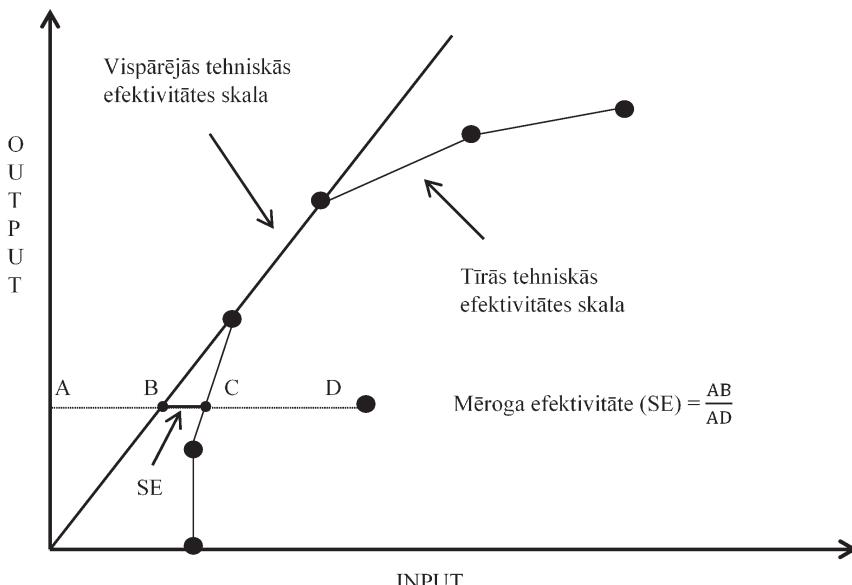
V. Kerbers (*W. Kerber*) norāda, ka gan statiskā efektivitāte, gan dinamiskā efektivitāte palielina sabiedrības labklājību, kur šī statiskās un dinamiskās efektivitātes perspektīva ir plaši atzīta ekonomikā. Viņš statiskās efektivitātes jēdzienu skaidro, pamatojoties uz pieņēmumu, ka produkta kopums, ražošanas tehnoloģijas, ražošanas faktori un vēlmes ir nemainīgas un šo lielumu aprēķināšanas matemātiskie modeļi ir statistiski līdzsvara modeļi, kuros netiek ķemta vērā dinamika (Kerber 2007). Bet A. Petrou (*A. Petrou*) atzīmē, ka statiskā efektivitāte rodas, ja tirgus darbojas, nemot vērā divus nosacījumus: ja tiek īstenota alokatīvā efektivitāte (*allocative efficiency*) (arī sadales vai izvietojuma) un ražošanas efektivitāte (*productive efficiency*) (Petrou 2014). Pēc D. Vaidija (*D. Vaidya*), alokatīvā efektivitāte, ražošanas efektivitāte un dinamiskā efektivitāte ir ekonomiskās efektivitātes veidi (Vaidya 2022).

V. Kentons (*W. Kenton*) apraksta alokatīvo efektivitāti kā optimālu preču un pakalpojumu sadali patērētājiem ekonomikā, kā arī optimālu finanšu kapitāla sadalījumu uzņēmumiem vai projektiem starp investoriem, kur visas preces, pakalpojumi un kapitāls tiek piešķirts tā, lai to vislabāk izmantotu. Alokatīvā efektivitāte rodas, kad organizācijas valsts un privātajā sektorā tērē savus resursus projektiem, kas būs visrentablākie un sniegs vislielāko labumu iedzīvotājiem, tādējādi veicinot ekonomisko izaugsmi. Savukārt realizēt to ir iespējams, ja iesaistītās putas var izmantot tirgū atspoguļotos precīzos un viegli pieejamos datus, lai pieņemtu lēmumus par to, kā izmantot savus resursus. Alokatīvo efektivitāti mēra, izmantojot kopējo tirgus pārpalikumu (apvienoto patērētāju un ražotāju pārpalikumu), un alokatīvās efektivitātes zudumi (alokatīvā neefektivitāte) rodas, ja cena pārsniedz robežizmaksas, t. i., pārsniedz patērētāju vēlmi maksāt (Kenton 2021).

Ražošanas efektivitāte ietver tehnisko efektivitāti (*technical efficiency*), kas norāda uz to, cik tehniski ir iespējams samazināt jebkuru ieguldījumu, nesamazinot izlaidi un nepalielinot nevienu citu ieguldījumu (Productivity Commission 2013). R. Afanasjevs (*P. Афанасьев*) un N. Golovanova (*H. Голованова*) norāda, ka ražošanas efektivitāte tiek sasniegta, iegūstot nepieciešamo rezultātu ar minimālākajām izmaksām, kas nozīmē sabiedrisko labumu ražošanu ar maksimāli iespējamu pieejamo resursu izmantošanu, kā arī to, ka nav iespējams palielināt ražošanu, nepalielinot resursu izmantošanu. Tas nozīmē, ka produkta ražošana tiek īstenota uz ražošanas iespēju robežas (Afanas'iev, Golovanova 2016). Saskaņā ar V. Kerberu, alokatīvās un ražošanas efektivitātes mērķi nav aplūkojami vienā līmenī. Alokatīvā efektivitāte pieprasīja uz visām organizācijām efektīvu ražošanu, tādēļ ražošanas efektivitātes mērķi ir pakārtoti alokatīvās efektivitātes galējiem mērķiem (Kerber 2007). S. Palmers (*S. Palmer*) un D. Torgersons (*D. Torgerson*) tehnisko efektivitāti attiecina uz fizisko saikni starp resursiem (kapitālu un darbu) un rezultātu (Palmer, Torgerson 1999). Bet A. Petrou ražošanas efektivitāti apraksta kā tehniskās efektivitātes un mēroga efektivitātes (*scale efficiency, SE*) līmeņu summu, kur gan tehniskos, gan mēroga efektivitātes līmeņus mēra kā novirzes no noteiktās ražošanas robežas, kas saista kopējos *input* daudzumus ar kopējiem *output* daudzumiem tehnoloģiskā izteiksmē. Tehniskā efektivitāte atspoguļo uzņēmuma esošās *input* un *output* kombinācijas attālumu no šīs robežas (Petrou 2014). Saskaņā ar R. Bankeru (*R. Banker*) un viņa kolēgiem, mēroga efektivitāte ir tā novirze no vispārējās tehniskās efektivitātes skalas (*overall technical efficiency, OTE*) (skat. 2. attēlu) (Banker et al. 1984).

2. attēls

Tehniskā efektivitāte un mēroga efektivitāte

Avots: autoru izveidots, pamatojoties uz Data Envelopment Analysis Online Software (DEAOS) 2022.

Šādu pieeju sociālās aprūpes centru (SAC) tehniskās efektivitātes novērtējumam ir izmantojuši, piemēram, L. Žangs (*L. Zhang*) ar kolēģiem SAC tehnisko efektivitāti sadalot tīrajā tehniskajā efektivitātē (*pure technical efficiency, PTE*) un mēroga efektivitātē (*Zhang et al. 2019*).

$$TE = PTE * SE$$

Attiecībā uz aprūpes pakalpojumu sektoru S. Pīkoks (*S. Peacock*) ar kolēģiem alokatīvo efektivitāti definē kā situāciju, kurā aprūpes resursi tiek izmantoti vislabākajā veidā, t. i., līmenī, kur tālākie sabiedrības veselības uzlabojumi kopumā nav iespējami. Šie pētnieki atzīmē, ka veselības rezultātu sasniegšanas kontekstā tehniskā efektivitāte tiek sasniegta, piemērojot rentablas aprūpes procedūras ar vismazāko ieguldījumu, bet alokatīvā efektivitāte tiek sasniegta, izvēloties tehniski efektīvu veselības programmu kopumu, lai klientiem nodrošinātu pēc iespējas lielākus veselības uzlabojumus. Šīs definīcijas ir raksturīgas veselības aprūpes pakalpojumiem un atšķiras no tās, ko parasti izmanto citās nozarēs, piemēram, ražošanā un lauksaimniecībā, jo aprūpes efektivitāte tiek novērtēta, neskatoties uz rezultātu, nevis saražoto produkciju. Arī šīs efektivitātes mērišanas centrā ir ražošanas robežas jēdziens, kas sasaista *input* ar *output*, kur ražošanas robeža atspoguļo ražošanas procesa tehnoloģiskās iezīmes. Tehnisko efektivitāti mēra kā attālumu līdz robežai. Alokatīvo efektivitāti mēra, salīdzinot dažādus robežas punktus un aprēķinot, cik lielā mērā tie uzlabo iedzīvotāju veselības stāvokli

(Peacock et al. 2001). S. Palmers un D. Torgersons papildina šo pieeju ar ražošanas efektivitāti, norādot, ka tehniskā efektivitāte risina jautājumu par esošo resursu maksimālu izmantošanu, bet ražošanas efektivitāte, izvēloties dažādas resursu kombinācijas, veicina maksimālu labumu veselībai par noteiktām izmaksām (Palmer, Torgerson 1999).

Dinamiskā efektivitāte attiecas uz resursu sadalījumu laika gaitā, kas paredzēti, lai uzlabotu ekonomisko efektivitāti un radītu vairāk resursu. Tas var nozīmēt jaunu produktu un labāku preču un pakalpojumu ražošanas veidu atrašanu (Productivity Commission 2013). Arī Č. Vulfs (*Ch. Wolf*) apraksta dinamisko efektivitāti kā uzņēmuma vai ekonomiskās sistēmas spēju radīt jaunas tehnoloģijas, kas samazina izmaksas funkcijas, uzlabo esošo produkta kvalitāti vai attīsta jaunu tirgus produkciju (Wolf 1979). A. Petrou norāda, ka dinamisko efektivitāti ir grūti izmērīt, un tā ir ļoti atkarīga no pētāmās nozares, bet V. Kerbers atzīst, ka nav iespējams definēt, ko īsti nozīmē "dinamiskā efektivitāte" optimāla dinamiska risinājuma izpratnē, par cik šis jēdziens nav tik skaidri definēts, kā statiskā efektivitāte. Tādēļ tas jāuztver brīvā formā, kur inovācijas tiek uzskatītas par pozitīvām pārmaiņām, kas ļauj labāk apmierināt patēriņtāju vēlmes (Petrou 2014; Kerber 2007). E. Eibls (*A. Abel*) ar kolēģiem secina, ka dinamiskā efektivitāte ir galvenais jautājums, analizējot ekonomikas izaugsmi, fiskālās politikas ietekmi un kapitāla aktīvu cenu noteikšanu (Abel et al. 1989).

Efektivitātes jēdziena interpretācijas

Krievu ekonomiskajā literatūrā efektivitātes jēdziens ir aplūkots no dažādiem aspektiem, tādēļ rada bagātigu termina iedalījumu un klasifikāciju dažādību. T. Jevdokimova (*T. Евдокимова*) uzskata, ka, neskatoties uz to, ka ekonomiskā efektivitāte ir plaši pētīta, līdz šim nav atrasta vienota pieeja tās noteikšanai, un uzsver, ka efektivitāte kopumā ir jāuztver kā ekonomisko, sociālo, ekoloģisko un citu problēmu komplekss, kas jārisina sistēmiski (Ievdokimova 2013).

R. Afanasjevs un N. Golovanova apraksta vairākus efektivitātes raksturlielumus: ekonomiskums raksturo noteikta veida resursu vienības izmaksas, ko izmanto sabiedrisko labumu nodrošināšanai; ekonomiskā efektivitāte raksturo noteiktas kvalitātes pakalpojumu apjoma un izmaksu (naudas izteiksmē) attiecību pret to sniegšanu vai ražošanu; sociālā efektivitāte raksturo sociāli nozīmīga rezultāta/efekta sasniegšanas pakāpi atkarībā no valsts sniegtu pakalpojumu apjoma un kvalitātes; sociāli ekonomiskā efektivitāte raksturo programmas īstenošanas rezultātā sasniegtā sociāli nozīmīgā rezultāta/efekta attiecību pret izmaksu apjomu šī efekta sasniegšanai; rezultatīvitatē raksturo attiecību starp faktiski sasniegtiem un plānotiem rezultātiem (Afanas'iev, Golovanova 2016). O. Romanova (*O. Романова*), līdzīgi neoklasicisma ekonomikas skatījumam, statisko efektivitāti apraksta kā īstermiņa organizācijas darbības izvērtēšanas formu, bet dinamisko efektivitāti attiecina uz augstāku rezultātu sasniegšanu, izmantojot resursu elastību un tehnoloģisko attīstību ilgtermiņā. Papildus viņa uzsver, ka tirgus apstākļos efektivitātei piemīt divas formas – iekšējā un ārējā, kur iekšējā efektivitāte uzņēmuma darbības pašvērtējumu balsta uz ražošanas *input* un *output*.

attiecībām, bet ārējā efektivitātē raksturo sociālo vajadzību struktūru, organizācijas iespēju pakāpi šo vajadzību apmierināšanai un saražotā produkta lietderības līmeni (Romanova 2002). T. Frolova (*T. Фролова*) efektivitāti iedala pēc dažādām pazīmēm noteiktos efektivitātēs viedos, kas, pēc viņas domām, kopumā formē kopējo integrālo organizācijas darbību: pēc sekām – ekonomiskajā, sociālajā un ekoloģiskajā; pēc efekta iegūšanas vietas – lokālajā, tautsaimniecības; pēc palielināšanās pakāpes – pirmreizējā (vienreizējs efekts) un multiplikācijas (vairākkārtējs); pēc noteikšanas mērķa – absolūtā un salīdzinošā (Frolova 2011). Savukārt T. Galiullins (*T. Галиуллин*) efektivitāti klasificē pēc objekta (bioloģiskās, tehniskā un sociālā sistēma); pēc funkcijas (darbība, aktivitāte); pēc resursu izmantošanas (izmaksas) un darbību rezultāta (Galiullin 2009). S. Simonovs (*C. Симонов*) un O. Rjazanova (*O. Рязанова*) norāda uz trīs konceptuālām pieejām jēdziena “efektivitātē” izpratnei: pēc objekta, kas balstīta uz efektivitātēs jēdziena izpratni, raugoties no objekta izpētes skatpunkta, izpētes mērķa, kas nepieciešams organizācijas darbības efektivitātēs novērtēšanā, un aspekta (Simonov, Riazanova 2009). G. Kleiners (*G. Kleiner*) uzskata, ka katras sistēmas efektivitātēs jēdziena konkrētais saturs ir atkarīgs no ekonomikas īpatnībām un iedala aspekta pieeju trīs apakšsistēmās – funkcionālo efektivitāti, resursu vai izmaksu efektivitāti un ekonomisko efektivitāti. Funkcionālā efektivitātē attiecas uz sistēmām, kurus, patēriņot resursus, sasniedz izvirzīto mērķi noteiktu rezultātu veidā; tehnoloģiskā/resursu efektivitātē ir organizācijas resursu patēriņa intensitāte, raugoties no patērieto resursu apjoma, izmaksu un lieluma attiecībām, bet ekonomiskā efektivitātē ir sakarība starp rezultātiem, kas ir *output* un izmaksām, kas ir *input* (Kleiner 2002). Jāpiebilst, ka šis ekonomiskās efektivitātēs traktējums ir līdzvērtīgs tehniskās efektivitātēs interpretācijai. Tādēļ šeit ir saskatāmas jēdzienu pretrunas ar, piemēram, A. Safdara (*A. Safdar*) ieskatiem, kur ūzsver, ka ekonomiskā efektivitātē ir plašāks termins par tehnisko (pamata) efektivitāti, kur aplūkotas vienīgi *input* un *output* attiecības, bet ietver optimālu *input*, *output* līmeņa un struktūras izvēli, reāgējot uz tirgus cenām (Safdar 2014).

Analizējot efektivitātēs jēdziena teorētiskās piejas, T. Jevdokimova savā darbā secina, ka efektivitātēs formas nepārtraukti tiek izstrādātas un pamatoti tādi efektivitātēs veidi kā organizatoriskā, adaptīvā, alokatīvā, sinergiskā, komerciālā, budžeta, maksimālā, kopējā ekonomiskā, tehniski ekonomiskā, sociālā, sociāli ekonomiskā, ekoloģiskā un cita veida efektivitātēs. Tādēļ viņa norāda, ka šis proces ir bezgalīgs (Ievdokimova 2013). Arī latviešu ekonomiskajā literatūrā ir aprakstīti efektivitātēs veidi un iedalījumi. I. Ozoliņa-Ozola attiecībā uz organizācijām apraksta sekojošus efektivitātēs iedalījumus: pēc analīzes līmeņa – organizācijas, struktūrvienības, personāla profesionālas grupas un darbinieka efektivitātē; pēc uzskaites veida – plānotā un faktiskā efektivitātē; pēc tā, kāda resursa patēriņš (izmantošana) tiek analizēts – darba patēriņa efektivitātē, pamatlīdzekļu izmantošanas efektivitātē un citu resursu izmantošanas efektivitātē; pēc ietekmes priekšmeta – tehnoloģiskā efektivitātē, ekonomiskā efektivitātē, sociālā efektivitātē un psihofizioloģiskā efektivitātē; pēc analizējamās darbības (procesa) jomas – saimnieciskās darbības efektivitātē, ražošanas (pakalpoju-mu sniegšanas) efektivitātē, vadišanas, mārketinga, apmācības, u. c. efektivitātē; pēc efektivitātēs noteikšanas formas – absolūtā un relatīvā efektivitātē (Ozoliņa-Ozola 2009).

R. Grēviņas "Ekonomikas skaidrojošā vārdnīcā" efektivitāte tiek iedalīta darba efektivitātē un kapitālieguldijumu efektivitātē. Darba efektivitātes rādītājs ir darba ražīgums jeb produktivitāte, bet kapitālieguldijumu efektivitātes rādītājs ir rentabilitāte (ienesīgums) (Grēviņa 2000). Savukārt I. Ozoliņas-Ozolas iedalījumā darba efektivitāte ir saīsināts termins no darba patēriņa efektivitātes un raksturo tikai vienu efektivitātes veidu, kur, pēc S. Saksonovas, darba ražīgumu var izteikt kā saražotās produkcijas attiecību pret izmantojamiem resursiem (visbiežāk – darbu), un darba ražīgums ir atkarīgs no darbinieku darbaspējām, vēlmes strādāt un tehnisko līdzekļu nodrošinājuma (Ozoliņa-Ozola 2009; Saksonova 2007). Ari P. Roheinians (*P. Roghanian*) ar kolēgiem uzsver, ka termins "produktivitāte" ir plašāks jēdziens, kas atspoguļo ne tikai darba efektivitāti, bet kompleksu faktoru produktivitāti (Roghanian et al. 2012). No kā izriet, ka darba efektivitātes rādītājs – produktivitāte ir kopējās produktivitātes komponente.

Pēc I. Jorniņas un J. Birznieces, kā arī V. Zariņas un I. Strēles apraksta, rentabilitātes rādītāji atspoguļo organizācijas darbības efektivitāti, tāpēc šie koeficienti parāda organizācijas vadības spēju efektīvi vadīt procesus, attīstīt tos un palielināt kapitāla ienesīgumu. Rentabilitātes līmenis ļauj novērtēt uzņēmuma spēju saimnieciskās darbības procesā ġenerēt nepieciešamo peļņu un parāda aktīvu un ieguldītā kapitāla izmantošanas efektivitāti (Jorniņa, Birzniece 2017; Zariņa, Strēle 2009). Savukārt I. Palečkova (*I. Palečková*), aplūkojot jautājumu, vai rentabilitāte raksturo efektivitāti Čehijas komercbanku sektorā, ir nonākusi pie secinājuma, ka šī saistība neeksistē (Palečková 2016). Pie līdzīgiem rezultātiem savā pētījumā ir nonākušas arī V. Heidija un M. Kuncova, kur secina, ka rentabilitātes rādītāji var neatbilst pētāmās nozares uzņēmumu ekonomiskajai efektivitātei, un uzņēmumu rentabilitāte nav reprezentatīvs ekonomiskās efektivitātes rādītājs (Heidija, Kuncova 2021). S. Rojs (*S. Roy*) savā Indijas banku pētījumā arī uzrāda, ka organizācijas var būt efektīvas, bet ar zemu rentabilitāti (Roy 2016). Jāatzīmē, ka rentabilitāte ir orientēta uz efektīvākas peļņas iegūšanu ražošanas un pakalpojuma sniegšanas sektoros, bet nav izmantojama bezpeļņas organizāciju, piemēram, SAC efektivitātes izvērtēšanā.

Latviešu ekonomiskajā literatūrā, piemēram, LZA TK Informācijas tehnoloģijas, telekomunikācijas un elektronikas terminoloģijas apakškomisijas (ITTEA) terminu datubāzē un Ekonomikas terminoloģijas apakškomisijas (ETAK) terminos tiek izmantota jau iepriekš minētā definīcija: efektivitāte ir rādītājs, ar kura palīdzību mēra pakāpi, kādā sistēma vai tās sastāvdaļas sasniedz vēlamo rezultātu (izpilda savas funkcijas) salīdzinājumā ar resursu patēriņu (Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisijas (LZA TK) Informācijas tehnoloģijas, telekomunikācijas un elektronikas terminoloģijas apakškomisija (ITTEA) 2007; Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls 2004). Latviešu avotos ir sastopams arī citu efektivitāti raksturojošu G. Kleinera aspekta pieejas iedalījuma elementi, kas tomēr tiek definēti atšķirīgi.

1. tabula
Definīcijas un skaidrojumi

Resursu/Izmaksu efektivitāte	Avots
Pakāpe, kādā iestādes funkcijas sasniedz vēlamo rezultātu salīdzinājumā ar ieguldito resursu izmaksām	LR tiesību akti, Iekšējā audita likums
Kādā mērā noteikta iespēja panāk nepieciešamo mērķi un veicina tirgu darbību, lai tā būtu efektīva no izmaksu un ciemiem viedokļiem	EK, Eiropas Parlamenta un Padomes Regula
Funkcionālā efektivitāte	
Sagaidāmo vai sasniegto darbības rezultātu un izraudzīto alternatīvu atbilstība noteiktaiem mērķiem	LR tiesību akti, Iekšējā audita likums
Plānoto darbības rezultātu un izvēlēto alternatīvu atbilstība sasniegtajiem politikas rezultātiem un mērķiem	Finanšu ministrija, iekšējo auditoru ikmēneša diskusija
Rezultāti (politikas rezultāti) nodrošina maksimālu sasniegto labumu (<i>outcome</i>) kvalitatīvi un kvantitatīvi, kā definēts mērķos	Finanšu ministrija, Darba izpildes (<i>Performance</i>) mērīšana valsts pārvaldē
Ekonomiskā efektivitāte	
Sagaidāmo vai sasniegto darbības rezultātu kvalitātes un kvantitātes attiecība pret ieguldītajiem resursiem un darbībām	LR tiesību akti, Iekšējā audita likums
Attiecas uz to, kādā mērā tiek paaugstināta kopējā labklājība kādā noteiktā tirgū vai visā ekonomikā	Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis
Darbības rezultātu kvalitātes un kvantitātes attiecība pret ieguldītajiem resursiem un darbībām	Finanšu ministrija, iekšējo auditoru ikmēneša diskusija
Maksimizēt darbības rezultātus (<i>output</i>) kvalitatīvi un kvantitatīvi no ieguldītajiem resursiem (<i>input</i>) un darbībām	Finanšu ministrija, Darba izpildes (<i>Performance</i>) mērīšana valsts pārvaldē

Avots: autoru apkopots pēc Miķelsons, Asafreja 2012; Latvijas Republikas Finanšu ministrija 2011; Latvijas Republikas Saeima 2012; Eiropas Komisija 2006, 2011.

I. Kotāne ekonomisko efektivitāti saista ar izmaksu samazināšanu un līdzekļu piešķiršanu alternatīvai to izmantošanai, kur ekonomiskās efektivitātes rādītājs novērtē to, kā uzņēmums spēj sasniegt rezultātus ar minimāliem ieguldījumiem. Savukārt funkcionālo efektivitāti apraksta kā uzņēmuma politikas mērķu sasniegšanas pakāpi, kur funkcionālā efektivitāte attiecas uz kādu noteiktu, iepriekš definētu rezultātu sasniegšanu bez uzmanības pievēršanas izlietotajām izmaksām (Kotāne 2014). Nemot vērā, ka efektivitātes, produktivitātes (ražīgums) un rentabilitātes (ienesīgums) jēdzieni ir cieši saistīti, aplūkojot efektivitātes termina pielietojumu latviešu efektivitātes teorijā un tā traktejumu no angļu literatūras avotiem, darba autori ir saskārušies ar nevienozīmīgu efektivitātes termina interpretējumu dažādos literatūras avotos.

Efektivitātes terminoloģijas analīze

Pretēji latviešu valodā pieņemtajai efektivitātes termina nozīmei, angļu valodā šis termins ir sastopams dažādās variācijās, kur to izmantošana ir atkarīga no konteksta un izteiksmes veida un locījuma.

2. tabula
Efektivitātes termina variācijas angļu valodā

Termins	Nozīme	Izmantošana
<i>Effect</i>	Sekas, iznākums, rezultāts	Kaut kas, ko rada cēlonis vai aģents; pamatnozīme vai mērķis (it īpaši frāzē, kas attiecas uz šo mērķi/efektu)
<i>Efficacy</i>	Jauda vai spēja radīt vēlamo efektu; efektivitāti	Skaidro pakāpi, kādā kaut kas vispār izpilda savus uzdevumus
<i>Effector</i>	Tāds, kas kaut ko izraisa	Piemēram, “personības spēks kā disciplinas rosinātājs”
<i>Effectivity</i>	Spēja būt efektīvam; spēja radīt efektu	Spēcīga iespāida vai reakcijas radīšana. Piemēram, “sniegt efektīvu aktierspēli”
<i>Effectively</i>	Efektīvāk; Tādā veidā, lai iegūtu vēlamo rezultātu	Kad tiek aprakstīts reālas situācijas rezultāts. Piemēram, “zāles iedarbojas efektīvāk pēc ūdens uzdzēšanas”
<i>Effectuality</i>	Radošs vai pietiekams, lai radītu vēlamo efektu	Par kaut ko nedzīvu vai abstraktu, kas sekmiņi rada vēlamo vai paredzēto rezultātu
<i>Effectualness</i>	Spēja būt efektīvam; spēja radīt efektu	Piemēram, “...kad ir apzināta šo principu efektivitāte, ir...”
<i>Efficaciousness</i>	Rada vai spēj radīt vēlamo efektu	Piemēram, bažas par vakcīnas drošību un efektivitāti

Avots: autoru apkopots pēc Collins English dictionary 2014; The Free Dictionary 2022a, 2022b, 2022c, 2022d; Merriam Webster 2021; Vocabulary 2021; Cambridge Dictionary 2021; American Heritage 2011.

Daži piemēri: *effective*, *effectual*, *efficient*, *efficacious* pēc būtības ir sinonīmi un nozīmē to, kas sniedz vai spēj sniegt/radīt rezultātu. *Effective* akcentē faktisko radīšanu vai spēju radīt efektu, piemēram, “efektīvs atspēkojums”. *Effectual* liecina par vēlamā rezultāta sasniegšanu, it īpaši, ja to aplūko pamatojoties uz faktiskajiem rezultātiem nevis prognozēm. Piemēram, “pasākumi, lai apturētu zādzību, izrādījās efektīvi”. *Efficient* norāda uz darbību vai noteiktu potenciālu kādai darbībai, vai izmantošanu tā, lai izvairītos no energījas zaudumiem vai liekām izmaksām ražošanas vai kāda procesa funkcionēšanas laikā. Piemēram, “efektīvs mazs auto”. *Efficacious* liecina par īpašu tikumu vai īpašību, kas dod efektīvu spēku. Piemēram, “mazgāšanas līdzeklis, kas efektīvi noņem taukus” (Merriam-Webster 2021). Lai gan *efficacy* un *effectiveness* var tikt izmantoti kā sinonīmi vispārējā lietojumā, arī šiem terminiem ir sava atšķirība. Piemēram, vakcīnu efektivitāte (*efficacy*) ir mērs tam, cik labi vakcīna pazemina noteiktas slimības izplatību ideāli kontrolētos apstākļos, bet vakcīnu efektivitāte (*effectiveness*) ir mērs tam, cik labi vakcīna pazemina noteiktas slimības izplatību reālās pasaules apstākļos (Dictionary.com 2021).

Tomēr lielākās diskusijas ir saistītas ar diviem angļu valodas terminiem/jēdzieniem – *effectiveness* un *efficiency*, kuri tiek pretstatīti vienam latviešu valodas terminam – efektivitāte. Angļu literatūrā vairāki autori (Bhagavath 2013; Bartuševičienė, Šakalytė 2013; Hinrichs-Krapels, Grant 2016; Roghanian et al. 2012 u. c.) sniedz šo terminu skaidrojumu un ar terminu *effectiveness* saprot pakāpi, cik lielā mērā organizācijas dar-

bības rezultāti atbilst tās izvirzītajiem mērķiem. Savukārt *efficiency* nozīme ir, cik lielā mērā resursu izmantojums noteiktu rezultātu iegūšanai atbilst resursu optimālai izmantošanai, lai iegūtu noteiktas kvalitātes rezultātus. Pamatojoties uz P. Drakera (*P. Drucker*) atziņām par vadības un liderības atšķirībām, izplatīta ir kļuvusi sekojoša efektivitātes jēdzienā interpretācija: *efficiency* nozīmē darīt lietas pareizi, *effectiveness* nozīmē darīt pareizās lietas (Makabenta 2018). I. Kotāne ir pētījusi efektivitātes jēdzienu un tā interpretāciju un secinājusi, ka latviešu valodā termins “efektivitāte” pastāv kā viens jēdziens, neizdalot atšķirības starp jēdzienu *effectiveness* un *efficiency* skaidrojumiem (Kotāne 2014). Līdzīgu uzskatu pauž arī I. Ozoliņa-Ozola, A. Grāvītis un A. Puzule par to, ka termins “efektivitāte” angļu-amerikāņu un latviešu terminoloģijā tiek izmantots atšķirīgi. A. Grāvītis un A. Puzule vērš uzmanību uz faktu, ka ekonomiskajā literatūrā galvenokārt dominē ASV un Rietumeiropas teorētiķu atziņas, kas terminoloģisko atšķirību dēļ ir grūti interpretējamas latviešu valodā (Grāvītis, Puzule 2017). Savukārt I. Ozoliņa-Ozola analizē, ka *effectiveness* ir rādītājs, kas parāda pakāpi, kādā ir sasniegts mērķis vai sagaidāmais efekts, bet šis rādītājs neiekļauj to, kā tiek izmantoti resursi vajadzīgā efekta panākšanai. Tādēļ šim aspektam izmanto terminu *efficiency*. Viņa pieļauj, ka *effectiveness* varētu atbilst terminam “rezultativitāte”, bet *efficiency* var tikt interpretēts kā jēdziens “ekonomiskums” vai “produktivitāte”, tomēr analītiski nepamato šo pieņēmumu (Ozoliņa-Ozola 2011). Šeit jāpiemin, ka U. Gods ekonomiskumu raksturo kā ražošanas efektivitātes jēdzienu, tā ietver sevī sakarības starp ražošanas apjomu un izmaksām (Gods 2000). Bet, kā jau minēts, ražošanas efektivitāte ir viens no ekonomiskās efektivitātes veidiem. Analizējot minēto terminu interpretāciju latviešu literatūras avotos (skat. 3. tabulu), ir redzams, ka abi termini – *effectiveness* un *efficiency* dažādos avotos tiek traktēti atšķirīgi un tiem nav vienota tulkojuma.

3. tabula
Terminu *effectiveness* un *efficiency* interpretācija latviešu valodā

Termini	Avots
1	2
<i>Effectiveness</i>	
iedarbīgums; lietderīgums; efektivitāte, rezultativitāte	Tilde. Angļu-latviešu vārdnīca
efektivitāte, iedarbīgums	IATE. Eiropas Savienības terminoloģija
efektivitāte, ietekmīgums	ELDO termini
efektivitāte	Latviešu-angļu enerģētikas un elektrotehnikas vārdnīca
rezultativitāte	Pedagoģijas terminu skaidrojōšā vārdnīca
efektivitāte	Mežtehnikas, mežsaimniecības un kokrūpniecības terminu vārdnīca
rezultativitāte, rezultatīvums	LZA TK kartotēkā iekļauto terminu apkopojums
rezultativitāte	LZA TK ITTEA protokoli
spēkā stāšanās	VVC izstrādātie ekonomikas un finanšu termini
efektivitāte	VVC izstrādātie medicīnas zinātņu, farmācijas un veterinārmedicīnas termini

3. tabulas turpinājumu skat. nākamajā lappusē.

3. tabulas turpinājums

1	2
<i>Efficiency</i>	
produktivitāte	Valsts kontroles izstrādāti termini
efektivitāte, ietekmīgums, lietišķība	ELDO termini
rezultativitāte	Pedagoģijas terminu skaidrojošā vārdnīca
ražīgums, prasme, produktivitāte, lietderības koeficients	Glosbe – daudzvalodu tiešsaistes vārdnīca
efektivitāte, iedarbīgums, lietratība, prasme, produktivitāte	Tilde. Angļu-latviešu vārdnīca
efektivitāte, iedarbīgums	LZA TK
efektivitāte	Ekonomikas terminoloģijas apakškomisija
efektivitāte, iedarbīgums, produktivitāte, ražīgums, prasme, spēja	Angļu-latviešu un latviešu-angļu vārdnīca
efektivitāte, rentabilitāte, izmantojuma pakāpe, atdeve	Latviešu-angļu enerģētikas un elektrotehnikas vārdnīca
darba ražīgums	Tulkšanas un terminoloģijas centra <i>acquis communautaire</i> tulkojumos lietotie termini

Avots: autoru apkopots pēc Tilde 2022a, 2022b; Interactive Terminology for Europe (IATE) 2021; Skujiņa 1995, 1997; Zviedris 1997; Skujiņa et al. 2000; Dolacis 1998; Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisija (LZA TK) 1970, 2004; Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisijas (LZA TK) Informācijas tehnoloģijas, telekomunikācijas un elektronikas terminoloģijas apakškomisija (ITTEA) 2015; Valsts valodas centrs 2021; Glosbe 2021; Garanča 2004; Birzvalka, Sosāre 1989.

D. Štefenhagena terminu *effectiveness* apraksta kā organizācijas funkcionālo efektivitāti, kur funkcionālā efektivitāte ir organizācijas darbības rezultātu atbilstība izvirzītajiem mērķiem, vai kā reāli sasniegta rezultāta attiecību pret plānoto rezultātu. Savukārt *efficiency* tiek definēts kā lielums, kas nosaka attiecību starp ieguldījumu un rezultātu (Štefenhagena 2017). I. Kotāne, veicot efektivitātes termina padziļinātu izpēti, termina *efficiency* raksturošanai lieto jēdzienu “ekonomiskā efektivitāte” un termina *effectiveness* raksturošanai izmantojēdzienu “funkcionālā efektivitāte” (Kotāne 2014). Arī citos dokumentos ir vērojama līdzīgs terminu skaidrojums (skat. 4. tabulu).

I. Kotāne piedāvā sekojošas terminu definīcijas: efektivitāte (*efficiency*, *effectiveness*) raksturo sasniegto darbības rezultātu attiecībā pret izlietotajiem resursiem noteikta rezultāta sasniegšanā; ekonomiskā efektivitāte (*efficiency*) raksturo to, kā kādas sistēmas vai tās sastāvdaļas sasniedz vēlamo darbības rezultātu salīdzinājumā ar resursu patēriņu, paredzot resursu maksimālu atdevi un to izmantošanu ar minimāliem zaudējumiem; funkcionālā efektivitāte (*effectiveness*) raksturo, cik lielā mērā kāda sistēma vai tās sastāvdaļas sasniedz vēlamo darbības rezultātu atbilstoši sistēmas vai tās sastāvdaļu noteiktajiem mērķiem (Kotāne 2014).

4. tabula

Efektivitātes terminu skaidrojumi

Ekonomiskās efektivitāte <i>efficiency</i>	Funkcionālā efektivitāte <i>effectiveness</i>	Avots
<i>efficiency</i> – maksimizē rezultātus kvantitatīvi un kvalitatīvi no ieguldījumiem resursiem un darbībām	<i>effectiveness</i> – rezultāti nodrošina maksimālu sasniegto labumu kvalitatīvi un kvantitatīvi	Ernst & Young Baltic, Lietderības audita būtība
<i>process efficiency</i> – raksturo attiecību starp sasniegto rezultātu un tā sasniegšanai izmantotajiem resursiem, atspoguļojot vienas rezultāta vienības izmaksas	<i>outcome effectiveness</i> – raksturo to, cik lielā mērā ieguldītie resursi un sasniegtie darbības rezultāti ir nodrošinājuši plānoto politikas rezultātu sasniegšanu	LR Finanšu ministrija, Darba izpildes (<i>Performance</i>) mērišana valsts pārvaldē
<i>efficiency</i> – rādītāji, kas raksturo pakāpi, kādā tiek sasniegti vēlame darbības rezultāti (<i>output</i>), salīdzinot ar tam nepieciešamajiem resursiem vai ieguldījumiem (<i>input</i>)	<i>effectiveness</i> – rādītāji, kas raksturo to, cik lielā mērā izmantotie resursi un sasniegtie darbības rezultāti ir nodrošinājuši plānoto politikas rezultātu sasniegšanu; tie parāda attiecību starp plānoto un iegūto	LR Ministru kabinets, Nozarēs veikto ieguldījumu efektivitātes analīzes metodika
<i>efficiency</i> – parāda attiecības starp izmantotajiem resursiem un izpildes rādītājiem.	<i>effectiveness</i> – parāda, cik lielā mērā programma (aktivitāte, uzdevums) ir sasniegusi rezultāta un ietekmes vēlamo kvalitāti atbilstoši programmas mērķiem un vizijai	Pasaules Banka; SIA PKC, Plānošanas dokumentu uzraudzība; Kurzemes plānošanas reģions, Rezultatīvie rādītāji
<i>efficiency</i> (tehniskā efektivitāte) – rezultāta sasniegšana ar mazāko iespējamo piepūli (darbību veikšana labākajā iespējamā veidā)	<i>effectiveness</i> – pakāpe, kādā darbība tuvina sākotnēji izvirzītam mērķim	VARAM, Izmaksu efektīvu pielāgošanās pasākumu plānošana Latvijai

Avots: autoru apkopots pēc Sile 2010; Latvijas Republikas Finanšu ministrija 2011; Latvijas Republikas Ministru kabinets 2022a; Vilka 2012; Bruņeniece 2016.

Resursu/izmaksu efektivitāte nav minēta iepriekš aplūkotajos darbos, bet šī raksta autori uzsver, ka izmaksu efektivitāte (*costefficiency*), saskaņā ar E. Vortingtona (A. Worthington) un E. Harleju (E. Hurley) (Worthington, Hurley 2000), kā arī Dž. Abramo (J. Abramo) un C. D'Andželo (C. D'Angelo) (Abramo, D'Angelo 2009), izriet no tehniskās un alokatīvās efektivitātes rādītājiem, ko savukārt ietver ekonomiskā efektivitāte. Pēc Oxford University Press definīcijas, izmaksu efektivitāte ir spēja gūt vislabāko iespējamo peļņu vai rezultātu salīdzinājumā ar izdevumiem (Oxford University Press 2021). Savukārt R. Dulals (R. Dulal) pamatojas uz izmaksu efektivitātes definīciju, kur tā rodas, ja uzņēmums sasniedz tehnisko, alokatīvo un mēroga efektivitāti. Organizācija tiek uzskatīta par rentablu, ja tā izvēlas pareizo izējvielu kombināciju, izmanto tos tehniski efektīvā veidā un ražo ilgtermiņa vidējo izmaksu minimālajā liknes punktā (Dulal 2016). Atsaucoties uz citiem pētījumiem, L. Simara (L. Simar) un P. Vilsons (P. Wilson) norāda, ka, pamatojoties uz *input* izmaksām, var novērtēt

izmaksu efektivitāti, ko dēvē arī par *input* kopējo efektivitāti vai *input* alokatīvo efektivitāti. Savukārt balstoties uz *output* cenām, var novērtēt ieņēmumu efektivitāti, ko dēvē arī par *output* kopējo efektivitāti vai *output* alokatīvo efektivitāti, bet pēc *input* un *output* cenām var novērtēt peļņas efektivitāti vai peļņas alokatīvo efektivitāti (Simar, Wilson 2020). S. Pīkoks ar kolēgiem atzīmē, ka veselības aprūpes jomā izmaksu efektivitātes analīzē tiek mērītas fiziskā vai dabiskā veselības stāvokļa vienības, piemēram, izglābtu dzīvību skaits, iegūtie dzīves gadi vai saslimstības samazināšanās. Savukārt izmaksu samazināšanas (*cost minimisation*) analīzē salīdzina dažādu veselības programmu izmaksas, kas nodrošina īpašus veselības rezultātus (Peacock et al. 2001).

Pastāv arī alternatīvi *efficiency*, *effectiveness* terminu skaidrojumi. L. Božko (Л. Божко) *efficiency* traktē kā organizācijas iekšējo efektivitāti – kā iekšējās rezultatīvītātes standartu, kur *efficiency* tiek noteikts pēc rezultātu un šo rezultātu nodrošināšanas izmaksu attiecībām. Savukārt *effectiveness* tiek skaidrots kā ārējās rezultatīvītātes standarts un atspoguļo organizācijas attīstības iespējas, stabilitāti un atbilstību ārējās vides prasībām (Bozhko 2013). Līdzīgu efektivitātes iedalījumu izmanto arī K. Gronross (C. Grönroos) un K. Ojasalo (K. Ojasalo), iedalot *internal efficiency* kā iekšējo efektivitāti un *effectiveness* vai *external efficiency* kā ārējo efektivitāti (Grönroos, Ojasalo 2004). Pārsvarā šīs efektivitātes iedalījums tiek izmantots izglītības jomā, kur, saskaņā ar R. Morganu (R. Morgan), iekšējā efektivitāte saistīta ar izglītības sistēmu un studentu sekmēm mācību procesā, bet ārējā efektivitāte ir ilglaicīgāks ieguvums, ko sniedz izglītība individuālām un sabiedrībai (Morgan 1988). Sikāk šī pieeja tiek aprakstīta M. Lockheedas (M. Lockheed) un E. Hanušekas (E. Hanushek) darbā (Lockheed, Hanushek 1994). N. Poluškins (H. Полушкин) tulko *effectiveness* kā iedarbīgumu, *efficiency* kā rezultatīvītāti, bet *effectiveness* un *efficiency* apvienojumu kā *effectuality* – produktivitāti (Polushkin 2014). Jāpiebilst, ka šāds apvienojums nav sastopams angļu literatūras efektivitātes teorijā. Pie tam, rezultatīvītāti N. Poluškins definē kā patērieto resursu un sasniegto rezultātu optimālu attiecību neatkarīgi no tā, vai tiek sasniegti nospraustais mērķis vai nē. Neskatoties uz faktu, ka nepastāv vienotas rezultatīvītātes definīcijas, šāda definīcija ir pretrunā arī ar pastāvošo rezultatīvītātes izpratni, kur rezultatīvītāte lielākā vai mazākā mērā ir saistīta ar nospraustiem mērķiem (Plakhova 2021). Šeit svarīgi atzīmēt, ka krievu literatūrā šo angļu terminu *efficiency* un *effectiveness* tulkojumi ir sastopami kā “efektivitāte un rezultatīvītāte”, “rezultatīvītāte un efektivitāte”, “efektivitāte un iedarbīgums”, “iedarbīgums un efektivitāte”, “efektivitāte un operativitāte”, “efektivitāte un produktivitāte”, “efektivitāte un darba ražīgums” (Reverso Context 2021). E. Koršenkovs (E. Коршенков) ar kolēgiem ir veikuši *effectiveness* un *efficiency* terminu sistēmisko analīzi un uzskata, ka *effectiveness* latviešu valodā ir jātulko kā “efektivitāte”, kur mērķis ir radīt pēc iespējas vairāk nepieciešamās (ilglaicīgā perspektīvā) produkcijas ar zemākām izmaksām, bet *efficiency* jātulko kā “produktivitāte”, kur mērķis ir radīt pēc iespējas vairāk produkcijas ar zemākām izmaksām (Korshenkov i dr. 2019). Arī R. Afanasjevs un N. Golovanova ir pētījuši efektivitātes terminu krievu literatūrā un norāda, ka atsevišķi autori rezultātu attiecību pret resursiem traktē kā produktivitāti, bet resursu apjomu attiecību pret rezultātiem kā efektivitāti (Afanas'iev, Golovanova 2016). Tomēr A. Lisica (A. Lissitsa) un T. Babieceva (T. Babićeva) savā darbā uzsver, ka termini “efektivitāte” un “produktivitāte” bieži tiek lietoti kā sinonīmi, kaut pastāv zināmas atšķirības to nozīmē.

Maksimālā produktivitāte tiek izteikta ar ražošanas iespēju robežu (*production frontier*), savukārt efektivitāte ir izteikta ar attālumu no šīs robežas. Uzņēmumi var būt efektīvi, bet ar dažādu produktivitātes līmeni (Lissitsa, Babićecka 2003). Kaut arī saskaņā ar D. Sammersa (*D. Summers*) aprakstu, produktivitāte jeb ražīgums ir tieši saistīts ar produktu vai pakalpojumu efektivitāti, tomēr attiecībā uz šo terminu tiek lietots angļu valodas vārds *productivity*, kas, pēc D. Sammersa, ir vienības izmaksu mērs, kas izsaka saražoto preču vai sniegtu pakalpojumu apjomu, nemit vērā ieguldito darbu, laiku un naudas līdzekļus (Summers 2006). P. Roheinians ar kolēģiem skaidro, ka produktivitāte ir nosacītā efektivitāte, jo produktivitāte ir *output* vienību skaits attiecībā pret *input* vienību skaitu tādā ziņā, ka termins "produktivitāte" atspoguļo kompleksu, faktoru produktivitāti, kas ir visu veidu resursu un tirgus pozīciju, ne tikai darba produktivitātes izmantošanas rezultāts (Roghalian et al. 2012). Tātad, pēc savas būtības produktivitāte ir efektivitātes mērs, kur produktivitātes sastāvdaļas ir efektivitāte un funkcionālā efektivitāte.

$$\text{Productivity} = \text{Efficiency} + \text{Effectiveness}$$

I. Steinbuka norāda, ka produktivitāte nav tikai resursu efektivitātes mērs, bet uzkrāj arī daudz ietekmējošo faktoru, kā dēļ ir nepieciešama katras atsevišķa faktora izpēte un to mijiedarbības padziļināta analize. Tas palīdz noteikt produktivitātes līmeni un tendences, kā arī izveidot efektīvus produktivitātes kāpināšanas mehānismus (Steinbuka 2019). Savukārt G. Dāvidsone uzskata, ka produktivitātes izmantošana kā sinonīmu efektivitātei sašaurina efektivitātes nozīmi un reducē to uz ražošanas apjomu kāpināšanu kā vienīgo un būtiskāko organizācijas mērķi un efektivitātes rādītāju. Viņa piebilst, ka efektivitātes kā produktivitātes skaidrojums neparedz visa veida ieguldījumu analīzi rezultātu sasniegšanai, un šādā nozīmē jēdziens "efektivitāte" saistās ar īstermiņa skatījumu uz organizācijas darbu, jo, orientējoties vienīgi uz rezultātu, netiek novērtēti visi organizācijas resursi, to atjaunošanas un izmantošanas iespējas (Dāvidsone 2008). Dž. Lafta (*Дж. Лафта*) skaidro, ka produktivitātes nozīmīgākā sastāvdala ir kvalitāte, un produktivitāte organizācijas visos līmeņos ir svarīga, lai organizācija spētu izdzīvot, attīstīties un gūt panākumus konkurences apstākļos (Lafta 2005). Pēc A. Klausa, kvalitāte ir raksturlielumu kopums, kas nosaka tā spēju atbilst noteiktajām un paredzamajām vajadzībām (Klauss 2000). Bet, saskaņā ar D. Sammersu, kvalitāte raksturo pakalpojumu, tās līdzīgās un atšķirīgās īpašības no citiem konkurējošiem vai alternatīviem pakalpojumiem. Kvalitāti var raksturot ne tikai vis-pārpriņemti standarti un sertifikācija, bet arī rezultativitāte, kas ir process, kura iznākumā tiek sasniegti plānotais rezultāts (Summers 2006).

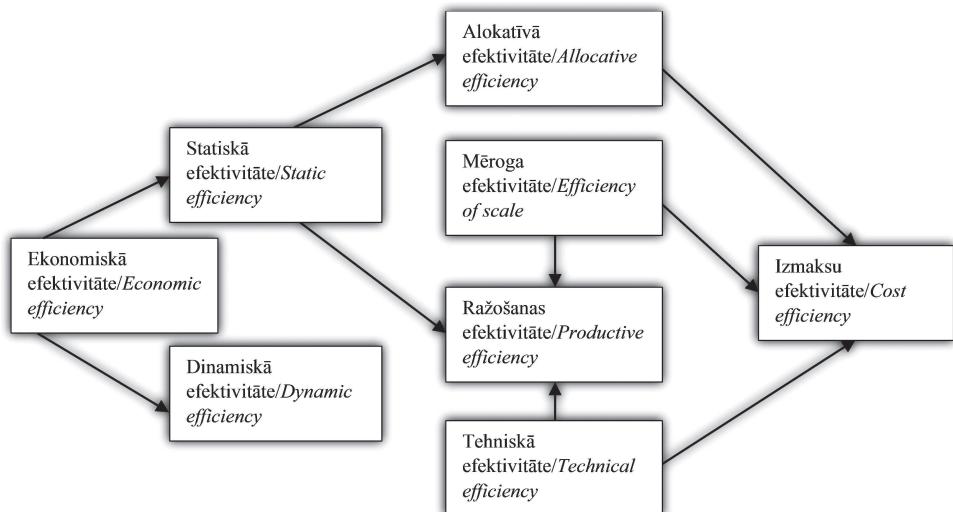
Autori pieļauj, ka terminam *effectiveness* varētu atbilst terms "rezultativitāte". Līdzīgu traktējumu ir piedāvājuši arī atsevišķi iepriekš minētie pētnieki. Tomēr šī termina tulkojumā un definēšanā trūkst vienprātības, un kaut arī termins "rezultativitāte" tiek tulkots kā *effectiveness*, piedāvātās definīcijas tikai daļēji atbilst angļu definīcijai, kur ar *effectiveness* saprot pakāpi, cik lielā mērā organizācijas darbības rezultāti atbilst tās izvirzītiem mērķiem. Rezultativitāte tiek definēta kā atdevē, kas ir efektivitātes mērs, ko nosaka kā starpību starp ieguldījumu un sasnietgtajiem rezultātiem (Spektors 2021). Tātad rezultativitāte ir efektivitātei pakārtots jēdziens. V. Skujiņa rezultativitāti tulko kā *effectiveness* un definē kā pakāpi, kādā rezultāts atbilst mērķim, spēju sasniegt

to, kas jāsasniedz (Skujīņa u. c. 2000). Saskaņā ar angļu literatūru, *effectiveness* ir rezultātu atbilstība mērķiem, nevis spēja to sasniegt, tādejādi definīcijas pirmā daļa atbilst angļu definīcijai, bet otrā daļa neatbilst. Savukārt LZA TK terminu “rezultativitāte” ir apstiprinājusi un tulko kā *effectiveness*, bet definē kā uzdevuma izpildes pakāpes raksturlielumu, kur darbība ir rezultatīva, ja ar to sasniedz iespējamī labākos rezultātos, kas neatbilst angļu literatūras *effectiveness* definīcijai (Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisija (LZA TK) 2017). Jāpiebilst, ka “Pedagoģijas terminu skaidrojošā vārdnīca” abus terminus *efficiency* un *effectiveness* tulko kā “rezultativitāte” (Skujīņa u. c. 2000). Nav arī mazsvārīgi, ka termins “rezultativitāte”, ķemot vērā latviešu valodas specifiku, ir daudznozīmīgs jēdziens, ko izmanto ne tikai ekonomiskajā teorijā, bet ar atšķirīgu nozīmi arī sportā, matemātiskajā skaitlošanā, eksperimentālajā pētniecībā u. c. Turklat rezultativitāte, kā jau minēts, ir arī kvalitātes raksturlielums.

Vadoties pēc augstāk minētās terminoloģijas analizes, šī darba autori uzskata, ka termins *effectiveness* nevar atbilst latviešu literatūrā minētam funkcionālās efektivitātes traktējumam, bet termins *efficiency* nevar tikt traktēts kā ekonomiskā efektivitāte (*economic efficiency*). Autori skaidro, ka *economic efficiency* jau ir atsevišķs termins, kas saskaņā ar A. Petrou, ietver citas efektivitātes formas – *static efficiency* un *dynamic efficiency*. Savukārt *static efficiency* ietver *allocative efficiency* un *productive efficiency* (Petrou 2014). Produktivitātes komisijas materiālā minēts, ka *productive efficiency* ietver *technical efficiency* (Productivity Commission 2013). Bet *productive efficiency* A. Petrou apraksta kā *technical efficiency* un *efficiency of scale* līmeņu summu (skat. 3. attēlu) (Petrou 2014).

Termina *efficiency* formas efektivitātes teorijā

3. attēls

Avots: autoru izveidots pēc Petrou 2014; Productivity Commission 2013.

Latvijas Republikas Finanšu ministrijas dokumentos “ekonomiskā efektivitāte” ir definēta kā darbības rezultātu kvalitātes un kvantitātes attiecība pret ieguldītajiem resursiem un darbībām. Tā ir atšķirīga no angļu literatūras ekonomiskās efektivitātes definīcijas, kur *economic efficiency* ir plašaks termins, ko lieto, lai apzīmētu produkta vai pakalpojuma tirgus vislabākās iespējamās darbības stāvokli, kad ar noteiktām tehnoloģijām nav iespējams radīt lielāku labklājību no noteiktiem resursu krājumiem (Mikelsons, Asafreja 2012; Petrou 2014; Hayyatt 2017). Autori pieļauj, ka Latvijas Republikas Ministru kabineta instrukcijā minētie ekonomiskās efektivitātes rādītāji, kas raksturo attiecību starp sasniegto rezultātu un tā sasniegšanai izmantotajiem resursiem, atspoguļojot vienas rezultāta vienības izmaksas, ir balstīti uz augstāk aprakstīto R. Grēviņas efektivitātes iedalījumu darba efektivitāte un kapitālieguldījumu efektivitātē, kur efektivitāti atspoguļo viena rezultāta vienība (Latvijas Republikas Ministru kabinets 2009; Grēviņa 2000). Latviešu literatūras avotos ir redzams, ka latviešu ekonomiskās efektivitātes definīcijas ir pielīdzinātas angļu termina *efficiency* definīcijām, tomēr tas nemaina faktu, ka tas ir mēģinājums aizstāt līdz galam netulkotu un neinterpretētu angļu valodas terminu *efficiency* ar jau eksistējoša angļu valodas termina *economic efficiency* tulkojumu “ekonomiskā efektivitāte”. Tādā veidā tas rada terminoloģijas iztrūkumu patiesā *economic efficiency* interpretācijai, lai apzīmētu jau piemērēto produkta vai pakalpojuma tirgus vislabākās iespējamās darbības stāvokli.

Līdzīgi notiek mēģinājumi aizstāt terminu *efficiency* ar “produktivitāti” vai “ekonomiskumu”, kas rada ekonomiskās terminoloģijas nesakārtotības efektu, jo šiem terminiem jau ir sava vieta ekonomikas teorijā (Korshenkov i dr. 2019; Ozoliņa-Ozola 2011). Angļu termins *efficiency* ir viendabīgs jēdziens, kurš angļu literatūrā nozīmē to, cik lielā mērā resursu izmantojums noteiktu rezultātu iegūšanai atbilst resursu optimālai izmantošanai, lai iegūtu noteiktas kvalitātes rezultātus (Bhagavath 2013; Bartuševičienė, Šakalytė 2013; Hinrichs-Krapels, Grant 2016; Roghanian et al. 2012). Šī definīcija ietver dažādu komponenšu: finanšu, kvalitātes, tehnisko un cilvēkresursu kopumu, kas, savstarpēji mijiedarbojoties, raksturo gan ieguldījumu, gan rezultātu. Vienlaicīgi termins *efficiency* raksturo atsevišķas efektivitātes formas – statisko, dinamisko, alokatīvo, ražošanas, tehnisko, mēroga un izmaksu efektivitāti, kurās ietilpst atšķirīgi saimnieciskās darbības procesi – funkcijas. *Effectiveness* traktejums kā “funkcionālā efektivitāte”, pēc autoru domām, ir tīcis aizgūts no krievu literatūras avotiem, piemēram, G. Kleinera, kur šis termins tiek lietots atsevišķā efektivitātes iedalījuma teorijā. Savukārt krievu literatūrā kopumā šim terminam ir raksturīgs daudznozīmīgums. Piemēram, tas tiek izmantots matemātisko algoritmu izstrādes funkcionālā efektivitātē, kur funkcionālā efektivitāte tiek attiecināta uz ekspluatācijas īpašībām; aprakstot bioloģisku produktu ietekmi uz bērnu organismu; radiolokācijas funkcionalitātes izvērtēšanā; medicīnā aprakstot ortopēdisko protēžu funkcionālo efektivitāti (Shinkarenko 2005; Kaznacheeva i dr. 2021; Zvezinskij i dr. 2017; Ryzhova i dr. 2007). Termins tiek definēts arī kā reģionālo tirgus vadības dienestu un *citu reģionālo struktūrvienību mijiedarbības stāvoklis* (Uchebnik-Ekonomika.com 2021). Angļu valodā termina tiešais tulkojums *functional efficiency* nav saistīts ar ekonomiku, bet sastopams medicīnas literatūrā kā neiromuskulārās sistēmas spēja uzraudzīt un manipulēt ar kustību funkcionālās aktivitātes laikā, lai iztērētu pēc iespējas mazāku

enerģijas daudzumu, kā arī lauksaimniecības teorijā, kur “funkcionālā efektivitāte” nozīmē dzīvnieku spēju ražot un vairoties noteiktā vidēar minimālu piepūli, ieguldījumu izmaksām un fizisko ikdienas darbu (The Free Dictionary 2022e; Answers To All 2021).

Vērā ņemams faktors ir “funkcionālās efektivitātes” termina neviennozīmīgums latviešu valodā. Neskatoties uz to, ka šis termins tiek izmantots *effectiveness* apzīmējumam, tas tiek izmantots arī, piemēram, noteiktu tehnisku procesu funkcionēšanas novērtēšanā; ir sastopams latviešu valodā tulkošā dokumentācijā, kur šo terminu izmanto ceļu apzīmējumu funkcionālai efektivitātei, un koka karkasu māju pamatnostādnēs konstrukcijas detaļu funkcionālās efektivitātes aprakstā (Fiber spa 2021; Federālais ceļu satiksmes birojs 2017; European Organisation for Technical Approvals 2001). Bez tam vārds “funkcionāls” rada virkni blakus asociāciju, piemēram, ar kāda mehānisma kustību (iekārta funkcionē), organisma fiziskām kustībām (ekstremitātes funkcionē), medicīniskām asociācijām (organisma funkcijas), kādas ierīces praktisku izmantošanu (funkcionāls darba riks) u. c. Latvijas terminoloģijas portālā ir atrodami ar “funkcionālās efektivitātes” terminu saistīti 134 jēdzieni, bet termins “funkcionālā efektivitāte” kā viendabīgs termins neeksistē, neskatoties uz tā pielietojumu latviešu efektivitātes teorijā un valsts dokumentācijā (Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls 2022b).

Secinājumi

Autori secina, ka ārvalstu literatūrā angļu valodas termini *efficiency* un *effectiveness*, kā arī ar tiem saistītie termini ir skaidri definēti un atbilstoši pozicionēti. Savukārt latviešu zinātniskajā literatūrā tiem nav skaidras definīcijas un interpretācijas. Efektivitātes jēdziena klasifikācija ir atšķirīga un nav vienota pieejā tās noteikšanai.

Latviešu literatūrā ir novērojams efektivitātes koncepta izpētes trūkums, un atsevišķos avotos minētais efektivitātes jēdziena iedalījums (darba un kapitālieguldījumu efektivitātē) nav visaptverošs un objektīvi neraksturo organizācijas efektivitāti. Nav nostabilizējies angļu valodas terminu *efficiency* un *effectiveness* tulkojums un interpretācija latviešu valodā, kur nepietiekami izstrādātās terminoloģijas dēļ tiek ietekmēta ne tikai terminoloģisko jēdzienu izpratne, bet arī ar efektivitātes novērtēšanu saistīti pētniecības procesi. Angļu valodas literatūrā, operējot ar terminiem *efficiency*, *effectiveness*, *allocative efficiency*, *technical efficiency*, *productive efficiency*, *internal* un *external efficiency* u. c., efektivitātes koncepts tiek padarīts elastīgs, kas sniedz iespēju efektivitātes izvērtējumu piemērot jebkurai tautsaimniecības jomai.

Saistībā ar terminoloģijas problemātiku 2022. gada 25. janvārī norisinājās LZA Terminoloģijas komisijas sēdē, kurā tika izskatīts iesniegums par terminu *effectiveness* un *efficiency* atbilstībā latviešu valodā. Iesniegums LZA TK balstījās uz ieteikumiem angļu valodas termina *efficiency* traktējumam izmantot latviešu valodā nostabilizējušos terminu “efektivitāte”, savukārt angļu terminu *effectiveness* vietā, izmantot jaunvārdu “efektīvisms”. Jaundarinātais vārds “efektīvisms” tika pamatots ar skaidrojumu, ka tas līdz šim nav tīcīs izmantots. Tas nav atrodams nozares terminu datubāzēs, jaunvārds nav atrodams latviešu valodas terminu vārdnīcās vai citos latviešu terminu avotos, šis

terms nav atrodams vispārīgajā angļu-latviešu valodas vārdnīcā kā terms vai nu kā vispārlieojams vārds, kā arī šis jaunvārds nav izmantots par terminu nozares terminoloģijā. Jaunvārda ieviešana atrisinātu līdz šim zinātniskajos darbos pastāvošās diskusijas par termina *effectiveness* interpretāciju. Jaunvārdu “efektīvisms” tika piedāvāts izmantot angļu terminu *effectiveness* atbilstes izmantošanai ar efektivitātes problemātiku saistītos pētījumos, lai precīzi izteiktu pētāmās problēmas subjektu, objektu, uzdevumus un mērķi. Jaunvārds varētu tikt izmantots kā noteikts terms, nepiedāvājot interpretāciju alternatīvas, un jaunvārds konkrēti attiektos vienīgi uz angļu valodas terminu *effectiveness*. Jautājums tika pārcelts un nodots LZA Ekonomikas terminoloģijas apakškomisijai tālākai izskatīšanai. LZA Terminoloģijas komisijas sēde notika 2022. gada 15. februārī, kur turpinājās diskusijas par terminu *effectiveness* un *efficiency* atbilstēm latviešu valodā, kā rezultātā iesniegums tika noraidīts, pamatojoties uz latviešu valodā jau iepriekš pieņemtu un eksistējošu šo terminu atbilsti. Tādejādi LZA TK vienojas palikt pie 2004. gadā pieņemtā lēmuma, proti, saglabāt terminu “efektivitāte” kā angļu valodas termina *efficiency* atbilsti latviešu valodā un terminus “rezultativitāte” vai “efektīvums” (tos abus uzskatot par sinonīmiem) kā angļu valodas termina *effectiveness* atbilstes latviešu valodā (Latvijas Zinātņu akadēmija 2022).

Šī raksta autori neibilst pret termina “rezultativitāte” izmantošanu kā *effectiveness* atbilsti latviešu valodā, ņemot vērā, ka šis terms ir vistuvāk atbilstošais traktējums, kaut arī pēc savas būtības fonētiski ir daudznozīmigs. Tomēr darba autori norāda, ka šim terminam vajadzētu klūt par vienīgo angļu valodas termina *effectiveness* atbilsti latviešu valodā un jāizslēdz alternatīvas kā, piemēram, nostiprinātais sinonīms “efektīvums”. Sinonīmu izmantošanas iespējas konkrētam angļu valodas terminam, kurš pats par sevi ir viennozīmīgu kopsakarību raksturojošs, var tikt uztverts kā termina konsekences trūkums, kas paver iespējas turpmākām diskusijām par šī termina atbilstošāko interpretāciju. Šeit jāatzīmē, ka Latvijas terminoloģijas portālā pēc atslēgas vārda “efektīvums” tiek uzrādīts tikai viens rezultāts – “kolonnas efektīvums”, bez definīcijām un atsaucēm uz šī termina pielietojumu (Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls 2022c). Attiecībā uz vienveidīgu terminu izmantošanu ekonomiskajā literatūrā arī V. Komarova (*B. Komarova*) uzsvēr, ka terminoloģijas vienveidība ekonomisko tekstu tulkojumos ir pamats kvalitatīviem zinātniskiem pētījumiem ekonomikas jomā, kas veicinātu noteiktu terminu izmantošanas kultūru jauno pētnieku vidū (Komarova 2022). Šī iemesla dēļ terms “rezultativitāte” ir jāapstiprina ar precīzu šī termina definīciju: rezultativitāte ir pakāpe, cik lielā mērā organizācijas darbības rezultāti atbilst tās izvirzītiem mērķiem.

Autori uzskata, ka, nosakot un apstiprinot terminu “rezultativitāte” atbilsti terminam *effectiveness* kā vienīgo traktējumu un nostiprinot to ar precīzu termina definīciju, šis jautājums tiks sakārtots un kalpos kā stabils atsauces punkts šī termina turpmākajai izmantošanai zinātniskajos pētījumos un organizāciju dokumentācijās latviešu valodā.

References

- Abel A., Mankiw N., Summers L., Zeckhauser R. (1989) Assessing dynamic efficiency: theory and evidence. *Review of Economic Studies*, Vol. 56, No. 1, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.2307/2297746>
- Abramo G., D'Angelo C. (2009) Assessing technical and cost efficiency of research activities: a case study of the Italian university system. *Research Evaluation*, Vol. 18, No. 1, pp. 61–70. DOI: <https://doi.org/10.3152/095820209x408869>
- Afanas'iev R., Golovanova N. (2016) Poniatie effektivnosti biudzhetnykh raskhodov: teoriia i zakonodatel stvo. *Finansovyj Zhurnal / Financial Journal*, No. 1, pp. 1–61. Available: <http://oaji.net/pdf.html?n=2020/8467-1597910914.pdf> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- American Heritage. (2011) Efficaciousness. *Dictionary of the English Language*, 5th edition. Available: <https://www.thefreedictionary.com/efficaciousness> (accessed on 28.11.2022).
- Answers To All. (2021) *What Does Functional Efficiency Mean*. Available: <https://answerstoall.com/technology/what-does-functional-efficiency-mean/> (accessed on 28.11.2022).
- Antipina E., Shapkin I. (2014) Perspektivy razvitiia kapitalizma: vzgliady J.A. Shumpetera. *Socionauki*. Available: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/242969/> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Baltiņa I., Šenfelde M. (2010) Valsts pārvaldes darba efektivitātes novērtēšanas problēmas Latvijā. *Ekonomika un Uzņēmējdarbība*, Vol. 20, pp. 19–25. Available: <https://ortus.rtu.lv/science/lv/publications/9574> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Banker R., Charnes A., Cooper W. (1984) Some models for estimating technical and scale inefficiencies in Data Envelopment Analysis. *Management Science*, Vol. 30, No. 9, pp. 1078–1092. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.30.9.1078>
- Bartuševičienė I., Šakalytė E. (2013) Organizational assessment: effectiveness vs. efficiency. *Social Transformations in Contemporary Society*, No. 1, pp. 45–53. Available: <https://studylib.net/doc/8368124/organizational-assessment—effectiveness-vs.-efficiency> (accessed on 28.11.2022).
- Bhagavath V. (2013) Technical efficiency measurement by Data Envelopment Analysis: an application in transportation. *Alliance Journal of Business Research*. Available: <http://ajbr.org/archives.htm> (accessed on 28.11.2022).
- Birzvalka I., Sosāre M. (1989) *Angļu-latviešu un latviešu-angļu vārdnīca*. Rīga: Avots. (In Latvian)
- Blaug M. (1994) *Adam Smith. Gallery*. Available: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&clinks=../in smith/lectures/smith_14.txt&name=smith&img=lectures_small.gif (accessed on 28.11.2022).
- Bozhko L. (2013) O sushchnosti effektivnosti upravleniiia v kontekste provedeniia organizatsionnykh izmenenij na osnove marketingovogo podkhoda. *Vestnik Astrakhanskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*, No. 3, pp. 37–40. Available: <https://vestnik.astu.org/ru/nauka/article/32761/view> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Bruņeniece I. (2016) *Izmaksu efektīvu pielāgošanās pasākumu plānošana Latvijai*. Available: https://www.varam.gov.lv/sites/varam/files/content/files/3_izmaksu_efektivu_pielagosanas.pdf (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Cambridge Dictionary. (2021) *Effectively*. Available: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/effectively> (accessed on 28.11.2022).
- Collins English Dictionary. (2014) *Complete and Unabridged*, 12th edition. HarperCollins Publishers.

- Data Envelopment Analysis Online Software (DEAOS). (2022) *BasicDEA Models – Scale Efficiency Models*. Available: <https://www.deaos.com/en-us/models/product/0104/basic-dea-models-scale-efficiency-models/basic-dea-models—scale-efficiency-models> (accessed on 28.11.2022).
- Dāvidsone G. (2008) *Organizāciju efektivitātes modelis*. Riga: Organization Development Academy. (In Latvian)
- Dictionary.com. (2021) “Effectiveness” vs. “Efficacy” vs. “Efficiency”: When To Use Each Word For The Best Results. Available: <https://www.dictionary.com/e/effectiveness-vs-efficacy-vs-efficiency-when-to-use-each-word-for-the-best-results/> (accessed on 28.11.2022).
- Dolacis J. (1998) *Mežtehnikas, mežsaimniecības un kokrūpniecības terminu vārdnica*. Riga: Antēra. (In Latvian)
- Dulal R. (2016) Cost efficiency of nursing homes: do five-star quality ratings matter? *Health Care Management Science*, Vol. 20, No. 3, pp. 316–325. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10729-016-9355-5>
- Duncan W. (1989) *Great Ideas in Management*. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers.
- Economics Online. (2020) *Pareto Efficiency*. Available: https://www.economicsonline.co.uk/Definitions/Pareto_efficiency.html (accessed on 28.11.2022).
- Eiropas Komisija. (2006) Kopienas nostājas par valsts atbalstu pētniecībai, attīstībai un inovācijai. *Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis*. Available: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:0rLPVM8V5nQJ:https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/%3Furi%3DCELEX%253A52006XC1230%252801%2529+&cd=2&hl=lv&ct=clnk&gl=lv> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Eiropas Komisija. (2011) *Eiropas Parlamenta un Padomes regula*. Available: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/ALL/?uri=CELEX%3A52011PC0652> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Emerson H. (1924) The twelve principles of efficiency. *Engineering Magazine Co*. Available: <https://archive.org/details/twelveprinciples00emerrich/page/n3/mode/2up> (accessed on 28.11.2022).
- European Organisation for Technical Approvals. (2001) *Koka karkasu māju komplektu pamatnostādnes*. Available: https://www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/MK_Noteikumi/ETAG_007_Edition_April_2001.doc (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Federālais ceļu satiksmes birojs. (2017) *Tehniskie pārbaudes nosacījumi ceļa apzīmējumu sistēmām*. Available: <https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/tris/index.cfm/nl/search/?trisaction=search.detail&year=2017&num=262&cdLang=LV> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Fiber spa. (2021) FLEXA. Available: <https://www.faberspa.com/lv/tvaika-nosuceji/flexa/> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Frolova T. (2011) Èkonomika predpriiatiia. *TTI IUFU*. Available: https://www.studmed.ru/frolova-ta-ekonomika-predpriyatiya_8a065377dbb.html (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Galiullin T. (2009) *Poniatie i vidy effektivnosti upravleniya gosudarstvennoj sluzboj*. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatye-i-vidy-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennoy-sluzhby> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Garanča B. (2004) *Ekonomikas terminoloģijas apakškomisija (ETAK)*. Available: <http://digitalis.lv/article.php?id=142> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Ghemawat P., Ricart Costa J. (1993) The organizational tension between static and dynamic efficiency. *Strategic Management Journal*, Vol. 14, No. S2, pp. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.4250141007>

- Glosbe. (2021) Tulkojums “effectus”. *Vārdnīca latviešu-latīņu*. Available: <https://lv.glosbe.com/la/lv/effectus> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Glosbe. (2021) Tulkojums “efficiency”. *Vārdnīca latviešu-angļu*. Available: <https://lv.glosbe.com/en/lv/efficiency> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Gods U. (2000) *Mikroekonomika*. Rīga: Biznesa augstskola Turība. (In Latvian)
- Grāvīts A., Puzule A. (2017) Main problems in Human Resources Management efficiency assessment. *Proceedings of the International Students' and Teachers' Scientific and Practical Conference “Individual. Society. State”*, Vol. 72. DOI: <https://doi.org/10.17770/iss2017.3038>
- Grēviņa R. (2000) *Ekonomikas skaidrojošā vārdnīca*. Rīga: Zinātne. (In Latvian)
- Grönroos C., Ojasalo K. (2004) Service productivity. *Journal of Business Research*, Vol. 57, No. 4, pp. 414–423. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0148-2963\(02\)00275-8](https://doi.org/10.1016/s0148-2963(02)00275-8)
- Havyatt D. (2017) *The Components of Efficiency*. Available: <https://www.accc.gov.au/system/files/Network%20March%20202017.pdf> (accessed on 28.11.2022).
- Hedija V., Kuncová M. (2021) Relationship between efficiency and profitability: the case of Czech swine sector. *Spanish Journal of Agricultural Research*, Vol. 19, No 1, e0102. DOI: <https://doi.org/10.5424/sjar/2021191-16876>
- Hinrichs-Krapels S., Grant J. (2016) Exploring the effectiveness, efficiency and equity (3e's) of research and research impact assessment. *Palgrave Communications*, Vol. 2, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2016.90>
- Ievdokimova T. (2013) Analiz genezisa teoretycheskikh podkhodov k poniatiu i otsenke effektivnosti. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, Vol. 23, No. 3. Available: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/ec/23/image/23-022.pdf> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Interactive Terminology for Europe (IATE). (2021) *Eiropas Savienības terminoloģija*. Available: <https://iate.europa.eu/search/standard/result/1593106175680/1> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Isachenko T. (2010) Retrospektivnyj analiz poniatiia “effektivnost” v ekonomike i menedžmente. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Politekhnicheskogo Universiteta: Èkonomicheskie nauki*. Available: <https://economy.spbstu.ru/article/2010.18.7/> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Jorņiņa I., Birzniece J. (2017) *Ekonomika vidusskolām*. Rīga: Biznesa augstskola Turība. (In Latvian)
- Kaznacheeva L., Molokova A., Kaznacheev K. (2021) *Funkcional'naia effektivnost' molochnoj smesi na osnove koz'ego moloka u mladentsev s dispepsiej*. Available: <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/5038> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Keynes J. (2011) *Obshchaiia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg*. Moskva: Gelios ARV. (In Russian)
- Kenton W. (2021) Allocational efficiency definition. *Investopedia*. Available: <https://www.investopedia.com/terms/a/allocationalefficiency.asp> (accessed on 28.11.2022).
- Kerber W. (2009) Should Competition Law promote efficiency? Some reflections of an economist on the normative foundations of Competition Law. Drexl J., Idot L., Monéger J. (Eds.) *Economic Theory and Competition Law*. Available: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1075265 (accessed on 28.11.2022).
- Klauss A. (2000) Kontrolings. *A-Z skaidrojošā vārdnīca*. Rīga: Preses nams. (In Latvian)
- Kleiner G. (2002) Effektivnost' mezoekonomiceskikh sistem perekhodnogo perioda. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. Vol. 6, pp. 24–30. Available: <https://kleiner.ru/pubs/effektivnost-mezoekonomiceskikh-sistem-perehodnogo-perioda/> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

- Komarova V. (2022) *Ekonomika v slovakh. Iedinoobrazie terminologii v perevodakh ekonomicheskikh tekstov.* Available: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03579007> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Korshenkov E., Ignat'iev S., Dembovskij V. (2019) Teoreticheskoe i metodologicheskoe obosnovanie izuchenia proizvoditel'nosti i produktivnosti v regionalnoj ekonomike. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Vestnik sotsial'nykh nauk*, Vol. 29, No. 2, pp. 24–64. DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2019.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2019.2(2)) (In Russian)
- Kotāne I. (2014) Komercdarbibas efektivitātes jēdziens un tā interpretācija. *Latgale National Economy Research*, Vol. 1, No. 6, pp. 92–116. DOI: <https://doi.org/10.17770/lner2014vol1.6.1169> (In Latvian)
- Lafta Dzh. (2005) *Menedžment.* St. Peterburg: Pechatnyj dvor. (In Russian)
- Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls. (2004) *Ekonomikas terminoloģijas apakškomisijas (ETAK) pieņemtie termini un definīcijas.* Available: <https://termini.gov.lv/atrast/efektivit%C4%81te/lv> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls. (2022a) *Efektivitāte.* Available: <https://termini.gov.lv/atrast/efektivit%C4%81te/lv> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls. (2022b) *Funkcionālā efektivitāte.* Available: <https://termini.gov.lv/atrast/funkcion%C4%81l%C4%81%20efektivit%C4%81te?target=lv> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Nacionālais terminoloģijas portāls. (2022c) *Efektīvums.* Available: <https://termini.gov.lv/atrast/efekt%C4%ABvums> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Republikas Finanšu ministrija. (2011) *Darba izpildes (Performance) mērišana valsts pārvaldē.* Available: <https://www.fm.gov.lv/lv/media/1244/download> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Republikas Ministru kabinets. (2009) *Ministriju un citu centrālo valsts iestāžu rezultātu un to rezultatīvo rādītāju izstrādes un novērtēšanas metodika.* Available: <https://likumi.lv/ta/id/200935-ministriju-un-citu-centralo-valsts-iestazu-rezultatu-un-to-rezultatīvo-raditaju-izstrades-un-novertesanas-metodika> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Republikas Ministru kabinets. (2022a) *Nozarēs veikto ieguldījumu efektivitātes analīzes metodika.* Available: <https://www.mk.gov.lv/lv/media/522/download> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Republikas Ministru kabinets. (2022b) *Par Sociālās aizsardzības un darba tirgus politikas pamatnostādnēm 2021.–2027. gadam.* Available: <https://likumi.lv/ta/id/325828-par-socialas-aizsardzibas-un-darba-tirgus-politikas-pamatnostadnem-2021-2027-gadam> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Republikas Saeima. (2003) *Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likums.* Available: <https://likumi.lv/doc.php?id=68488> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Republikas Saeima. (2012) *Iekšējā audita likums.* Available: <https://likumi.lv/ta/id/253680-iekseja-audita-likums> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Zinātņu akadēmija. (2022) *LZA TK 15.02.2022. sēdes protokols Nr. 2/1164.* Available: <https://termini.gov.lv/komisija/lza-tk-15022022-sedes-protokols-nr-21164> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisija (LZA TK). (1970) *Effectiveness.* Available: <https://termini.gov.lv/kolekcijas/59/skirkliis/347310> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisija (LZA TK). (2017) *Rezultativitāte.* Available: <https://termini.gov.lv/kolekcijas/98/skirkliis/494458> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisija (LZA TK). (2004) Par jaunāko ekonomikas terminoloģijā. *Latvijas Vēstnesis*. Available: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/90868> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisijas (LZA TK) Informācijas tehnoloģijas, telekomunikācijas un elektronikas terminoloģijas apakškomisija (ITTEA). (2015) Effectiveness. *ITTEA protokoli*. Available: <https://termini.gov.lv/kolekcijas/97/skirklis/455645> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas komisijas (LZA TK) Informācijas tehnoloģijas, telekomunikācijas un elektronikas terminoloģijas apakškomisija (ITTEA). (2007) Efektivitāte. *ITTEA terminu datubāze*. Available: <https://termini.gov.lv/atrast/efektivit%C4%81te/lv> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

Lawson T. (2013) What is this “school” called neoclassical economics? *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 37, No. 5, pp. 947–983. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bet027>

Lissitsa A., Babiéceva T. (2003) Theoretical frameworks for a productivity and efficiency analysis of agricultural enterprises. *IAMO Discussion Papers 49*, Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO). Available: <https://ideas.repec.org/p/zbw/iamodp/49.html> (accessed on 28.11.2022).

Lockheed M., Hanushek E. (1994) Concepts of educational efficiency and effectiveness. *International Encyclopedia of Education*. Available: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:oyF3s10cHDQJ:documents1.worldbank.org/curated/en/727651468739517517/pdf/multi-page.pdf+&cd=18&chl=lv&ct=clnk&gl=lv> (accessed on 28.11.2022).

Makabenta Y. (2018) Doing things right vs doing the right things. *Manila Times*. Available: <https://www.manilatimes.net/2018/04/10/opinion/columnists/topanalysis/doing-things-right-vs-doing-the-right-things/391686> (accessed on 28.11.2022).

Mandl U., Dierx A., Ilzkovitz F. (2008) *The Effectiveness and Efficiency of Public Spending*. Available: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication_summary_11904_en.htm (accessed on 28.11.2022).

Marshev B. (2016) *Istoriia upravlencheskoj mysli*. Moskva: Prospekt. (In Russian)

Merriam Webster. (2021) *Effector*. Available: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/effector> (accessed on 28.11.2022).

Merriam Webster. (2021) *Effectual*. Available: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/effectual> (accessed on 28.11.2022).

Mīkelsons S., Asafreja A. (2012) Darba izpildes novērtēšana – 3E (Performance audit). *Finanšu ministrijas organizētā iekšējo auditoru ikmēneša diskusija*. Available: <https://www.fm.gov.lv/lv/media/1228/download28.11.2022>. (In Latvian)

Morgan R. (1988) Improving efficiency of education in developing countries. *Educational Media International*, Vol. 25, No. 4, pp. 201–208. DOI: <https://doi.org/10.1080/0952398880250402>

Nekrasov V. (2010) *Vzgliady Morisa Alle na effektivnost v ekonomike rynkov: idei i usloviia*. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-morisa-alle-na-effektivnost-v-ekonomike-rynkov-idei-i-usloviya> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Nikolaev M. (2004) Teoretiko-metodologicheskie problemy formirovaniia effektivnykh khozajstvennykh sistem. *Izdatel'stvo Kazanskogo Universiteta*. Available: https://kpfu.ru/docs/F257901497/2_Teor_mon2.pdf (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Oxford University Press. (2021) *Cost-effectiveness*. Available: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cost-effectiveness> (accessed on 28.11.2022).

- Ozoliņa-Ozola I. (2009) Efektivitāte un produktivitāte. *Biznesa Psiholoģija*, No. 19, pp. 44–49. Available: <https://biznesapsihologija.lv/wp-content/uploads/2018/09/BP19.pdf> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

Ozoliņa-Ozola I. (2011) Cilvēku resursu vadīšanas efektivitātes novērtēšanas problēmas. *Docplayer*. Available: <https://docplayer.lv/116302949-Scientific-journal-of-riga-technical-university-economics-and-business-volume-21-civil%C4%93ku-resursu-vad%C4%AB%C5%A1anas-efektivit%C4%81tes-nov%C4%93rt%C4%93%C5%A1anas-probl%C4%93mas-iveta.html> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

Palečková I. (2016) Relationship between profitability and efficiency in the Czech Banking Sector. *Proceedings of the International Conference on Finance and Banking*. Available: <https://publons.com/publon/35519734/> (accessed on 28.11.2022).

Palmer S., Torgerson D. (1999) Economics notes: definitions of efficiency. *Business Management Journal*, Vol. 318, No. 7191, pp. 1136–1136. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.318.7191.1136>

Peacock S., Chan C., Mangolini M., Johansen D. (2001) *Techniques for Measuring Efficiency in Health Services*. Available: <https://www.pc.gov.au/research/supporting/measuring-health-services> (accessed on 28.11.2022).

Petrou A. (2014) Economic efficiency. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, pp. 1793–1794. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_818

Plakhova E. (2021) *Effektivnost' i rezul'tativnost': chem otlichaetsa i kak dostich'*. Available: <https://www.work.ua/ru/articles/employer/1601/> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Polushkin N. (2014) *Effektivnost' sotsial'noj politiki gosudarstva*. Available: <http://probl-ust-razvit-ter.esrae.ru/3-45> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Productivity Commission. (2013) *On efficiency and effectiveness: some definitions*. Available: <https://apo.org.au/node/34183> (accessed on 28.11.2022).

Reverso Context. (2021) *Efficiency and effectiveness – perevod na russkij jazyk*. Available: [https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/efficiency+and+effectiveness](https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/efficiency+and+effectiveness) (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Ryzhova I., Vinokur A., Rudeva O., Korneva E., Sapunov K. (2007) *Otsenka funkcional'noj effektivnosti ortopedicheskogo lecheniya bol'nykh pri chastichnom otsutstvii zubov s ispol'zovaniem s'iomnykh konstruktsij Zubnykh protezov (na osnovanii dannykh elektromiografii)*. Kurskij Gosudarstvennyj Meditsinskij Universitet. Available: <https://core.ac.uk/download/pdf/151219386.pdf> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Roghanian P., Rasli A., Gheysari H. (2012) Productivity through effectiveness and efficiency in the banking industry. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 40, pp. 550–556. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.03.229>

Romanova O. (2002) Optimizatsiya povedeniia predpriiatia v sovremennykh usloviakh. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, Vol. 3, No. 2, pp. 116–123. Available: http://vasilieva.narod.ru/20_3_02.htm (accessed on 28.11.2022). (In Russian)

Roy S. (2016) Efficiency-profitability relationship of Indian public sector banks: who is the superstar? *SSRN Electronic Journal*. Vol. 8, No. 246. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2881736>

Safdar A. (2014) Measure efficiency by DEA model. *Journal of Mathematics and Computer Science*, Vol. 10, No. 4, pp. 253–257. DOI: <https://doi.org/10.22436/jmcs.010.04.03>

- Saksonova S. (2007) *Komercdarības formas. Komercdarības uzskaites un ražīguma novērtēšanas pamati*. Latvijas Universitāte. Available: <https://profizgl.lu.lv/mod/book/view.php?id=16802&chapterid=3466> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Shemet'iev A. (2014) *Mezhdunarodnye standarty innovatsionnogo menedzhmenta*. Available: <http://www.klex.ru/eac> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Shinkarenko V. (2005) Funktsional'naia effektivnost' nechiotko spetsifitsirovannykh algoritmov. *Teoretichni ta metodologichni osnovi programuvannia*. Available: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/2332/3%20-%20Shinkarenko.pdf> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Simar L., Wilson P. (2020) Technical, allocative and overall efficiency: estimation and inference. *European Journal of Operational Research*, Vol. 282, No. 3, pp. 1164–1176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2019.10.011>
- Simonov S., Riazanova O. (2009) Sovremennye podkhody i metody k otsenke effektivnosti funktsionirovaniia aktionernykh promyshlennykh organizatsij. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Serija: Ekonomika*, No. 2, pp. 63–67. Available: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20182014> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Sīle L. (2010) *Lietderības audita būtība*. Available: <https://www.fm.gov.lv/lv/media/1283/download> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Skujīņa V. (1995) *Ekonomikas, lietvedības un darba organizācijas termini (ELDO)*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts. (In Latvian)
- Skujīņa V. (Aut. kol. vad.) (1997) *ELDO termini. Latviski, krieviski, angliski, vāciski*. Rīga, 1995/1996/1997. (In Latvian)
- Skujīņa V., Beļickis I., Blūma D., Koķe T., Markus D., Šalme A. (2000) *Pedagoģijas terminu skaidrojōšā vārdnīca*. Rīga: Zvaigzne ABC. (In Latvian)
- Spektors A. (2021) *Rezultativitāte*. Available: <https://tezaurs.lv/rezultativit%C4%81te> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Summers D. (2006) *Longman Exams Dictionary*. Harlow: PearsonEducation Limited.
- Štefenhagena D. (2017) *Uz rezultātu orientētu vadišanas pieeju izmantošana augstskolās Latvijā*. Riga: Latvijas Universitāte. (In Latvian)
- Šteinbuka I. (Zin. red.) (2019) *Produktivitātes celšana: tendences un nākotnes izaicinājumi*. Available: https://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/46621/Produktivitates_celsana.pdf?sequence=2&isAllowed=y. (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- The Free Dictionary. (2022a) *Effectivity*. Available: <https://www.thefreedictionary.com/effectivity> (accessed on 28.11.2022).
- The Free Dictionary. (2022b) *Effectuality*. Available: <https://www.thefreedictionary.com/effectuality> (accessed on 28.11.2022).
- The Free Dictionary. (2022c) *Effectualness*. Available: <https://www.thefreedictionary.com/effectualness> (accessed on 28.11.2022).
- The Free Dictionary. (2022d) *Efficacy*. Available: <https://www.thefreedictionary.com/efficacy> (accessed on 28.11.2022).
- The Free Dictionary. (2022e) *Functional Efficiency*. Available: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/functional+efficiency> (accessed on 28.11.2022).
- Tilde. (2022a) Effectiveness. *Angļu-latviešu vārdnīca*. Available: <https://www.letonika.lv/groups/default.aspx?r=10331062&q=Effectiveness&cid=339388&g=2> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)

- Tilde. (2022b) Efficiency. *Angļu-latviešu vārdnīca*. Available: <https://www.letonika.lv/groups/default.aspx?r=10331062&g=2&cid=243187&q=efficiency> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Uchebnik-Ekonomika.com. (2021) *Funktionalnaia effektivnost'*. Available: <https://uchebnik-ekonomika.com/teoriya-economiki/funktionalnaya-effektivnost.html> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Vaidya D. (2022) *Economic Efficiency*. Available: <https://www.wallstreetmojo.com/economic-efficiency/#types-of-economic-efficiency> (accessed on 28.11.2022).
- Valsts valodas centrs. (2021) *Terminoloģijas portālā apkopota apstiprināta nozaru terminoloģija*. Available: <https://termini.gov.lv/> (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Vilka I. (2012) *Plānošanas dokumentu uzraudzība un rezultatīvie rādītāji*. Available: https://www.kurzemesregions.lv/wp-content/uploads/2019/02/I.Vilka_par-uzraudzibu.pptx (accessed on 28.11.2022). (In Latvian)
- Vocabulary. (2021) *Effectivity – Dictionary Definition*. Available: <https://www.vocabulary.com/dictionary/effectivity> (accessed on 28.11.2022).
- Witzel M. (2002) A short history of efficiency. *Business Strategy Review*, Vol. 13, No. 4, pp. 38–47. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8616.00232>
- Wolf Ch. (1979) Economic efficiency and inefficient economics. *Journal of Post Keynesian Economics*, Vol. 2, No. 1, pp. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.1080/01603477.1979.11489138>
- WordSense. (2021) *Effectivus (Latin)*. Available: <https://www.wordsense.eu/effectivus/> (accessed on 28.11.2022).
- Worthington A., Hurley E. (2000) *Technical, Allocative and Cost Efficiency in the Australian General Insurance Industry*. Brisbane: School of Economics and Finance, Queensland University of Technology.
- Zariņa V., Strēle I. (2009) *Finanšu plānošana uzņēmumā*. Rīga: Lietišķas informācijas dienests. (In Latvian)
- Zhang L., Zeng Y., Fang Y. (2019) Evaluating the technical efficiency of care among long-term care facilities in Xiamen, China: based on data envelopment analysis and Tobit model. *BMC Public Health*, Vol. 19, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7571-x>
- Zvezinskij S., Parfentsev I., Tkach V. (2017) Funkcional'naia effektivnost' nelinejnogo radio-lokatora po obnaruzheniiu malykh ob''iektov. *Radiotekhnika*, No. 1. Available: <http://radiotec.ru/ru/journal/Radioengineering/number/2017-1/article/18996> (accessed on 28.11.2022). (In Russian)
- Zviedris A. (1997) *Latviešu-angļu enerģētikas un elektrotehnikas vārdnīca*. Rīga: Gandrs. (In Latvian)

**Вера Комарова, Янис Балодис, Эдмундс Чижо, Анита Кокаревича,
Наталья Селиванова-Фёдорова**

РАЗРАБОТКА ИНДЕКСА ТРАНСПОРТНОЙ РАЗВИТОСТИ ТЕРРИТОРИИ ДЛЯ СТРАН МИРА

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(2))

Для цитирования: Комарова В., Балодис Я., Чижо Э., Кокаревича А., Селиванова-Фёдорова Н. (2022) Разработка Индекса транспортной развитости территории для стран мира. *Sociālo zinātņu vēstnesis / Вестник социальных наук*, 35(2): 37–58. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(2))

For citation: Komarova V., Balodis J., Čižo E., Kokarevica A., Selivanova-Fyodorova N. (2022) Elaboration of the Territory Transport Development Index for the world countries. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 37–58. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(2))

В своих предыдущих публикациях авторы предложили оценивать транспортную развитость любой территории (в основном – территорий стран мира) по следующим трём компонентам: уровень транспортизации территории, уровень транспортной интернационализации территории и качество транспорта на территории. Авторы оценивали три компонента транспортной развитости территории каждый в отдельности, включая их в дальнейший эмпирический анализ. В ходе предыдущего эмпирического исследования возникла необходимость совершенствования методологии оценки транспортной развитости территории. Целью данного исследования является разработка единого инструмента измерения транспортной развитости территории – индекса – и его апробация на примере стран Европейского Союза. Методы, использованные в исследовании: логический анализ и синтез концептуальной сущности феномена «транспортная развитость территории»; индексный метод – основанная на минимальных и максимальных значениях количественная методика оценки транспортной развитости территории. Информационную базу исследования составляют данные Отчёта о глобальной конкурентоспособности, а также данные *GlobalEconomy.com* и Всемирной книги фактов по странам мира. В результате исследования авторы представили новый Индекс транспортной развитости территории (ИТРТ), включающий не три, а четыре компонента: уровень транспортизации территории, уровень транспортной интернационализации территории, качество транспортной инфраструктуры на территории, продуктивность транспортных услуг на территории. Четыре компонента разработанного авторами Индекса отличаются от предложенных ранее компонентов транспортной развитости территории. Эта разница определяется результатами исследований, проведённых учёными Рижского технического университета (РТУ), которые [результаты исследований] подтверждают значимость транспортной инфраструктуры в использовании ресурсов территории, а также результатами других исследований транспортной инфраструктуры. Вследствие этого третий компонент (качество транспорта на территории) был разделён на два отдельных компонента: качество транспортной инфраструктуры на территории и продуктивность транспортных услуг на территории; в первый из них были включены дополнительные показатели. Авторы апробировали новый Индекс, оценив транспортную развитость территорий стран Европейского союза и сравнив их между собой.

Ключевые слова: транспортная развитость территории, методология оценки, Индекс транспортной развитости территории (ИТРТ), экономический рост, устойчивый транспорт, деградация окружающей природной среды.

Teritorijas transporta attīstības indeksa izstrāde pasaules valstīm

Savās iepriekšējās publikācijās autori piedāvāja jebkuras teritorijas (bet galvenokārt pasaules valstu teritorijas) transporta attīstību novērtēt pēc trim komponentiem: teritorijas transportizācijas līmenis, teritorijas transporta internacionālizācijas līmenis un transporta kvalitāte teritorijā. Autori atsevišķi novērtēja katru no trim teritorijas transporta attīstības komponentiem, iekļaujot tos tālākajā empiriskajā analīzē. Iepriekšējās empīriskās izpētes gaitā radās nepieciešamība pilnveidot teritorijas transporta attīstības novērtēšanas metodoloģiju. Šī pētījuma mērķis ir izstrādāt vienotu teritorijas transporta attīstības mērīšanas instrumentu – indeksu – un aprobēt to uz Eiropas Savienības valstu piemēra. Pētījumā izmantotās metodes: teritorijas transporta attīstības konceptuālās būtības loģiskā analīze un sintēze; indeksa metode – minimālajās un maksimālajās vērtībās balstīta kvantitatīvā metodika teritorijas transporta attīstības novērtēšanai. Pētījuma informatīvo bāzi veido Globālās konkurentsējas pārskata dati, kā arī *GlobalEconomy.com* un Pasaules faktu grāmatas dati par pasaules valstīm. Pētījuma rezultātā autori piedāvāja jaunu Teritorijas transporta attīstības indeksu (TTAI), kas ietver nevis trīs, bet četrus komponentus: teritorijas transportizācijas līmenis, teritorijas transporta internacionālizācijas līmenis, transporta infrastruktūras kvalitāte teritorijā, transporta pakalpojumu produktivitāte teritorijā. Četri Indekska komponenti atšķiras no iepriekš piedāvātajiem teritorijas transporta attīstības komponentiem. Šo atšķirību nosaka Rīgas Tehniskās universitātes (RTU) zinātnieku veiktās izpētes rezultāti, kas apstiprina transporta infrastruktūras nozīmīgumu teritorijas resursu izmantošanā, kā arī citu transporta infrastruktūras pētījumu rezultāti. Līdz ar to trešais komponents (transporta kvalitāte teritorijā) tika sadalīts uz diviem atsevišķiem komponentiem: transporta infrastruktūras kvalitāte teritorijā un transporta pakalpojumu produktivitāte teritorijā; pirmais no tiem tika papildināts ar dažiem rādītājiem. Autori aprobēja jaunizstrādāto Indeksu, novērtējot Eiropas Savienības valstu teritorijas transporta attīstību un salīdzinot tās savā starpā.

Atslēgvārdi: teritorijas transporta attīstība, novērtēšanas metodoloģija, Teritorijas transporta attīstības indekss (TTAI), ekonomiskā izaugsme, ilgtspējīgs transports, apkārtējās dabiskās vides degradācija.

Elaboration of the Territory Transport Development Index for the world countries

In their previous publication, the authors proposed to assess the transport development of any territory (but mainly the territories of the world's countries) according to the following three components: transportization level of a territory, transport internationalization level of a territory and quality of transport in a territory. The authors assessed three components of the transport development of a territory each separately, including them in further empirical analysis. In the course of the authors' empirical research, it became necessary to improve the methodology for assessing the transport development of a territory. The purpose of this study is to develop a single tool for measuring the transport development of a territory – an index – and to test it on the example of the European Union countries. Methods used in the study: monographic method, logical analysis and synthesis of the conceptual essence of the phenomenon 'transport development of a territory', index method – a quantitative technique for assessing the transport development of a territory based on the minimum and maximum values. The information base of the study is the data of the Global Competitiveness Report, as well as data from *GlobalEconomy.com* and the World Factbook for the world countries. As a result of the study, the authors developed a new Territory Transport Development Index (TTDI), which includes not three, but four components: transportization level of a territory, transport internationalization level of a territory, quality of the transport infrastructure in a territory, efficiency of the transport services in a territory. Four components of the Index developed by the authors differ from the previously proposed components of the transport development of a territory. This difference is determined by the results of study carried out by researchers of

the Riga Technical University (RTU), which confirm the importance of transport infrastructure in the use of a territory's resources, as well as the results of other comparative studies on the transport infrastructure of the EU countries. Thus, the third component (quality of transport in a territory) was divided into two separate components: quality of the transport infrastructure in a territory and efficiency of the transport services in a territory, including additional indicators in the first of them. The authors tested the new Index by assessing the European Union countries and comparing them both in general transport development and separately in its different aspects.

Keywords: transport development of a territory, assessment methodology, Territory Transport Development Index (TTDI), economic growth, sustainable transport, environmental degradation.

Введение

Транспортный сектор является ключевым для экономики территории – города, региона или страны. Экономист Банка Латвии (латыш.: *Latvijas Banka*) И. Касьянов (*I. Kasjanovs*) назвал транспортный сектор «кровеносной системой экономики», подчеркнув особую роль развитости транспорта в макроэкономическом развитии территории (*Kasjanovs 2012*), особенно в условиях глобализации экономики, когда экономический рост детерминируется возможностями перемещения людей и товаров, включая информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) (*Kherbash, Mocan 2015*). Наличие на территории плотной и хорошо связанной транспортной инфраструктуры часто коррелирует с высоким уровнем экономического роста этой территории. Высокая функциональность транспортных сетей имеет мультиплективный эффект, который включает в себя расширение доступа к рынку и возможностей трудоустройства, а также увеличение инвестиций на соответствующей территории. В свою очередь, недостаточно функциональные транспортные сети могут иметь такие социально-экономические последствия, как снижение или потеря возможностей и ухудшение качества жизни, а также повышение негативного воздействия транспорта на окружающую среду (*Wang et al. 2018; Meng, Han 2018; Prus, Sikora 2021*).

В своих предыдущих публикациях (*Komarova i dr. 2021; Balodis 2022*) авторы предложили оценивать транспортную развитость любой территории (в основном – территории стран мира) по следующим трём компонентам: уровень транспортизации территории, уровень транспортной интернационализации территории и качество транспорта на территории. Авторы оценивали три компонента транспортной развитости территории каждый в отдельности, включая их в дальнейший эмпирический анализ. В ходе эмпирического изучения (*Komarova i dr. 2021; Balodis 2022*) возникла необходимость совершенствования методологии оценки транспортной развитости территории. Целью данного исследования является разработка единого инструмента измерения транспортной развитости территории – индекса – и его апробация на примере стран Европейского Союза.

В ходе исследования авторы использовали эмпирические данные из Отчёта о глобальной конкурентоспособности (англ.: *Global Competitiveness Report*) (*World Economic Forum 2019*), а также данные *GlobalEconomy.com* (*GlobalEconomy.com 2022a, 2022b, 2022c*) и Всемирной книги фактов (англ.: *World Factbook*) (*Central*

Intelligence Agency 2021) о транспортной развитости территорий 27¹ стран Европейского Союза в 2019 году. Для достижения цели исследования использовались следующие методы: монографический метод, логический анализ и синтез концептуальной сущности феномена “транспортная развитость территории”, индексный метод – количественный метод, основанный на минимальных и максимальных значениях (Motoryn et al. 2020; Rybalkin et al. 2021), применимый к оценке транспортной развитости территории (Ambarwati et al. 2017; Gudmundsson, Regmi 2017; Walters et al. 2022).

Анализ литературы

Авторы проанализировали научные публикации, предмет которых касается наиболее значимых компонентов транспортной развитости территории, особенно по странам Европейского Союза. В научной литературе имеются сравнительные исследования транспортного сектора стран ЕС – в частности, развития транспортной инфраструктуры, общественной деятельности и долгосрочного экономического роста в странах ЕС (Cigu et al. 2018), устойчивых систем транспортной инфраструктуры и устойчивого экономического роста в странах ЕС (Gherghina et al. 2018), а также влияния транспортной инфраструктуры на глобальную конкурентоспособность Европы (Purwanto et al. 2017).

Обзор последних научных публикаций по компонентам транспортной развитости территории позволяет авторам сделать вывод о том, что концептуальная сущность феномена «транспортная развитость территории» включает в себя несколько аспектов, охватывающих как минимум такие направления, как эффективность и устойчивость транспортных услуг (в т.ч. “зеленый транспорт” – Negrutiu et al. 2020), состояние транспортной инфраструктуры, протяжённость и связанность транспортных маршрутов. Основным стратегическим направлением транспортного развития территории является устойчивый транспорт (Greene, Wegener 1997; Steg 2007; Szczuraszek, Chmielewski 2018; Mesjasz-Lech, Włodarczyk 2022), рассматриваемый как в рамках концепции “умного города” (англ.: *Smart City*) (Bubeliny, Kubina 2021; Burlacu et al. 2022), так и на основе других концепций (Lejda et al. 2017; Hermelin, Henriksson 2022).

В научно-исследовательском дискурсе также имеются попытки разработки единого инструмента измерения транспортной развитости территории – индекса. Например, Индекс устойчивого городского транспорта (англ.: *Sustainable Urban Transport Index, SUTI*) для городов Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот Индекс отражает связанные с городским транспортом Цели устойчивого развития (англ.: *Sustainable Development Goals*), актуальные для азиатских городов (Gudmundsson, Regmi 2017). Ещё одним комплексным показателем, отражающим совокупную эффективность транспортных систем города, является Индекс эффективности транспорта (англ.: *Transport Performance Index, TPI*), в котором общая стоимость транспортной системы (эксплуатационные и экологические издержки)

---

¹ Мальта не включена в эмпирический анализ из-за её очень маленькой (для измерения транспортной развитости) территории (316 км²).

делится на готовность жителей платить (англ.: *willingness to pay, WTP*) за транспорт плюс готовность жителей принять (англ.: *willingness to accept, WTA*) негативное влияние на них подверженной “транспортному” воздействию окружающей природной среды (Ambarwati et al. 2017). Новейшим индексом в области транспорта является Индекс внедрения сельского транспорта (англ.: *Rural Transport Implementation Index, RTII*) – инструмент, необходимый для мониторинга внедрения взаимосвязанных, автономных и электрических транспортных средств в сельской местности (Walters et al. 2022). Все эти Индексы применимы для оценки транспортной развитости конкретной – городской или сельской – территории (или конкретного «транспортного» аспекта, как, например, Индекс уязвимости пользователей транспорта (англ.: *Index of Transport-User Vulnerability, ITUV*) (Glensor 2018)), но не территории страны или региона в целом.

Транспортный сектор не только поддерживает экономическое и социальное развитие той или иной территории, но и оказывает существенное влияние на выбросы углерода, поэтому некоторые исследователи занимаются разработкой специальных индексов для измерения “вклада” транспортного сектора в ухудшение состояния окружающей среды. Например, на основе модели “движущая сила – давление – состояние – воздействие – реакция” (англ.: *Drivingforce – Pressure – State – Impact – Response, DPSIR*) был построен Индекс ограничения транспортных выбросов углерода (англ.: *Constraint Index of the Transport Carbon Emissions, CITCE*) для территории дельты Жемчужной реки (Китай) в рамках общенациональной цели “двойного углерода”² (Zhou et al. 2022). Результаты исследования показали, что существует шесть уровней такого ограничения. Уровень экономического развития, масштаб выбросов углерода и цель “двойного углерода” являются ключевыми для всей системы факторами. В свою очередь, развитие общественного и интеллектуального транспорта, а также увеличение инвестиций в новую энергетическую инфраструктуру и технологии способствуют развитию транспортной системы в дельте Жемчужной реки и реализации общенациональной цели “двойного углерода” (Zhou et al. 2022).

Концептуальное обоснование и методология исследования

Как уже было упомянуто во Введении к данной статье, в своих предыдущих публикациях (Komarova i dr. 2021; Balodis 2022) авторы предложили оценивать транспортную развитость любой территории (в основном – территорий стран мира) по следующим трём компонентам: уровень транспортизации территории, уровень транспортной интернационализации территории и качество транспорта на территории, но в ходе эмпирического изучения возникла необходимость совершенствования методологии оценки транспортной развитости территории по следующим причинам:

- при анализе большего числа научных публикаций по теме исследования авторы осознали, что в концептуальном понимании транспортной развитости

² Китайская общенациональная цель “двойного углерода” предусматривает достижение пика выбросов углерода к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году (Zhou et al. 2022).

- территории недостаёт компонентов, которые бы полнее охарактеризовали изучаемый феномен;
- по отдельности измеряя каждый компонент транспортной развитости территории, авторы увидели необходимость разработки единого инструмента оценки этого феномена – индекса, который позволял бы сравнивать территории между собой и оценивать динамику транспортной развитости территории по отношению к самой себе.

Учёные Рижского технического университета (РТУ) И. Ниедоле (*I. Niedole*) и Д. Аверьянов (*D. Averjanovs*) провели исследование на примере Кулдигского уезда (Латвия), результаты которого подтвердили значимость транспортной инфраструктуры в использовании ресурсов территории (Niedole, Averyanov 2011). И. Ниедоле и Д. Аверьянов эмпирически доказали, что использование ресурсов территории является функцией от развитости её транспортной инфраструктуры. В свою очередь, результаты другого исследования, основанного на данных об энергетической, транспортной, информационно-коммуникационной (ИКТ) и финансовой инфраструктуре, свидетельствуют о том, что комплексное развитие инфраструктуры увеличивает использование ресурсов в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) (англ.: *Brazil, Russia, India, China, South Africa, BRICS*) (Sun et al. 2022). Значимость транспортной инфраструктуры для долгосрочного устойчивого экономического роста была доказана также и в рамках других сравнительных исследований транспортного сектора стран ЕС (Cigu et al. 2018; Gherghina et al. 2018). Так, польские учёные А. Месяш-Лех (*A. Mesjasz-Lech*) и А. Владарчик (*A. Włodarczyk*) в своём исследовании роли транспортной инфраструктуры в развитии устойчивого автомобильного транспорта установили, что развитие транспортной инфраструктуры приводит к снижению негативного воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду (Mesjasz-Lech, Włodarczyk 2022).

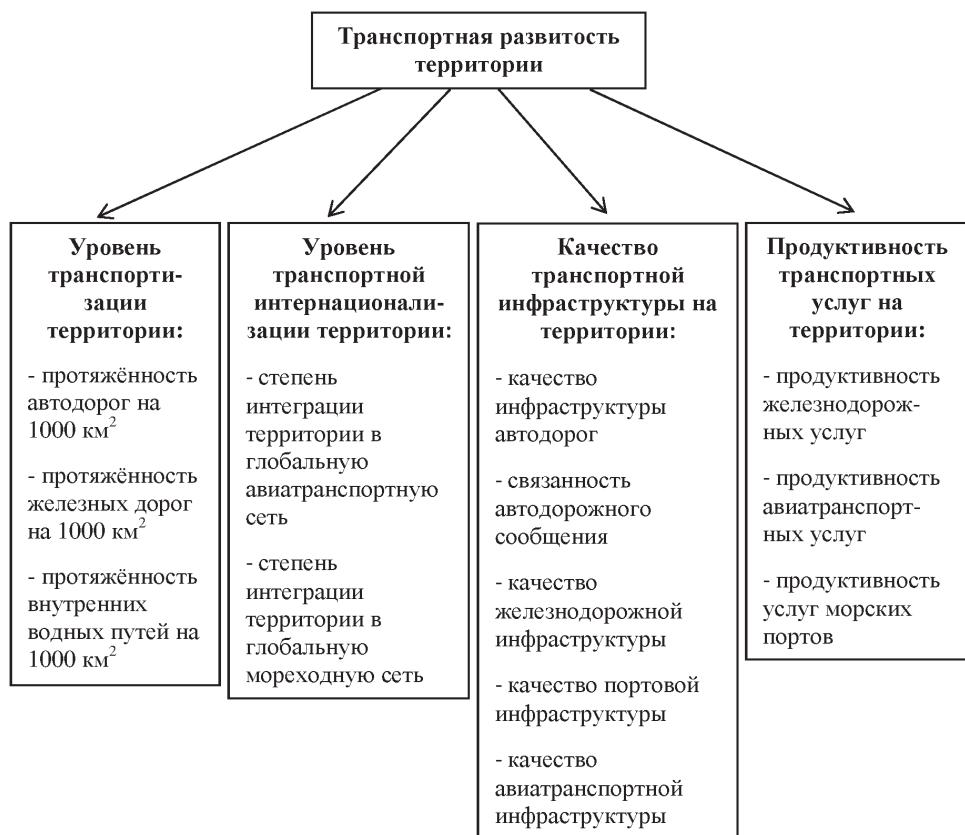
На основании результатов вышеназванных исследований авторы включили качество транспортной инфраструктуры, как необходимую составляющую концептуального понимания транспортной развитости территории. В результате структура транспортной развитости территории стала включать в себя следующие четыре компонента с соответствующими показателями:

- 1) уровень транспортизации³ территории:
  - протяжённость автодорог на 1000 км² (англ.: *road density per 1000 km²*);
  - протяжённость железных дорог на 1000 км² (англ.: *railroad density per 1000 km²*);
  - протяжённость внутренних водных путей на 1000 км² (англ.: *inner waterways density per 1000 km²*);
- 2) уровень транспортной интернационализации территории:
  - степень интеграции территории в глобальную авиатранспортную сеть (англ.: *airport connectivity*);
  - степень интеграции территории в глобальную мореходную сеть (англ.: *liner shipping connectivity*);

³ Отличие термина “транспортизация” (англ.: *transportization*) от термина “транспортировка” (англ.: *transportation*) системно проанализировано в предыдущих исследованиях авторов (Komarova i dr. 2021; Balodis 2022).

- 3) качество транспортной инфраструктуры на территории:
- качество инфраструктуры автодорог (англ.: *quality of road infrastructure*);
  - связанность автодорожного сообщения (англ.: *road connectivity*);
  - качество железнодорожной инфраструктуры (англ.: *quality of railroad infrastructure*);
  - качество портовой инфраструктуры (англ.: *quality of port infrastructure*);
  - качество авиатранспортной инфраструктуры (англ.: *quality of air transport infrastructure*);
- 4) продуктивность транспортных услуг на территории:
- продуктивность железнодорожных услуг (англ.: *efficiency of train services*);
  - продуктивность авиатранспортных услуг (англ.: *efficiency of air transport services*);
  - продуктивность услуг морских портов (англ.: *efficiency of seaport services*).

Рисунок 1

Структура феномена “транспортная развитость территории”

Источник: схема, разработанная авторами на основе Niedole, Averyanov 2011; Komarova i dr. 2021; Balodis 2022; Sun et al. 2022; Mesjasz-Lech, Włodarczyk 2022.

Все компоненты транспортной развитости территории – уровень транспортизации территории, уровень транспортной интернационализации территории, качество транспортной инфраструктуры на территории и продуктивность транспортных услуг на территории – включены в дальнейший эмпирический анализ по двум основным причинам:

- 1) они характеризуют транспортную развитость территории;
- 2) по ним есть эмпирические данные для стран Евросоюза.

В следующей таблице представлена система компонентов и показателей транспортной развитости территории, которая [система] включает в себя наименование компонентов и показателей, их эмпирическую интерпретацию, единицу измерения и шкалу, а также источник эмпирических данных для каждого показателя.

**Таблица 1
Система компонентов и показателей транспортной развитости территории**

Наименование показателя	Эмпирическая интерпретация показателя	Единица измерения показателя и шкала	Источник эмпирических данных
1	2	3	4
Уровень транспортизации территории:			
Протяжённость автодорог на 1000 км ²	Протяжённость дорог в километрах на 1000 км ² территории	В абсолютном выражении	World Factbook 2021
Протяжённость железных дорог на 1000 км ²	Протяжённость железных дорог в километрах на 1000 км ² территории	В абсолютном выражении	Global Competitiveness Report 2019
Протяжённость внутренних водных путей на 1000 км ²	Протяжённость внутренних водных путей в километрах на 1000 км ² территории	В абсолютном выражении	World Factbook 2021
Уровень транспортной интернационализации территории:			
Степень интеграции территории в глобальную авиатранспортную сеть	Показатель международной связанности аэропорта, который измеряет степень интеграции территории в глобальную сеть воздушного транспорта	Балльная шкала от 0 до 100 (логарифмически преобразованное взвешенное количество обслуженных пассажиров)	Global Competitiveness Report 2019
Степень интеграции территории в глобальную мореходную сеть	Показатель международной связанности морских портов, который измеряет связанность территории с глобальной морской транспортной сетью	Открытая балльная шкала с эталонным баллом 100, соответствующим стране с наибольшим уровнем транспортной интернационализации территории в 2004 году (Китай)	Global Competitiveness Report 2019

Продолжение таблицы 1 см. на следующей странице

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Качество транспортной инфраструктуры на территории:			
Качество инфраструктуры автодорог	Средневзвешенный ответ экспертов на вопрос: «Как бы Вы оценили качество (ширину и состояние) автодорожной инфраструктуры в Вашей стране?»	Шкала оценок от 1 (очень плохо) до 7 (очень хорошо)	Global Competitiveness Report 2019
Связанность автодорожного сообщения	Показатель, который измеряет среднюю скорость и прямолинейность автомобильного маршрута между 10 или более крупными городами, который [маршрут] охватывает не менее 15% населения страны	Балльная шкала от 0 до 100 (отличная связанность)	Global Competitiveness Report 2019
Качество железнодорожной инфраструктуры	Средневзвешенная оценка экспертов	Шкала оценок от 1 (низкое качество) до 7 (высокое качество)	GlobalEconomy.com 2022a
Качество портовой инфраструктуры	Средневзвешенная оценка экспертов	Шкала оценок от 1 (низкое качество) до 7 (высокое качество)	GlobalEconomy.com 2022b
Качество авиатранспортной инфраструктуры	Средневзвешенная оценка экспертов	Шкала оценок от 1 (низкое качество) до 7 (высокое качество)	GlobalEconomy.com 2022c
Продуктивность транспортных услуг на территории:			
Продуктивность железнодорожных услуг	Средневзвешенный ответ экспертов на вопрос: “Насколько продуктивны (частота, пунктуальность, скорость, цена) услуги железнодорожного транспорта в Вашей стране?”	Шкала оценок от 1 (крайне непродуктивно) до 7 (максимально продуктивно)	Global Competitiveness Report 2019
Продуктивность авиатранспортных услуг	Средневзвешенный ответ экспертов на вопрос: “Насколько продуктивны (частота, пунктуальность, скорость, цена) авиаперевозки в Вашей стране?”	Шкала оценок от 1 (крайне непродуктивно) до 7 (максимально продуктивно)	Global Competitiveness Report 2019

Продолжение таблицы 1 см. на следующей странице

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Продуктивность услуг морских портов	Средневзвешенный ответ экспертов на вопрос: "Насколько продуктивны (частота, пунктualность, скорость, цена) услуги морских портов в Вашей стране?"	Шкала оценок от 1 (крайне непродуктивно) до 7 (максимально продуктивно)	Global Competitiveness Report 2019

Источник: составлено авторами по данным World Economic Forum 2019; Central Intelligence Agency 2021; GlobalEconomy.com 2022a, 2022b, 2022c.

В рамках данного исследования авторы поставили себе целью разработать единый инструмент измерения транспортной развитости территории – индекс – на основе всех компонентов и их показателей, входящих в структуру феномена “транспортная развитость территории” (Рис. 1 и Табл. 1). В отличие от отдельных компонентов, которые были эмпирически проанализированы в предыдущих исследованиях авторов (Komarova i dr. 2021; Balodis 2022), синтетический индекс позволяет комплексно оценить изучаемое явление – транспортную развитость территории – в отдельных странах и сравнить страны Европейского Союза между собой по их достижениям в плане транспортной развитости.

Для получения суммарного значения индекса по каждой изучаемой территории расчёты производятся по всей совокупности показателей транспортной развитости территории для стран ЕС в 2019 году. Эти данные составляют эмпирическую базу исследования и обрабатываются индексным методом – количественным методом, основанным на минимальных и максимальных значениях (Ajvazian 2005; Gudmundsson, Regmi 2017; Rybalkin et al. 2021).

$$x' = a + \frac{(x - \min(x))(b - a)}{\max(x) - \min(x)}$$

где:

x' – стандартизованное значение показателя;

x – исходное значение показателя;

$\min(x)$ – минимальное значение показателя в рамках выборки;

$\max(x)$ – максимальное значение показателя в рамках выборки;

a – используемый исследователем минимум;

b – используемый исследователем максимум.

Источник: Ajvazian 2005.

Далее стандартизованное значение каждого компонента индекса рассчитывается как среднее арифметическое стандартизованных значений входящих в него показателей (за исключением первого компонента, где берётся сумма показателей протяжённости различных видов транспортных путей на территории страны), а общее значение индекса рассчитывается как среднее арифметическое стандартизованных значений четырёх компонентов транспортной развитости территории.

$$\text{Ind} = (\bar{x}_1 + \bar{x}_2 + \bar{x}_3 + \bar{x}_4) / 4$$

где:

Ind – общее значение Индекса;

$\bar{x}_1$ – стандартизованное значение компонента «уровень транспортизации территории»;

$\bar{x}_2$ – стандартизованное значение компонента “уровень транспортной интернационализации территории”;

$\bar{x}_3$ – стандартизованное значение компонента “качество транспортной инфраструктуры на территории”;

$\bar{x}_4$ – стандартизованное значение компонента “продуктивность транспортных услуг на территории”.

Источник: создано авторами на основе Ajvazian 2005.

Таким образом, новый Индекс включает в себя все четыре компонента транспортной развитости территории (Рис. 1), и его можно использовать для оценки и сравнения транспортной развитости практически любых стран мира (кроме очень маленьких по площади – например, таких, как Мальта).

Результаты исследования и дискуссия

Анализ результатов исследования авторы начнут с расчёта нестандартизованных значений компонентов ИТРТ стран Евросоюза в 2019 году. Первый компонент – уровень транспортизации территории, включающий в себя протяжённость автомобильных, железных дорог и внутренних водных путей на 1000 км² территории страны (Табл. 2).

Таблица 2
Уровень транспортизации территории в странах Европейского Союза,
 $n = 27$ стран, 2019 год

Страны ЕС*	Показатели уровня транспортизации территории				Уровень транспортизации территории**
	Протяжённость автодорог на 1000 км ²	Протяжённость железных дорог на 1000 км ²	Протяжённость внутренних водных путей на 1000 км ²	5	
1	2	3	4	5	
Бельгия	5027,8	119,0	66,9		5213,7
Нидерланды	3338,3	89,4	171,0		3598,7
Венгрия	2222,8	80,0	17,4		2320,2
Франция	1920,6	53,4	15,5		1989,5
Германия	1806,7	95,9	20,9		1923,5
Чехия	1646,8	121,8	8,1		1776,7
Дания	1675,2	50,2	9,3		1734,7

Продолжение таблицы 2 см. на следующей странице

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
Великобритания	1626,3	67,2	13,1	1706,6
Австрия	1465,2	60,0	4,3	1529,5
Ирландия	1394,4	27,4	13,6	1435,4
Польша	1355,9	60,5	12,8	1429,2
Испания	1353,3	31,1	2,0	1386,4
Кипр	1363,7	Нет железных дорог	Нет внутренних водных путей	1363,7
Литва	1295,9	30,5	7,0	1333,4
Эстония	1300,6	23,8	7,1	1331,5
Люксембург	1119,3	113,2	14,3	1246,8
Словения	986,7	60,0	172,7	1219,4
Латвия	901,6	29,9	4,6	936,1
Португалия	897,3	27,8	2,3	927,4
Греция	886,5	17,4	Нет внутренних водных путей	903,9
Италия	825,9	57,1	8,0	891,0
Словакия	798,2	75,4	3,5	877,1
Хорватия	520,2	46,6	12,9	579,7
Швеция	473,3	23,8	4,6	501,7
Румыния	362,7	46,8	7,3	416,8
Болгария	372,0	37,1	4,2	413,3
Финляндия	310,9	19,5	23,2	353,6

* Страны ранжированы по уровню транспортизации территории.

** Сумма значений трёх показателей уровня транспортизации территории.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных World Economic Forum 2019; Central Intelligence Agency 2021.

Как видно из данных Таблицы 2, лидерами ЕС по плотности всех видов транспортных путей являются Бельгия, Нидерланды и Венгрия, а последние места по этому компоненту ИТРТ занимают Румыния, Болгария и Финляндия (в Финляндии именно это обстоятельство, носящее в основном объективный “природный” характер, называют основным стимулом развития информационно-коммуникационных технологий – Raija 2000).

В следующей таблице представлены нестандартизованные значения показателей второго компонента ИТРТ – уровня транспортной интернационализации территории – в странах Евросоюза в 2019 году. В этот компонент включены такие показатели, как “степень интеграции территории в глобальную авиатранспортную сеть” и “степень интеграции территории в глобальную мореходную сеть” (Табл. 3).

Таблица 3

**Уровень транспортной интернационализации территории
в странах Европейского Союза, n = 27 стран, 2019 год**

Страны ЕС*	Показатели уровня транспортной интернационализации территории		Уровень транспортной интернационализации территории**
	Степень интеграции территории в глобальную авиатранспортную сеть, балльная шкала от 0 до 100	Степень интеграции территории в глобальную мореходную сеть, открытая балльная шкала с эталонным баллом 100	
Германия	100,0	97,1	98,6
Великобритания	100,0	95,6	97,8
Испания	100,0	90,1	95,1
Франция	95,8	84,0	89,9
Нидерланды	77,0	98,0	87,5
Италия	97,1	67,2	82,2
Бельгия	62,0	91,1	76,6
Португалия	72,0	65,1	68,6
Греция	77,2	59,4	68,3
Австрия	65,3	Нет данных	65,3
Польша	64,7	63,1	63,9
Швеция	66,9	59,7	63,3
Дания	66,3	58,5	62,4
Чехия	56,5	Нет данных	56,5
Венгрия	52,5	Нет данных	52,5
Хорватия	55,2	38,4	46,8
Румыния	54,5	29,8	42,2
Ирландия	68,1	10,7	39,4
Люксембург	37,8	Нет данных	37,8
Финляндия	59,4	13,4	36,4
Кипр	50,9	19,5	35,2
Словения	30,4	39,3	34,9
Литва	36,1	21,0	28,6
Болгария	49,0	6,8	27,9
Словакия	27,5	Нет данных	27,5
Латвия	40,1	8,1	24,1
Эстония	33,3	7,2	20,3

* Страны ранжированы по уровню транспортной интернационализации территории.

** Среднее арифметическое значений двух показателей уровня транспортной интернационализации территории.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных World Economic Forum 2019.

Как видно из данных Таблицы 3, Германия, Великобритания и Испания занимают лидирующие позиции в Европейском Союзе по уровню транспортной интернационализации своих территорий, а Словакия, Латвия и Эстония занимают последние места по этому компоненту транспортной развитости своих территорий.

В следующей таблице представлены значения третьего компонента ИТРТ – качества транспортной инфраструктуры на территории (один из показателей этого компонента стандартизован по шкале от 1 до 7) в странах Евросоюза в 2019 году. Компонент качества транспортной инфраструктуры на территории включает в себя такие показатели, как качество автодорожной инфраструктуры, связность автодорожного сообщения на территории, качество инфраструктуры железнодорожного, портового и воздушного транспорта (Табл. 4).

Таблица 4
Качество транспортной инфраструктуры на территории
стран Европейского Союза, n = 27 стран, 2019 год

Страны ЕС*	Показатели качества транспортной инфраструктуры на территории					Качество транспортной инфраструктуры на территории***
	1	2**	3	4	5	
1	2	3	4	5	6	7
Нидерланды	6,4	4,9	5,7	6,4	6,4	6,0
Испания	5,7	7,0	5,4	5,4	5,6	5,8
Финляндия	5,3	5,4	5,5	6,4	6,3	5,8
Франция	5,4	6,3	5,0	5,2	5,5	5,5
Германия	5,3	6,1	4,9	5,2	5,5	5,4
Швеция	5,3	6,2	4,0	5,3	5,7	5,3
Дания	5,6	4,4	4,5	5,8	5,8	5,2
Португалия	6,0	5,9	4,2	4,9	5,0	5,2
Бельгия	4,4	5,3	4,1	5,6	5,6	5,0
Великобритания	4,9	5,3	4,3	5,2	5,3	5,0
Литва	4,8	5,1	4,6	4,8	4,9	4,8
Австрия	6,0	3,5	5,3	3,7	5,2	4,7
Ирландия	4,4	4,8	4,0	5,0	5,5	4,7
Латвия	3,6	4,9	4,6	4,9	5,7	4,7
Эстония	4,7	4,5	3,1	5,6	4,6	4,5
Италия	4,4	4,3	4,1	4,7	4,9	4,5
Чехия	3,9	5,5	4,5	3,2	5,0	4,4
Люксембург	5,5	1,5	5,0	4,4	5,6	4,4
Польша	4,3	4,7	3,9	4,5	4,8	4,4
Хорватия	5,6	2,9	2,4	4,7	4,8	4,1
Греция	4,6	2,4	3,0	4,8	5,4	4,0

Продолжение таблицы 4 см. на следующей странице

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
Венгрия	4,0	4,4	3,8	3,2	4,6	4,0
Кипр	5,1	1,0	Нет ж/д	4,3	5,1	3,9
Словения	4,9	2,1	3,1	4,7	4,6	3,9
Словакия	4,0	3,8	4,0	3,1	3,8	3,7
Болгария	3,4	2,5	3,1	4,3	4,5	3,6
Румыния	3,0	3,0	2,8	3,9	4,6	3,5

1 – качество инфраструктуры автодорог

2 – связанность автодорожного сообщения

3 – качество железнодорожной инфраструктуры

4 – качество портовой инфраструктуры

5 – качество авиатранспортной инфраструктуры

* Страны ранжированы по качеству транспортной инфраструктуры на территории.

** Исходные данные стандартизованы по шкале от 1 до 7 с применением метода минимального и максимального значений.

*** Среднее арифметическое значений показателей качества транспортной инфраструктуры на территории.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных World Economic Forum 2019; GlobalEconomy.com 2022a, 2022b, 2022c.

Как видно из данных Таблицы 4, по качеству транспортной инфраструктуры на территории лидирующие позиции в Евросоюзе в 2019 году занимали Нидерланды, Испания и Финляндия, а последние места – Словакия, Болгария и Румыния.

В следующей таблице представлены нестандартизованные значения показателей четвёртого компонента ИТРТ – продуктивности транспортных услуг на территории – в странах Европейского Союза в 2019 году. В этот компонент включены такие показатели, как продуктивность услуг железнодорожного и воздушного транспорта, а также продуктивность услуг морских портов (Табл. 5).

Как видно из данных Таблицы 5, по продуктивности транспортных услуг лидирующие позиции в Европейском Союзе в 2019 году занимали Нидерланды, Финляндия и Германия, а последними были Румыния, Словакия и Венгрия.

Таблица 5

Продуктивность транспортных услуг на территории стран Европейского Союза, n = 27 стран, 2019 год

Страны ЕС*	Показатели продуктивности транспортных услуг на территории				Продуктивность транспортных услуг на территории**
	Продуктивность железнодорожных услуг, шкала оценок от 1 до 7	Продуктивность авиатранспортных услуг, шкала оценок от 1 до 7	Продуктивность услуг морских портов, шкала оценок от 1 до 7	5	
1	2	3	4	5	
Нидерланды	5,5	6,3	6,3	6,0	
Финляндия	5,5	6,2	6,2	6,0	
Германия	5,5	5,6	5,3	5,5	
Испания	5,4	5,6	5,2	5,4	
Дания	4,3	5,8	5,7	5,3	
Франция	5,1	5,5	5,0	5,2	
Швеция	4,4	5,8	5,5	5,2	
Великобритания	4,6	5,7	5,4	5,2	
Бельгия	4,1	5,6	5,6	5,1	
Эстония	4,7	4,6	5,6	5,0	
Португалия	4,6	5,4	5,0	5,0	
Латвия	4,5	5,5	4,8	4,9	
Люксембург	4,9	5,5	4,4	4,9	
Ирландия	3,9	5,4	5,0	4,8	
Австрия	5,3	5,1	3,6	4,7	
Кипр	Нет ж / д	5,1	4,2	4,7	
Литва	4,5	4,6	4,6	4,6	
Чехия	4,7	5,2	3,5	4,5	
Италия	3,9	4,8	4,5	4,4	
Польша	4,0	4,8	4,4	4,4	
Греция	3,0	5,2	4,6	4,3	
Словения	3,2	4,6	4,7	4,2	
Болгария	3,3	4,4	4,2	4,0	
Хорватия	2,7	4,6	4,5	3,9	
Румыния	3,1	4,7	3,9	3,9	
Словакия	4,1	3,9	3,3	3,8	
Венгрия	3,8	4,1	3,3	3,7	

* Страны ранжированы по продуктивности транспортных услуг на территории.

** Среднее арифметическое значений показателей продуктивности транспортных услуг на территории.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных World Economic Forum 2019.

В следующей таблице представлены стандартизованные значения состоящего из четырёх компонентов (Табл. 2–5) ИТРТ в странах Европейского Союза в 2019 году.

Таблица 6
Индекс транспортной развитости территории (ИТРТ) стран
Европейского Союза, $n = 27$ стран, баллы по шкале от 0 до 100, 2019 год

Страны ЕС*	Компоненты Индекса транспортной развитости территории (ИТРТ)				ИТРТ***
	Уровень транспортизации территории**	Уровень транспортной интеграции территории	Качество транспортной инфраструктуры на территории**	Продуктивность транспортных услуг на территории**	
Нидерланды	67,1	87,5	100,0	100,0	88,7
Бельгия	100,0	76,6	61,6	59,8	74,5
Германия	33,0	98,6	77,5	75,6	71,2
Испания	22,0	95,1	94,5	72,7	71,1
Франция	34,3	89,9	81,4	64,1	67,4
Великобритания	28,6	97,8	62,2	65,6	63,5
Дания	29,1	62,4	70,9	67,0	57,4
Финляндия	1,0	36,4	92,8	97,1	56,8
Швеция	4,0	63,3	74,0	65,6	51,7
Португалия	12,7	68,6	69,8	55,5	51,6
Австрия	25,0	65,3	51,8	41,2	45,8
Италия	11,9	82,2	41,2	29,7	41,3
Ирландия	23,0	39,4	51,4	45,5	39,8
Чехия	30,0	56,5	38,9	32,6	39,5
Польша	22,9	63,9	39,7	29,7	39,0
Люксембург	19,2	37,8	38,1	52,7	36,9
Литва	21,0	28,6	55,3	36,9	35,4
Латвия	12,9	24,1	51,8	52,7	35,4
Эстония	20,9	20,3	42,1	54,1	34,3
Греция	12,2	68,3	23,5	24,0	32,0
Венгрия	41,1	52,5	21,8	1,0	29,1
Кипр	21,6	35,2	17,2	40,5	28,6
Словения	18,6	34,9	17,2	19,7	22,6
Хорватия	5,6	46,8	25,4	9,6	21,8
Словакия	11,7	27,5	12,2	2,4	13,4
Румыния	2,3	42,2	1,0	8,2	13,4
Болгария	2,2	27,9	4,8	11,0	11,5

* Страны ранжированы по Индексу транспортной развитости территории (ИТРТ).

** Исходные данные (Табл. 2, 4 и 5) стандартизованы по шкале от 0 до 100 с применением метода минимального и максимального значений.

*** Среднее арифметическое значений компонентов Индекса транспортной развитости территории (ИТРТ).

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Таблиц 2–5.

Как видно из данных Таблицы 6, Нидерланды, Бельгия и Германия занимают лидирующие позиции в Европейском Союзе по уровню их транспортного развития, т.е. по транспортной развитости, а Словакия, Румыния и Болгария занимают последние места.

В следующей таблице представлены страны Европейского Союза, занимающие лидирующие позиции по Индексу транспортной развитости территории (ИТРТ) и его отдельным компонентам.

Таблица 7

Страны ЕС, занимающие лидирующие позиции по Индексу транспортной развитости территории (ИТРТ) и его компонентам, баллы по шкале от 0 до 100, 2019 год

ИТРТ	Компоненты Индекса транспортной развитости территории (ИТРТ)				
	Уровень транспортизации территории	Уровень транспортной интернационализации территории	Качество транспортной инфраструктуры на территории	Продуктивность транспортных услуг на территории	
Нидерланды (88,7)	Бельгия (100,0)	Германия (98,6)	Нидерланды (100,0)	Нидерланды (100,0)	
Бельгия (74,5)	Нидерланды (67,1)	Великобритания (97,8)	Испания (94,5)	Финляндия (97,1)	
Германия (71,2)	Венгрия (41,1)	Испания (95,1)	Финляндия (92,8)	Германия (75,6)	
Испания (71,1)	Франция (34,3)	Франция (89,9)	Франция (81,4)	Испания (72,7)	
Франция (67,4)	Германия (33,0)	Нидерланды (87,5)	Германия (77,5)	Дания (67,0)	

Источник: составлено авторами на основе данных Таблицы 6.

Как видно из данных Таблицы 7, Нидерланды являются страной-лидером по транспортной развитости территории в Европейском Союзе, занимающей лидирующие позиции по двум из четырёх компонентов ИТРТ – качеству транспортной инфраструктуры на территории и продуктивности транспортных услуг на территории, а также по ИТРТ в целом.

Что касается Латвии, то её положение среди стран Евросоюза с точки зрения транспортной развитости территории в целом – ниже среднего, поскольку Латвия занимает 18-е место среди 27 стран ЕС по ИТРТ, на одну позицию отставая от Литвы и на одну позицию опережая Эстонию (Табл. 6). Самой сильной стороной Латвии с точки зрения транспортной развитости её территории является продуктивность транспортных услуг – 12-е место среди 27 стран ЕС (Эстония – 10-е, Литва – 17-е) (Табл. 5). В свою очередь, самым слабым местом Латвии с точки зрения транспортной развитости её территории является уровень транспортной интернационализации – 26-е место среди 27 стран ЕС (Эстония – 27-е, Литва – 23-е) (Табл. 3), и это – самое слабое место не только Латвии, но и всех стран Балтии с точки зрения транспортной развитости их территорий.

Причиной низкого уровня транспортной интернационализации территорий стран Балтии может быть длительный период их функционирования в качестве “ворот” на российский рынок для других стран ЕС (Spens et al. 2004; Mauris 2022), и это не может быть изменено в кратко- и даже среднесрочный период. В связи с этим большие надежды возлагаются на *Rail Baltica* (Jonaitis, Butkevičius 2005), названный “проектом века” (Pomykala 2018), – самый крупный и важный проект, реализуемый в настоящее время в Европе тремя странами Балтии. Этот проект является инструментом интеграции стран Балтии и остальной Европы, которая [интеграция] выражается в достижении соответствия железнодорожной инфраструктуры Литвы, Латвии и Эстонии современным стандартам Евросоюза (Laisi, Saranen 2013), хотя в настоящее время реализация проекта *Rail Baltica* тормозится в силу нескольких причин, включая институциональную фрагментацию (Brīškens 2022).

Выводы

Транспортную развитость любой территории мира (преимущественно – территорий стран мира) можно оценить с помощью разработанного авторами Индекса транспортной развитости территории (ИТРТ), включающего в себя четыре компонента: уровень транспортизации территории, уровень транспортной интернационализации территории, качество транспортной инфраструктуры на территории, продуктивность транспортных услуг на территории. Использование этого Индекса позволяет комплексно оценивать и сравнивать между собой территории – страны или регионы – по достигнутому ими прогрессу в сфере транспортного развития, а также оценивать прогресс каждой конкретной территории по отношению к себе самой. В современном научном дискурсе нет другого «транспортного» индекса, способного справиться с той же задачей.

В 2019 году среди стран Европейского Союза лидирующую позицию по транспортной развитости территории занимали Нидерланды со значением ИТРТ 88,7 балла по шкале от 0 до 100, а Болгария занимала самую низкую позицию с 11,5 баллами. Положение Латвии среди стран Европейского Союза с точки зрения транспортной развитости территории в целом можно характеризовать как посредственное, т.е. ниже среднего. Самым сильным аспектом транспортной развитости Латвии является продуктивность её транспортных услуг, а самым слабым – уровень транспортной интернационализации её территории, который является самым слабым местом в области транспортной развитости для всех стран Балтии (лидерами ЕС по транспортной интернационализации территории в 2019 году были Германия, Великобритания и Испания).

Ограничительным фактором для результатов данного исследования является период эмпирического анализа – один год, но, учитывая тот факт, что цель данного исследования – разработка единого инструмента измерения транспортной развитости территории – имеет в основном методологический характер, это ограничение не является критическим для достижения цели исследования в рамках данной статьи. Кроме того, специфика большинства показателей транспортной развитости территории состоит в том, что они практически не меняются (особенно уровень транспортизации территории) в краткосрочном периоде.

Результаты, полученные при апробации Индекса транспортной развитости территорий (ИТРТ) на примере стран ЕС, являются инновативными, поскольку позволяют анализировать транспортную развитость любых стран мира как в целом, так и в отдельных аспектах. Таким образом, результаты эмпирического анализа цепны и применимы в практике устойчивого управления – в частности, для обоснования необходимости того или иного транспортного проекта для каждой конкретной страны мира. Например, для стран Балтии наиболее актуальными транспортными проектами сегодня являются те, которые позволят этим странам повысить уровень транспортной интернационализации своей территории.

References

- Ajvazian S. (2005) *Razrabotka i analiz integral'nykh indikatorov kachestva zhizni naseleniya Samarskoi oblasti*. Moskva: TsEMI RAN. (In Russian)
- Ambarwati L., Verhaeghe R., van Arem B., Pel A. (2017) Assessment of transport performance index for urban transport development strategies – incorporating residents' preferences. *Environmental Impact Assessment Review*, Vol. 63, pp. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2016.10.004>
- Balodis J. (2022) Pasaules valstu ražiguma un produktivitātes atkarība no transporta attīstības. Meñšikovs V. (Zin. red.) *Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2021" materiāli. III daļa: Ekonomikas*. Daugavpils: Daugavpils Universitāte, pp. 5–20. (In Latvian)
- Brīskens K. (2022) Viewpoint: institutional fragmentation has undermined Rail Baltica. *Railway Gazette*. Available: <https://www.railwaygazette.com/industry-view-point/viewpoint-institutional-fragmentation-has-undermined-rail-baltica/62693.article> (accessed on 14.12.2022).
- Bubeliny O., Kubina M. (2021) Impact of the concept Smart City on public transport. *Transportation Research Procedia*, Vol. 55, pp. 1361–1367. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2021.07.120>
- Burlacu M., Boboc R., Butiă E. (2022) Smart cities and transportation: reviewing the scientific character of the theories. *Sustainability*, Vol. 14, 8109. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14138109>
- Central Intelligence Agency. (2021) Roadways. *The World Factbook*. Available: www.cia.gov (accessed on 14.12.2022).
- Cigu E., Agheorghiesei D., Gavriluță A., Toader E. (2018) Transport infrastructure development, public performance and long-run economic growth: a case study for the EU-28 countries. *Sustainability*, Vol. 11, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11010067>
- Gherghina ř., Onofrei M., Vintilă G., Armeanu D. (2018) Empirical evidence from EU-28 countries on resilient transport infrastructure systems and sustainable economic growth. *Sustainability*, Vol. 10, No. 8. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10082900>
- Glensor K. (2018) Development of an Index of Transport-User Vulnerability, and its application in Enschede, the Netherlands. *Sustainability*, Vol. 10, No. 7, 2388. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10072388>
- GlobalEconomy.com. (2022a) *Railroad Infrastructure Quality: European Union*, 2019. Available: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/railroad_quality/European-union/ (accessed on 14.12.2022).
- GlobalEconomy.com. (2022b) *Port Infrastructure Quality: European Union*, 2019. Available: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/seaports_quality/European-union/ (accessed on 14.12.2022).

- GlobalEconomy.com. (2022c) *Air Transport Infrastructure Quality: European Union*, 2019. Available: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/air_transport_infrastructure/European-union/ (accessed on 14.12.2022).
- Greene D., Wegener M. (1997) Sustainable transport. *Journal of Transport Geography*, Vol. 5, No. 3, pp. 177–190. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0966-6923\(97\)00013-6](https://doi.org/10.1016/S0966-6923(97)00013-6)
- Gudmundsson H., Regmi M. (2017) Developing the Sustainable Urban Transport Index. *Transport and Communications Bulletin for Asia and the Pacific*, Vol. 87. Available: https://www.unescap.org/sites/default/files/bulletin87_3%20Developing%20the%20Sustainable%20Urban%20Transport%20Index_0.pdf (accessed on 14.12.2022).
- Hermelin B., Henriksson M. (2022) Transport and mobility planning for sustainable development. *Planning Practice & Research*, Vol. 37, pp. 527–531. DOI: <https://doi.org/10.1080/02697459.2022.2082756>
- Jonaitis J., Butkevičius J. (2005) Analysis of the possibilities of building the railway Rail Baltica in Lithuania. *Transport*, Vol. 20, No. 5, pp. 204–213. DOI: <https://doi.org/10.1080/16484142.2005.9638021>
- Kasjanovs I. (2012) Latvijas tautsaimniecības asinsrite – transporta nozare. *Makroekonomika*. Available: <https://www.makroekonomika.lv/latvijas-tautsaimniecibas-asinsrite-transporta-nozare> (accessed on 14.12.2022). (In Latvian)
- Kherbash O., Mocan M. (2015) A review of logistics and transport sector as a factor of globalization. *Procedia Economics and Finance*, Vol. 27, pp. 42–47. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00969-7](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00969-7)
- Komarova V., Mietule I., Arbidane I. (2021) Vliianie transportnoj razvitososti territorii na ieio proizvoditel'nost' i produktivnost'. *Vestnik Vitebskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta*, Vol. 40, No. 1, pp. 201–215. DOI: <https://doi.org/10.24412/2079-7958-2021-1-201-215> (In Russian)
- Laisi M., Saranen J. (2013) Integrating the Baltic States and Europe – Rail Baltica. *International Journal of Business Excellence*, Vol. 6, No. 3, pp. 251–269. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJBEX.2013.053609>
- Lejda K., Mądziel M., Siedlecka S., Zielińska E. (2017) The future of public transport in light of solutions for sustainable transport development. *Scientific Journal of Silesian University of Technology*, Vol. 95, pp. 97–108. DOI: <https://doi.org/10.20858/sjsust.2017.95.10>
- Mauris J. (2022) Latvian transport sector. Long good-bye to the East-West transport corridor. *Makroekonomika*. Available: <https://www.macroeconomics.lv/latvian-transport-sector-long-good-bye-east-west-transport-corridor> (accessed on 14.12.2022).
- Melecký L. (2018) The main achievements of the EU structural funds 2007–2013 in the EU member states: efficiency analysis of transport sector. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*, Vol. 13, No. 2, pp. 285–306. DOI: <https://doi.org/10.24136/eq.2018.015>
- Meng X., Han J. (2018) Roads, economy, population density, and CO₂: a city-scaled causality analysis. *Resources, Conservation and Recycling*, Vol. 128, pp. 508–515. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2016.09.032>
- Mesjasz-Lech A., Włodarczyk A. (2022) The role of logistics infrastructure in development of sustainable road transport in Poland. *Research in Transportation Business and Management*, Vol. 44, Issue SI, Article No. 100841. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2022.100841>
- Motoryn R., Motoryna T., Prykhodko K. (2020) Using the index method for international comparison of indicators of GDP factors. *Statistical Journal of the IAOS*, Vol. 36, No. 2, pp. 569–573. DOI: <https://doi.org/10.3233/SJI-190599>

- Negrutiu C., Vasiliu C., Enache C. (2020) Sustainable entrepreneurship in the transport and retail supply chain sector. *Journal of Risk and Financial Management*, Vol. 13, Article No. 267. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm13110267>
- Niedole I., Averyanov D. (2011) Transporta infrastruktūras attīstības nozīme teritorijas resursu izmantošanā. *Ilgspējīga telpiska attīstība*, Vol. 3, pp. 20–25. Available: <https://ortus.rtu.lv/science/lv/publications/12593> (accessed on 14.12.2022). (In Latvian)
- Paija L. (2000) ICT cluster – the engine of knowledge-driven growth in Finland. *Discussion Papers*, No. 733. Helsinki: ETLA, Elinkeinoelämän Tutkimuslaitos, The Research Institute of the Finnish Economy. Available: <https://www.etla.fi/wp-content/uploads/2012/09/dp733.pdf> (accessed on 14.12.2022).
- Pomykala A. (2018) Rail Baltica – the project of the century. *Perspectives*, Vol. 4, pp. 33–36. Available: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/RailBalticaEN.pdf> (accessed on 14.12.2022).
- Prus P., Sikora M. (2021) The impact of transport infrastructure on the sustainable development of the region – case study. *Agriculture*, Vol. 11, Article No. 279. DOI: <https://doi.org/10.3390/agriculture11040279>
- Purwanto A., Heyndrickx Ch., Kiel J., Betancor O., Socorro M., Hernandez A., Eugenio-Martin J., Pawlowska B., Borkowski P., Fiedler R. (2017) Impact of transport infrastructure on international competitiveness of Europe. *Transportation Research Procedia*, Vol. 25, pp. 2877–2888. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.05.273>
- Rybalkin O., Lavrinenko O., Ignatjeva S., Danilevica A. (2021) Introduction of EEPSE Green Economy Index for the analysis of regional trends. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 9, No. 1, pp. 415–435. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2021.9.1\(26\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2021.9.1(26))
- Spens K., Kovács G., Vellenga D. (2004) Transportation and logistics networks in the Baltic States: keys for successful economic development and integration into the EU. *Ekonomika*, Vol. 68. DOI: <https://doi.org/10.15388/Ekon.2004.17401>
- Szczuraszek T., Chmielewski J. (2018) Sustainable transport development and passenger transport demand in Poland. *MATEC Web of Conferences*, 3rd Scientific Conference Environmental Challenges in Civil Engineering (ECCE 2018), Vol. 174. DOI: <https://doi.org/10.1051/matecconf/20181740102>
- Steg L. (2007) Sustainable transportation. *IATSS Research*, Vol. 21, No. 2, pp. 58–66. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0386-1112\(14\)60223-5](https://doi.org/10.1016/S0386-1112(14)60223-5)
- Sun Y., Ajaz T., Razzaq A. (2022) How infrastructure development and technical efficiency change caused resources consumption in BRICS countries: analysis based on energy, transport, ICT, and financial infrastructure indices. *Resources Policy*, Vol. 79, Article No. 02942. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102942>
- Walters J., Marsh S., Rodrigues L. (2022) A Rural Transport Implementation Index for connected, autonomous and electric vehicles. *Future Transportation*, Vol. 2, pp. 753–773. DOI: <https://doi.org/10.3390/futuretransp2030042>
- Wang L., Xue X., Zhao Z., Wang Z. (2018) The impacts of transportation infrastructure on sustainable development: emerging trends and challenges. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, Vol. 15, No. 6, Article No. 1172. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15061172>
- World Economic Forum. (2019) *The Global Competitiveness Report 2019*. Available: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed on 14.12.2022).
- Zhou Z., Liu Y., Du J. (2022) Analysis on the constraint mechanism of transportation carbon emissions in the Pearl River Delta based on ‘Dual carbon’ goals. *Systems Science & Control Engineering*, Vol. 10, No. 1, pp. 854–864. DOI: <https://doi.org/10.1080/21642583.2022.2107116>

S O C I O L O G I J A

Violeta Vilkoitytė, Daiva Skučienė

SOCIAL INVESTMENT IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC: THE CASE OF LITHUANIA

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(3\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(3))

For citation: Vilkoitytė V., Skučienė D. (2022) Social investment in the context of the COVID-19 pandemic: the case of Lithuania. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 59–77. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(3\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(3))

Citešanai: Vilkoitytė V., Skučienė D. (2022) Sociālās investīcijas COVID-19 pandēmijas kontekstā: situācija Lietuvā. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, 35(2): 59–77. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(3\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(3))

The article is aimed at analysing the social investment policy in Lithuania during the COVID-19 pandemic. Social investment within a new paradigm of welfare state emphasizes the contribution to human capital together with income protection. Social investment must ensure better life prospects during its course. This research is based on the theoretical conceptual approach of A. Hemerijck (2017) and J. Kvist (2014), a meta-analysis of studies conducted during the pandemic and a secondary analysis of quantitative data of the Lithuanian Department of Statistics, State Social Insurance Fund Board, the Employment Service and the Institute of Hygiene for the period 2018–2021. Results of this study have revealed that during the pandemic the at-risk-of-poverty rate remains among vulnerable groups: pensioners, unemployed persons, large families, and single parents. In the area of reconciliation of the personal life and work, women have encountered challenges combining work obligations and care of their minor children. The social investment was inefficient for pupils and students with low socioeconomic status due to their limited access to quality education. The scope of the active labour market policies, especially those of training, significantly decreased preventing unemployed individuals from acquiring skills necessary to return to the labour market. The health care capacities were directed towards the treatment of individuals infected with the coronavirus and the vaccination, while other services were suspended or restricted, and, therefore, the preventive health care of labour force reduced.

Key words: social investment, income protection, human capital, Lithuania.

Sociālās investīcijas COVID-19 pandēmijas kontekstā: situācija Lietuvā

Raksta mērķis ir analizēt sociālo investīciju politiku Lietuvā COVID-19 pandēmijas laikā. Sociālo investīciju mērķis labklājības valsts jaunās paradigmas ietvaros ir ieguldīt cilvēkkapitālā un aizsargāt iedzīvotāju ienākumus. Sociālajām investīcijām būtu jānodrošina arvien augstāka dzīves kvalitāte visa mūža garumā. Šis pētījums balstās uz A. Hemerika (2017) un Dž. Kvista (2014) teorētisko konceptuālo pieejumu, pandēmijas laikā veikto pētījumu metaanalīzi, kā arī Lietuvas Statistikas departamenta, Valsts Sociālās apdrošināšanas fonda pārvaldes, Nodarbinātības dienesta un Higiēnas institūta kvantitatīvo datu sekundāro analīzi par periodu no 2018. gada

līdz 2021. gadam. Analīzes rezultāti atklāja, ka pandēmijas laikā nabadzības riskam visvairāk bija pakļautas sociāli neaizsargātās iedzīvotāju grupas: pensionāri, bezdarbnieki, daudzbērnu ģimenes un viena vecāka ģimenes. Kas attiecas uz privātās dzīves un profesionālās darbibas saskaņošanu, sievietes saskaras ar lielām grūtībām, apvienojot darbu ar savu nepilngadīgo bērnu aprūpi. Sociālās investīcijas skolēniem un studentiem ar zemu sociālekonomisko statusu bija neefektīvas, jo viņiem bija ierobežotas iespējas saņemt kvalitatīvu izglītību. Ievērojami samazinājās aktīvās darba tirgus politikas pasākumu apjoms, īpaši apmācību jomā, kas liedza bezdarbniekiem apgūt nepieciešamās iemaņas un atgriezties darba tirgū. Veselības aprūpes jomas resursi bija novirzīti ar koronavīrusu saslimušo personu ārstēšanai, kā arī cilvēku vakcīnācijai, turpretim citu pakalpojumu sniegšana bija pārtraukta vai ierobežota, samazinot arī strādājošo iespējas saņemt profilaktisko veselības aprūpi.

Atslēgvārdi: sociālās investīcijas, ienākumu aizsardzība, cilvēkkapitāls, Lietuva.

Социальные инвестиции в контексте пандемии COVID-19: ситуация в Литве

Целью данной статьи является анализ политики социальных инвестиций в Литве во время пандемии COVID-19. Социальные инвестиции в рамках новой парадигмы социального государства являются вложением в человеческий капитал и защищают доходы населения. Социальные инвестиции должны обеспечивать более высокое качество жизни на всём её протяжении. Данное исследование основано на теоретическом концептуальном подходе А. Хемерика (2017) и Дж. Квиста (2014), мета-анализе исследований, проводимых во время пандемии, а также вторичном анализе данных Департамента статистики Литвы, Правления Фонда государственного социального страхования, Службы занятости Литвы и Института гигиены за период 2018–2021 годов. Результаты исследования показали, что во время пандемии наибольшему риску бедности подверглись социально незащищенные группы населения: пенсионеры, безработные, многодетные семьи и родители-одиночки. Совмещая личную жизнь и профессиональную деятельность, женщины столкнулись с большими трудностями в плане интеграции работы с уходом за своими несовершеннолетними детьми. Социальные инвестиции для школьников и студентов с низким социально-экономическим статусом были неэффективными из-за их ограниченных возможностей получать качественное образование. Существенно снизился объём мероприятий активной политики на рынке труда, особенно в сфере обучения, что не позволило многим безработным получить навыки, необходимые для возвращения на рынок труда. Все усилия сферы здравоохранения были направлены на лечение больных коронавирусом, а также на вакцинацию людей, в то время как оказание других медицинских услуг было приостановлено или ограничено, из-за чего снизилось и качество профилактической медицинской помощи работающему населению.

Ключевые слова: социальные инвестиции, защита дохода, человеческий капитал, Литва.

Introduction

In all countries, management of non-precedent COVID-19 pandemic has been associated with various restrictions, lock-down and constraints of economic sectors. It has inevitably affected both macro and micro levels of society. At the macro level, due to economic lockdown, the various sectors have incurred losses. As a consequence an unemployment increased, the social security system had to provide benefits with higher cost of it, whereas health systems have faced unproportionally high challenges. Meanwhile certain groups, which could not work due to restrictions in economic

sectors or closure of schools and preschool institutions, faced their income losses. Other negative implications of pandemic were on education of children, health, etc.

All these mentioned implications were discussed in public and academic space separately rather than as an overall picture. For example, in the field of the economics, Lazutka et al. (2021) analysed how the economic crisis caused by COVID-19 affected the employment and income of the population. The results revealed that changes in the labour market negatively affected incomes, but about 60 percent of the population stated that they received support from the state. The impact of the pandemic in the field of the education was analysed by Jusienė et al. (2021). It was revealed that after the reorganization of the entire education system, the effects of distance education for children were negative, the achievements decreased. The functioning of the health care system in pandemic conditions was discussed by Davidavičius et al. (2021), study emphasized that during the quarantine period, health services were provided less, including planned and necessary assistance. Psychological health was covered by E. Kazlauskas et al. (2021) study found that the pandemic increased psychosocial stress. However, none of these studies involved a social investment approach or looked at COVID-19 pandemic comprehensively. Social investment is relatively new and not a central theme in Lithuanian social policy public and academic space. Lazutka et al. (2015) began to investigate this topic, made assessment of specific policy areas and measures of social investment in Lithuania. Skučienė et al. (2018) discussed about social investment in youth.

Social Investment in the Context of the COVID-19 pandemic have not been discussed in Lithuania, this reason determines the scientific significance. The social investment perspective allows to assess in a comprehensive and long-term perspective the effects of the COVID-19 pandemic on the population. Therefore, the goal of this article is to analyse implications of the COVID-19 pandemic based on the social investment perspective. The contribution of this paper is to look more holistically on the decisions they make instead of focus on the short-term problem solving. While the social investment literature will be contributed with the new insights from the Lithuanian context.

To achieve the goal of the research, the following objectives are set: firstly, to review conceptualization of the social investment and the life course; secondly, to evaluate effects of the COVID-19 pandemic on the population of the country based on these perspectives.

Social investment as new paradigm of the welfare state

Social investment is identified as the transformation of the welfare state and a new rising paradigm (Hemerijck 2015). It is a comprehensive, people-centred policy that focuses on strengthening the human capital and active participation in the labour market to prevent future dependency on the welfare state.

Need of the social investment perspective is related to emergence of ‘new’ risks (Esping-Andersen 2002; Bonoli 2006, 2013; Hemerijck 2017). Vandenbroucke and Vleminckx (2011) proposed a system of analysis of social investment classifying social

risks into two categories: ‘old’ and ‘new’. Unemployment, old age, ill health, sickness and disability, and the financial burden of raising children are seen as constituting ‘old’ risks (Vandenbroucke, Vleminckx 2011). In the event of these risks, the role of the state is passive; protection is linked to unemployment and contributions, and events are sought to be compensated primarily by cash benefits (Schubert et al. 2016). However, such traditional concept of welfare does not respond anymore to emerged ‘new’ social risks that are linked to fundamental changes in the human life. Transformation of the traditional ‘man-breadwinner’ model, inclusion of females into the labour market, and importance of employment have inspired emergence of ‘new’ risks including such challenges as reconciling the family and work life, single parenting, care of elderly persons, lack of schooling, or obsolete skills (Vandenbroucke, Vleminckx 2011; Schubert et al. 2016). The mentioned risks limit opportunities of an individual to participate in the employment structure and to sustain generally acceptable lifeway. To solve these challenges, compensatory cash transfers would also be suitable, however, it is agreed that social investment’s role is more important (Schubert et al. 2016). It is related to the fact that active measures have a long-term positive impact.

In accordance with Cooke and Gazso (2009), the main idea of the social investment policy is transition from passive social security to active welfare programs. The activation includes a policy that increases opportunities of citizens, empowers them to participate in the economic and social life (Esping-Andersen 2002). It means that redistributive institutional regimes are reoriented towards formation of the human capital and skills. Difference between the concepts ‘social investment’ and ‘active social policy’ was highlighted by Bonoli (2013). It is stated that social investment, as a paradigm, highlights development of the human capital and equal opportunities, and the active social policy gives priority to investment in the human capital and elimination of limitations to participate in the labour market (Bonoli 2013). Jenson (2010) has pointed out that the social investment perspective has three main principles: increasing the human capital throughout the lifetime; focusing on future, especially of children; investing in people as a benefit to society. It can be stated that social investment is aimed to create, mobilize, and maintain knowledge and skills of individuals in solving inconsistencies of the life course.

It is pointed out that the social investment analysis should include not only programs of development of knowledge and skills but also welfare measures ensuring consumption (Nolan 2013; Pintelon et al. 2013; Kvist 2014; Kuitto 2016). In accordance with Esping-Andersen (2002), support of adequate income is important assumption for preventive strategies. Investment may not be developed without support of consumption as, first, investment is associated with productivity and health of the labour force (Nolan 2013). It is stressed that cash transfers have not only consumption function; they affect food demand, investment in human health and education (Farrington, Slater 2006). It is of particular importance to provide people with necessary financial security that they could develop their own human capital (Dheret, Fransen 2017). The compensatory and social investment policies should not be apart: in accordance with Kuitto (2016), they should complement each other. The modern welfare policy should combine formation of the human capital, more active participation in the labour market, and appropriate social security.

While Hemerijck (2017) proposed a trichotomy of the social investment combining the discussed areas of the policy and defined three main interrelated functions that include minimum income protection, work and life balance, and formation of the human capital. Minimum income protection (*buffer*) is the essential assumption of the effective social investment policy. The buffer's function is particularly important when an individual is not able to participate in the labour market. Then necessary financial security is ensured, social inequality is mitigated at the microlevel, and simultaneously economy is stabilized at the macrolevel (Hemerijck 2017). The function of income protection is performed by minimum monthly wage and passive benefits (Hemerijck 2017). Consumption is also supported by measures helping people to cope with lost income due to family duties or sickness (Toots, Lauri 2017). Moreover, critical importance of access conditions, duration of protection, and mutually combined activation incentives and services is stressed (Hemerijck 2017). During social and economic crises such as the COVID-19, it is particularly important to reach vulnerable groups that often appear beyond boundaries and do not receive any benefits (Kempf, Dutta 2021). These persons do not have financial resources and skills to solve occurred challenges.

The second function of the social investment includes reconciliation of the personal life and work (*flow*). It is aimed to use efficiently work resources by supporting participation of both genders in the labour market, facilitation of the 'flow' of work and life course during critical transitional periods (Hemerijck 2017). It is argued that we are living at the time of deinstitutionalization and de-standardization of the family life, education, and work trajectories (Kvist 2014). Contemporary employees in different jobs, more than ever before, combine their work with education of their children and care of elderly parents, further studies, and possible unemployment. The function of 'flow' balances life transitions, helps individuals pursue education and work without reducing their life opportunities.

The most important function of the social investment policy includes the human capital (*stock*). Investment is being made in people's skills and capabilities to be ready to solve inconsistencies of their life course and to improve future opportunities and perspectives (Hemerijck 2017). This function includes education, life-long learning, and health. It has been proved that high-quality state-subsidized care and education of children is the major investment in children. It has long-term positive effects on economy (Burger 2010; Havnes, Mogstad 2011); moreover, it leads to lower criminality, higher income, and better health (Campbell et al. 2014). It is also important to invest in the higher education as low-qualification persons with limited perspectives in the labour market. People with lower education earn less, work in the sectors that are the most vulnerable during economy declines; they are at a higher risk of automation and followed unemployment (Arntz et al. 2016). An inseparable human resource is health and physical capacity of the labour force; it is closely linked to productivity, capability to participate in the labour market to ensure own welfare (Nolan 2017).

Kvist (2014) has proposed to analyse the social investment through the life course perspective. It is stated that the social investment strategy is based on an indirect intergenerational contract (Kvist 2014). The generational perspective means a need to regard a smooth use of resources by the welfare state throughout the entire life

cycle. Persons of working age fund the welfare policy, including social investment in children, youth, and pensioners. During life, there is a change of positions when the investing become the recipients, and vice versa. For instance, children that were invested in become employees funding further the welfare policy. The mentioned change of positions in the life course means that the welfare state balances resources over the life perspective and acts as if a personal 'Piggy saver'. The social investment policy serves in the horizontal redistribution of resources for oneself in the course of life.

Based on the life course perspective, Kvist (2014) has defined the social investment contributions and return. It is argued that investment starts from the childcare policy. Maternity, paternity and childcare leaves provides security to parents' income, while for children – longer and healthier time with their parents. Pre-school education, especially for children from families at the social risk, is also important. It is argued that it is very important to develop properly cognitive and social skills in childhood as formation of these skills is a dynamic process during which early introduction highly impacts on later productivity (Heckman 2006; Burger 2010). It has been determined that a social class affects emergence of risk. In accordance with Pintelon et al. (2013), the social investment in children can solve the problem of social inheritance. It means that by investing in the children's capital through preschool education and educational programs it is possible to reduce intergenerational inheritance and emergence of potential risks in future. It is important to highlight that education is not limited by that first stage of life; it is aimed to increase the human capital over the whole life (Jenson 2010; Bonoli 2013; Hemerijck 2017). During the youth stage, a transition from the educational system to the labour market is important (Kvist 2014). The social investment strategy must ensure access to education to young people, to those from poor families. As persons with poor education earn less, work in unfavourable sectors, and are at a higher risk of automation and, at the same time, unemployment (Arntz et al. 2016). From the perspective of return, investments in education pay off as skills and competences necessary for highly qualified work are acquired. In later stages of life, dangers for health, unemployment, poverty also emerge. It is claimed that, by applying the active labour market policy and life-long learning, social security must prevent from emergence of such risks (Bonoli 2012; Kvist 2014). At old age, the idea of active ageing is supported. The aim is to move from work to pension by maintaining active and independent life and, thus, increasing the welfare and reducing needs for care (Kvist 2014).

The social investment helps to reduce the emergence of social risks, pursuing individual and social welfare and ensuring growth of the human capital through combination of programs of social protection, education, health, and employment.

Data and methods

The social investment in this research is understood as it defined Hemerijck (2017). It means the following important parts: income protection (buffer), transition (flow), and increase of the human capital (stock). The 'buffer' function as a minimum income protection from poverty; as a result, indicators of benefit and poverty level are assessed.

The transition function includes risky thresholds in the life periods of a person, in other words, transition of youth from the educational system to the job, reconciling the family life and work, transition from the work life period to the retirement. The function of the human capital in that research includes the function of education in all levels, including adult education and measures of the active labour market for unemployed persons. Also, health care data are considered.

Structural parts of social investment are assessed in the perspective of life course, based on Kvist (2014) methodology. The research based on the following stages of the life course: infants and children, youth, adults, and seniors.

To assess social investing during the COVID-19 pandemic, meta-analysis of research in the field of poverty, unemployment, education, and health carried out in the period of 2018–2021 was used. These data are supplemented by a secondary analysis of the Lithuanian Department of Statistics, State Social Insurance Fund Board, the Employment Service and the Institute of Hygiene for the period 2019–2021.

Income protection (buffer)

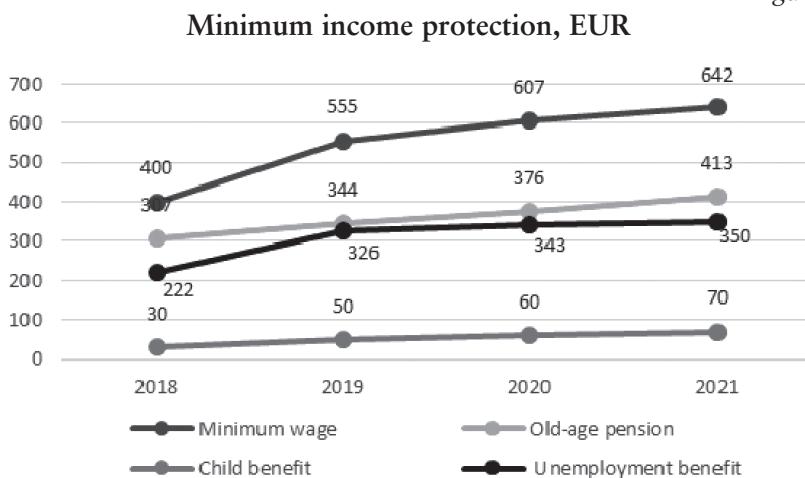
Before the pandemic, the various measures of social security were implemented toward the protection of income of population in Lithuania. The minimum wage, child benefit and unemployment benefit as well as old age pension increased in 2019 as it was in 2018. We can observe the further growth of these income sources up to 2021 (Figure 1). Despite the positive development of social protection benefits and minimal wage the Figure 2 shows as remaining protection issues. The at-risk-of-poverty rate of children, unemployed and retired remains high as well as of single parents or families with 3 or more children. The at-risk-of-poverty rate of unemployed or retired even increased during pandemic. These data provide us understanding that the insurance of ‘buffer’ is not provided for one fifth of children, almost two third of unemployed and about 40 percent of retired.

Also, additional measures were taken to protect vulnerable groups, which are the most impacted during socio-economic crises. Not only the child benefit was growing, but also the income assessment threshold was raised (Ministry of Social Security and Labour 2020). In such a way, a circle of recipients of the additional benefit (paid to the child benefit), which was purposed for children with disabilities, from large and poor families, was extended. In the case of unemployment risk, beneficiary groups were extended by the persons not entitled to obtain unemployment insurance benefit or whose payment period of such benefit had terminated; the measures included downtime subsidies, job search benefit, employer subsidies, and self-employment benefit (Employment Service 2021).

Increased benefits and extended circle of beneficiaries had to ensure the minimum income; however, these measures were not sufficient. It is evinced by increased at-risk-of-poverty rate (Figure 2). To compare data of the years 2019 and 2020, the at-risk-of-poverty rate in many groups increased. The highest increase can be found among old-age pensioners (4.4%) and unemployed persons (2%). The average old-age pension in 2020 made up EUR 376, and the average unemployment benefit was EUR 343

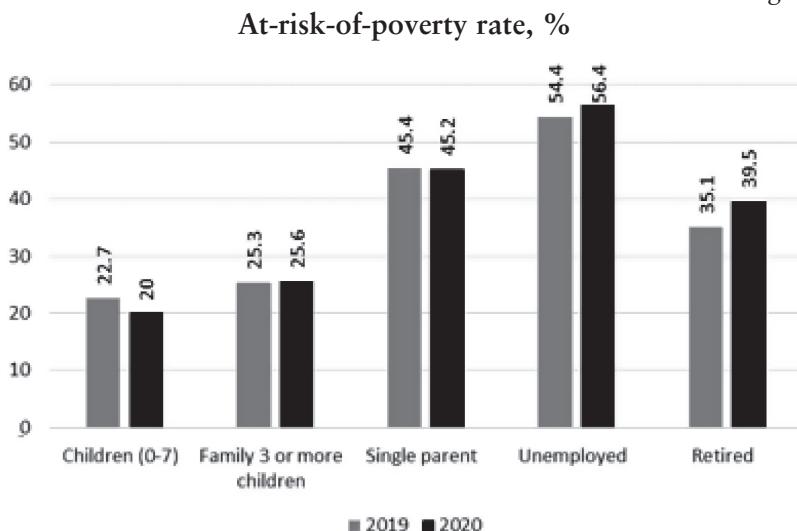
(Figure 1), while the at-risk-of-poverty threshold was EUR 430. It can be also noticed that children poverty decreased in 2.7%; however, it must be noted that a quarter of multi-child families and almost a half of single parents still face poverty. It can be stated that minimum income protection was not completely effective. Benefits purposed to ensure financial security to the most vulnerable groups were lower than the at-risk-of-poverty threshold, and it led to the growth of the at-risk-of-poverty rate during the pandemic.

Figure 1

Source: Lithuanian Department of Statistics.

Figure 2

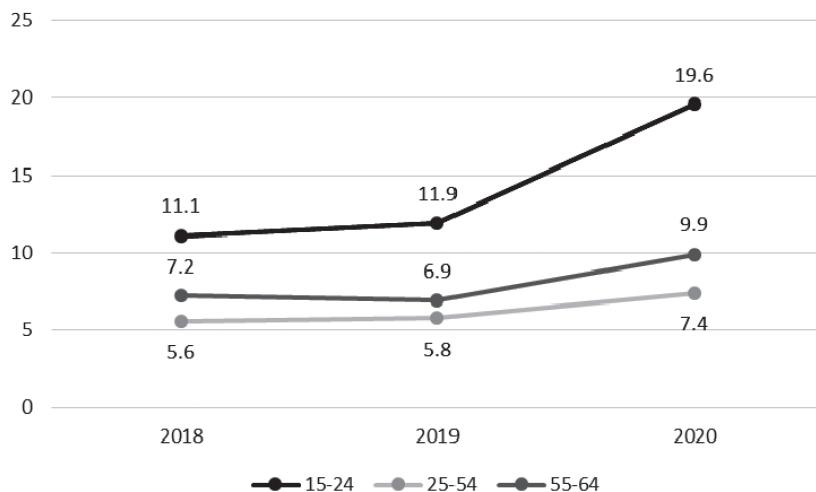

Source: Lithuanian Department of Statistics.

Transition (flow)

The second discussed area of social investment concerns harmonizing the personal life with work. It must be noted that this function balances transitional periods of life. Also, it performs a function of a bridge when one successful transition shapes success for other life-course stages (Hemerijck 2017). Transition to work during the youth stage is an important event of the life-course and alike the litmus test shows whether social investments has paid off; it is reflected by youth unemployment rate in the country (Kvist 2014). When analysing the situation in Lithuania during the pandemic, it is noticed that unemployment in the 15–24-year-old group was growing the most (Figure 3). In the third quarter of 2020, it reached a peak and made up 23.1% (Employment Service 2021). Such growth can be related with the fact that young people have little work experience and work in the sectors (catering and accommodation) that are the most vulnerable during an economic decline. However, it is also important to note that even 66.7% of 15–24-year-age unemployed persons did not have any qualification and only 6.4% of this age group had the higher university degree (Employment Service 2021). It shows that young people are particularly vulnerable in the labour market. Important condition for successful transition from education to employment is investment to high-level education. It increases resilience during socio-economic shocks.

Figure 3
Unemployment rate by age, %

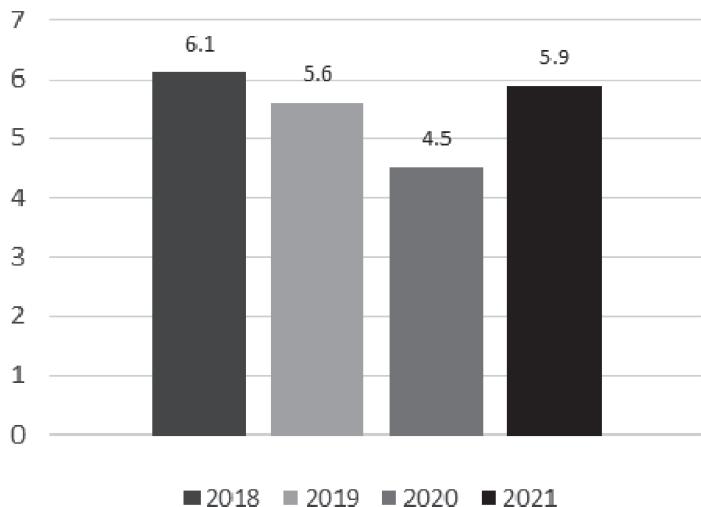

Source: Lithuanian Department of Statistics.

Next transition in the life-course is often associated with reconciliation of children care and work. Studies conducted show that only 19% of men in Lithuania devote at least one hour for care of a child or an elderly person (European Institute for Gender Equality (EIGE) 2018). After declaring the quarantine in the country, preschool educa-

tional process was suspended in the kindergartens, and primary, secondary, and higher education was conducted remotely (Ministry of Education, Science and Sports 2020). Moreover, health care provision and organization were disturbed. In view of the above data revealing poor help from men, assumption can be made that females faced difficulties. Studies conducted during the pandemic show that remote work opportunities helped employees to save their workplace and to perform their duties during the quarantine; however, for women it became as one more challenge (Rakauskienė et al. 2020). Women had to reconcile an increased need for care of their minor children and elderly persons with their regular work obligations. It is also important to note that remote work is available not in all sectors and not in all work positions; therefore, women at such work had no opportunity to reconcile care of their children and elderly persons with their work. Guterres, the Secretary-General of the United Nations, warned that the pandemic increases gender inequality and causes negative implications for women (Guterres 2020). In view of the discussed situation in Lithuania, it may be stated that the pandemic impacted negatively on opportunities for reconciling work and family obligations, condition of women in the labour market.

Figure 4
Early retirement pension recipients, thousands of people

Source: State Social Insurance Fund Board.

The stage of the life-course covering transition from the labour market to the old-age pension remained almost unchanged. During the pandemic, unemployment rate for elderly persons (55–64 years old) was growing the least, just 1.6% (Figure 3). Important issue is that the employment problems of older people lead to early retirement, which has a significant impact on the size of the pension. The early retirement benefit is lower for life long. Data show that in 2020 there were 4.5 thousand of such persons, i.e. even less than in 2019 or 2018 (Figure 5). In 2021 this number increased

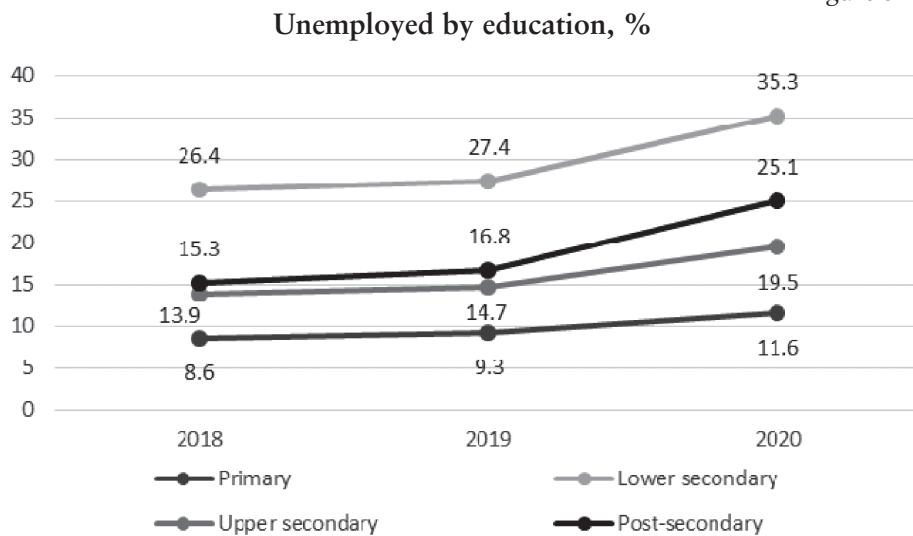
up to 5.9 thousand. It can be considered that during the pandemic peak older employees were interested in retaining their workplaces as long as possible that would not decrease their income. However, some still took early retirement and faced lower incomes, which in itself is linked to higher levels of poverty (Figure 2) what we discussed earlier.

Investment in the human capital (stock)

The third function of social investments covers the human capital formation over the entire lifetime, to start from the preschool education and to end with the life-long learning. As discussed, during the pandemic, education in kindergartens was suspended. Parents were recommended to organize education at home in consultation with educators (Ministry of Education, Science and Sports 2020). However, as discussed, the parents faced difficulties related to reconciling care and education of their children with work obligations, and it is likely that majority of preschool children were not educated at home. Older children were taught remotely. In view of the fact that during the pandemic the absolute majority of Lithuanian teachers experienced for first time the distant type of teaching (Strata 2021), it can be considered that the general quality of teaching could be poorer. Transition to distant education distinguished the impact of socio-economic status on learning of children. At the beginning of the first quarantine even 35 thousand of pupils did not have IT means and lacked skills how to use them (Ministry of Education, Science and Sports 2020). It means that children coming from poorer families did not participate in the classes until they were provided with computers and tablets. Studies also reveal worsened achievements of children with special needs and coming from families at social risks; motivation of such children was lower (Jusienė et al. 2021). It can be stated that distant education strengthened the impact of socio-economic status on pupils' access to qualitative education; worsened education of children can have long-term negative implications in the economic and financial context in future.

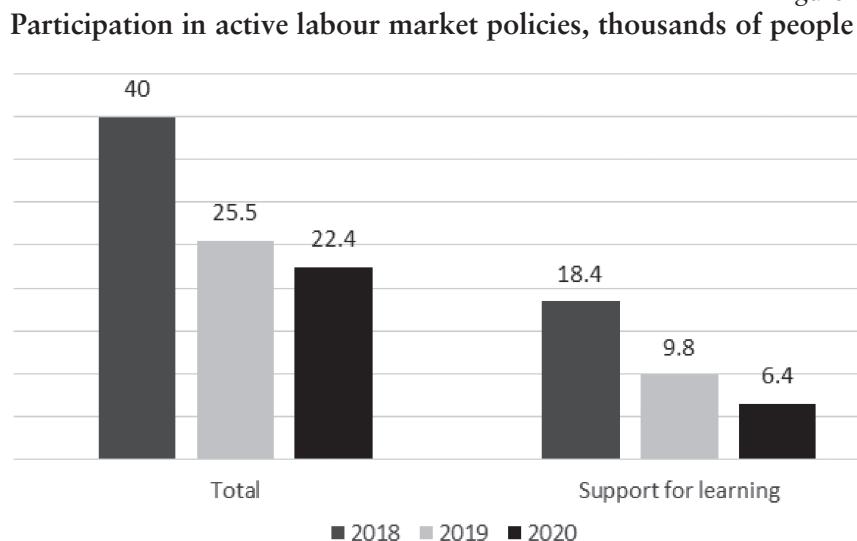
As discussed, social investments function as a 'bridge'. It means that low socio-economic status affects negatively access to education not only for pupils but also for young persons. Studies reveal that in Lithuania seekers of the higher education are three times as many coming from high-income households (Strata 2021). It must be mentioned that persons with a lower-level education are vulnerable over entire their lifetime. There is a big difference in employability of persons having good and poor education (Figure 6). In 2020, 66.4% of total number of unemployed individuals did not have the higher education. However, during the COVID-19 pandemic, another problem can be viewed, which is growth of unemployment among people with high qualification. Data show that in 2020, 25.1% of unemployed individuals had the university degree. Such situation can be resulted by non-compliance of existing skills with needs of the labour market, it is noticed that deficiencies and excesses of high-qualification specialists are more frequent in Lithuania than in many other OECD countries (Strata 2021). It means that the country fails to invest successfully in the human capital. Such persons are vulnerable during socio-economic crises, their skill potential is not used in full, and welfare at micro and macro levels is not created.

Figure 5

Source: Lithuanian Department of Statistics.

Figure 6

Source: Lithuanian Department of Statistics.

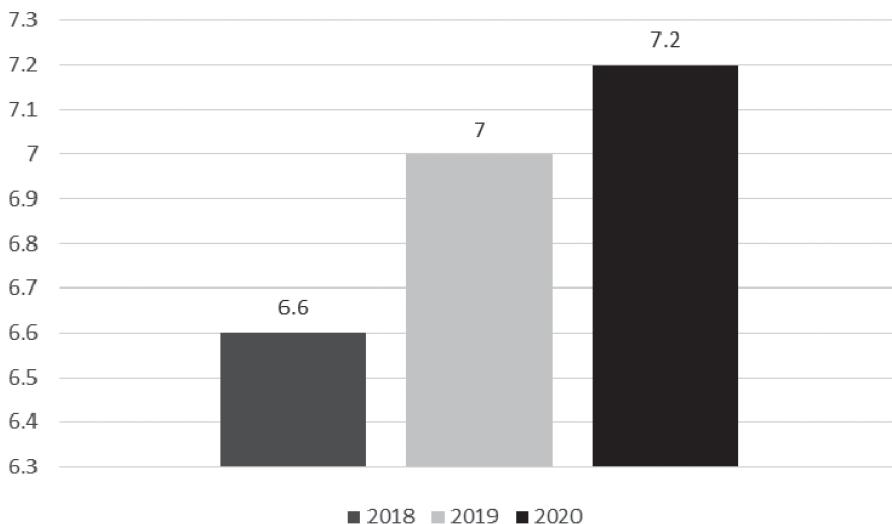
The discussed data show that during the pandemic unemployment in Lithuania was growing in all age groups and different levels of education. In such situation, not only the number of unemployment security benefits increases, but also the need for active labour market policies grows. It is noticed that during the pandemic the scope of active labour market policies was decreasing. Although in the year 2020 the number

of unemployed people was higher, only 22.4 thousand job seekers started participating in the policies, i.e. by 12% less than in 2019 (Figure 7). Lack of the active labour market policies was deepening unemployment, and it negatively impacted on status of unemployed persons and their opportunities to acquire new knowledge and skills that would be necessary to return successfully to the labour market.

During the pandemic, positive changes were taking place in the life-long learning. According to data of the Department of Statistics, the level of life-long learning reached 7.2% in 2020 (Figure 8). It can be considered that with the onset of the COVID-19 pandemic, the life-long leaning became of particular importance as persons had to adapt to new methods of remote work. However, it is stressed that still insufficient number of elderly persons participate in training, and the EU average has not been reached (Strata 2021).

Figure 7

Participation in lifelong learning, % of adults

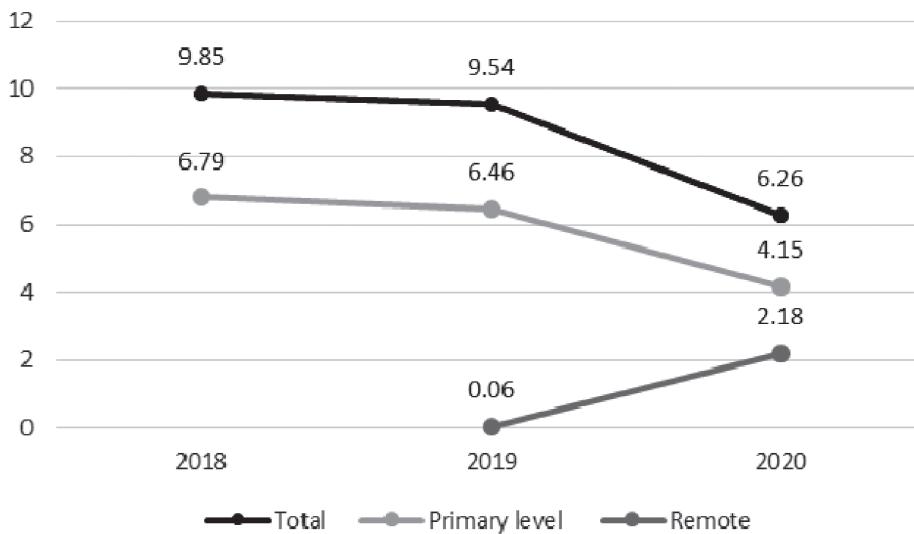
Source: Lithuanian Department of Statistics.

As discussed, health is also a part of the human capital. During the pandemic period, capacities of employees of the health sector were directed towards treatment, care of the infected with COVID-19 and vaccination of the society. It resulted in disturbance of organization and accessibility of the health services. Preventive programs, elective visits and surgery interventions were cancelled. That inevitably impacted on people of all age groups. During the pandemic, a number of visits to doctors was decreasing but a number of remote consultations was growing (Figure 9). It must be noted that remote assessment of the patient's condition is a very difficult task, and failure to provide necessary treatment resulted in increased risk of adverse events and even in growth of mortality. To compare data of 2020 and earlier years, it is visible

that according to causes of death the mortality increased in all areas (Figure 10). Circulatory system diseases made up 52.7% of all causes of death, while the COVID-19 cases caused only 5.2% of deaths. More detailed analysis of mortality from circulatory system diseases shows that these diseases caused 9.8% of deaths more in 2020 than in 2019. One of the reasons of such jump can be failure to provide timely consultation by a family physician or cardiologist and indirect effects of the COVID-19 disease. It is stressed that a number of the persons who died from circulatory system diseases at home at the end of 2020 increased in even in 90%. There may be several reasons for such situation, and some of them are revealed by the study conducted by Davidavičius et al. (2020). The researchers indicate that in April 2020 active treatment was provided to patients even in 56% less than in the same month of 2019, while in the period of March–October 2020 increase of mortality in 11% was noticed during the first period of quarantine and in 14% later (Davidavičius et al. 2020). It is obvious that during the quarantine people had less visits to doctors, did not receive necessary treatment, and it impacted negatively on mortality from circulatory system diseases. Concentration of health care sources for pandemic needs also impacted negatively on provision of services related to other diseases and contributed to emergence of adverse outcomes. That is why the current and future losses are bigger than those from the COVID-19 disease.

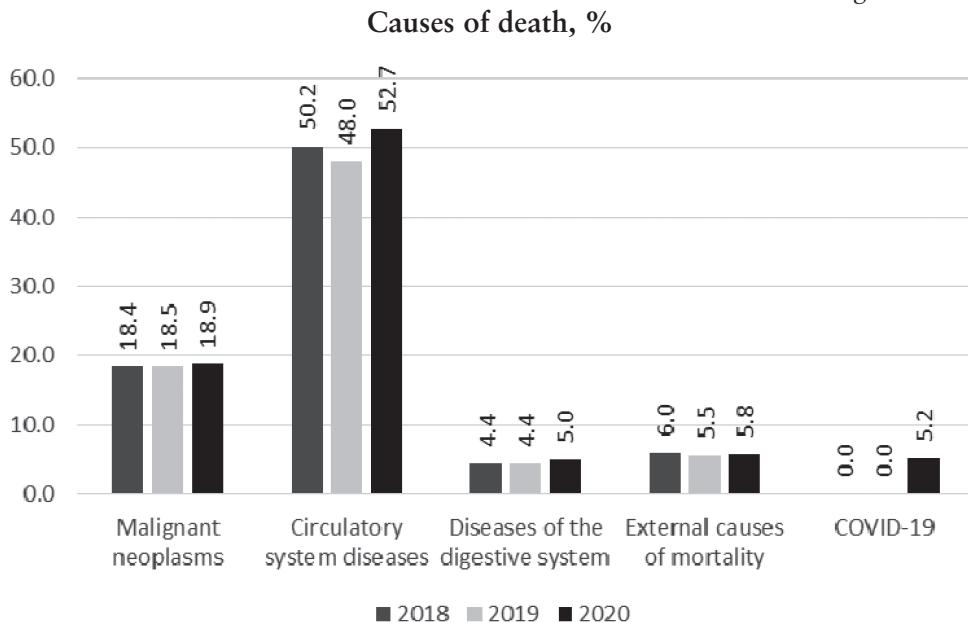
Figure 8

Number of visits to doctors, per capita

Source: Institute of Hygiene.

Figure 9

Source: Institute of Hygiene.

The pandemic impacted negatively on emotional and psychological self-feeling. Studies show that due to quarantine challenges and stress pupils experienced certain behavioural and emotional difficulties (Jusienė et al. 2021). Studies have distinguished an important factor contributing to worse psychic and even physical health: that is several times longer hours spent at the computer monitors (Jusienė et al. 2021). Because of the quarantine, most of entertainments and activities of leisure time became non-accessible and, therefore, children focused on the passive computer activities. The COVID-19 crisis also brought stress-increasing factors to adults. The study conducted by Kazlauskas et al. (2020) revealed that people responding to significant changes of life faced adaptation difficulties, were staying with constant fear of getting infected with the virus, had uncertainty for their future; stress was caused by restriction of contacts with other people and loss of familiar people. It is obvious that during the quarantine the need for services related to emotional and psychological health increased; however, it must also be noted that during the pandemic a provision of many health services, including psychological consultation, was limited. It means that individuals were not able to receive necessary assistance, and in the long-term perspective it can become a cause for serious psychological problems.

Discussion and conclusions

Social investment emphasizes the investment in human capital, but together with insurance of income or social benefits protecting against poverty. Looking from the social investment as the three parts: income protection, transition through important life thresholds, and human capital we observe the important issues before and during pandemic.

Before pandemic social protection was not sufficient to protect against poverty children, unemployed and retirees as well of large and single parents families. The at risk of poverty rate increased among old-age pensioners (4.4%) and unemployed persons (2%), a quarter of multi-child families and almost a half of single parents face poverty. That shows the incapacity of ‘buffer’. As mentioned, Esping-Andersen (2002), the human capital can not develop in a poverty.

The transition during the important life stages were not without the complications before pandemic and during of it. The youth unemployment in the 15–24-year-old group reached a peak and made up 23.1%. The women experienced higher burden of childcare, thus they experienced difficulties to balance family and work responsibilities. The increased unemployment of older labour force encouraged growth of early retirement pensions (in 2021 this number increased up to 5.9 thousand), which they overlap with unemployment of older employees.

The loss of investment in human capital were observed during all life course of population before pandemic and during the pandemic especially. Because the funding was directed to the compensatory welfare mainly. The lack of computers and other technical devices of lower socio-economic status of students from the beginning of pandemic means the poor access to good quality of education as the important precondition to more stable employment career further. The increase of unemployment among the persons with higher education (25.1% of unemployed individuals had the university degree) also can be related with youth transition.

The decreased funding of active labour market policy during the pandemic. By this reason 12% less job seekers started participating in the active labour market measures. It means that unemployed were trapped in their situation without the opportunities to change their career and to move from the social security benefits to employment. As well the majority of them were in poverty.

The health care focus on the management of COVID-19 was related with the restrictions of other services, especially preventive which are important for healthy labour force. In April 2020, active treatment was provided in 56% less than in the same month of 2019. Due to the mortality of covid disease increased, the use of preventive programmes was decreased.

These facts tell us that the consequences of the pandemic will be long lasting. Some of them will be latent and difficult to relate with the experience of the management of pandemic, for example investment in human capital and health. Because it would be difficult to distinguish the results from the other factors. The main advice would be the complex the view toward political decision even the decision is fast due to the great changes of spread of the disease.

References

- Arntz M., Gregory T., Zierahn U. (2016) The risk of automation for jobs in OECD countries: a comparative analysis. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, Vol. 189. Available: <https://www.oecd-ilibrary.org/> (accessed on 30.11.2022).
- Bonoli G. (2006) Time matters: postindustrialization, new social risks, and welfare state adaptation in advanced industrial democracies. *Comparative Political Studies*, Vol. 40, No. 5, pp. 495–520. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005285755>
- Bonoli G. (2012) Active labour market policy and social investment:a changing relationship. Morel N., Palier B., Palme J. (Eds.) *Towards a Social Investment Welfare State: Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: Policy Press, pp. 181–204. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgqfg.14>
- Bonoli G. (2013) *The Origins of Active Social Policy: Labour Market and Childcare Policies in a Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199669769.001.0001>
- Burger K. (2010) How does early childhood care and education affect cognitive development? An international review of the effects of early interventions for children from different social backgrounds. *Early Childhood Research Quarterly*, Vol. 25, No. 2, pp. 140–165. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2009.11.001>
- Campbell F., Conti G., Heckman J., Moon S., Pinto R., Pungello E., Pan Y. (2014) Early childhood investments substantially boost adult health. *Science*, Vol. 343, pp. 1478–1485. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1248429>
- Cantillon B.(2011) The paradox of the social investment state: growth, employment and poverty in the Lisbon era. *Journal of European Social Policy*, Vol. 21, No. 5, pp. 432–449. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928711418856>
- Cooke M., Gazso A. (2009) Taking a life course perspective on social assistance use in Canada: a different approach. *Canadian Journal of Sociology*, Vol. 34, No. 2, pp. 349–372. DOI: <https://doi.org/10.29173/cjs1825>
- Davidavičius G., Čelutkienė J., Gurevičius R., Budrys P., Šerpytis P., Černiauskas G. (2020) *COVID-19 pandemijos įtaka žmogaus ir visuomenės sveikatai bei sveikatos apsaugos sistemos funkcionavimui: kraujotakos sistemos ligų atvejo analizė*. Vilnius: Vilnius Universitetas. Available: <https://lcs.lt/wp-content/uploads/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Dheret C., Fransen L. (2017) Social investment first! A precondition for a modern social Europe. *ISSUE Paper*, No. 82. Available: <https://www.epc.eu/en/Publications/Social-Investment-first-A-pre-20e9c8>(accessed on 30.11.2022).
- Employment Service. (2022) *Lietuvos užimtumo 2020 m. tendencijos ir ateities prognozės*. Available: <https://www ldb.lt/>(accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Esping-Andersen G. (Ed.) (2002) *Why We Need a New Welfare State*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199256438.001.0001>
- European Institute for Gender Equality (EIGE). (2022) *Gender Statistics*. Available: <https://eige.europa.eu/> (accessed on 30.11.2022).
- Farrington J., Slater R. (2006) Cash transfers: panacea for poverty reduction or money down the drain? *Development Policy Review*, Vol. 24, No. 5, pp. 499–511. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7679.2006.00344.x>
- Jenson J. (2010) *Defining and Measuring Social Cohesion*. Totton, Hampshire: Hobbs the Printers.
- Institute of Hygiene. (2022) *Health Statistics of Lithuania*. Available: <https://www.hi.lt/> (accessed on 30.11.2022).

- Jusienė R., Būdienė V., Gintilienė G., Girdzijauskienė S., Stonkuvienė I. (2021) *Nuotolinis vaikų ugdymas pandemijos dēl COVID-19 metu: grēsmēs ir galimybēs ekosisteminiu požīriu*. Vilnius: Vilnius University. Available: https://www.fsf.vu.lt/dokumentai/Nuotolinis_vaiku_ugdymas_pandemijos_del_COVID-19_metu.pdf (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Garritzmann J., Häusermann S., Palier B., Zollinger C. (2017) WoPSI – the world politics of social investment: an international research project to explain variance in social investment agendas and social investment reforms across countries and world regions. *LIEPP Working Paper*, No. 64. Available: <https://www.sciencespo.fr/liepp/fr/publications#working%20paper> (accessed on 30.11.2022).
- Guterres A. (2020) Put women and girls at the centre of efforts to recover from COVID-19. *Statement by the UN Secretary-General António*. Available: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/4/statement> (accessed on 30.11.2022).
- Havnes T., Mogstad M. (2011) No child left behind: subsidized child care and children's long-run outcomes. *American Economic Journal: Economic Policy*, Vol. 3, No. 2, pp. 97–129. DOI: <https://doi.org/10.1257/pol.3.2.97>
- Heckman J. (2006) Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children. *Science*, Vol. 312, No. 5782, pp. 1900–1902. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1128898>
- Hemerijck A. (2015) The quiet paradigm revolution of social investment. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, Vol. 22, No. 2, pp. 242–256. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxv009>
- Hemerijck A. (Ed.) (2017) *The Uses of Social Investment*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198790488.001.0001>
- Kazlauskas E., Gelezelyte O., Nomeikaite A., Zelviene P. (2021) Posttraumatic stress disorder and adjustment disorder in Lithuanian healthcare in 2018–2020: anation-wide cohort study of the effects of COVID-19 pandemic. *Healthcare*, Vol. 4, No. 11. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare9111422>
- Kempf I., Dutta P. (2021) Transformative social policies as an essential buffer during socio-economic crises. *Sustainable Development*, Vol. 29, No. 3, pp. 517–527. DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.2197>
- Kuitto K. (2016) From social security to social investment? Compensating and social investment welfare policies in a life-course perspective. *Journal of European Social Policy*, Vol. 26, No. 5, pp. 442–459. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928716664297>
- Kvist J. (2014) A framework for social investment strategies: integrating generational, life course and gender perspectives in the EU social investment strategy. *Comparative European Politics*, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2014.45>
- Lazutka R. (2021) *Lietuvos socialinės politikos reakcija į nedarbo augimą dėl COVID-19*. Available: <https://www.evaf.vu.lt/apie-fakulteta/naujienos> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Lazutka R., Poviliūnas A., Žalimienė L. (2015) *Social Investment Lithuania. European Social Policy Network thematic report*. Available: <https://ec.europa.eu/social> (accessed on 30.11.2022).
- Lithuanian Department of Statistics. (2022) *Gyventojai ir socialinė statistika*. Available: <https://www.stat.gov.lt/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Lithuanian National Anti-Poverty Network. (2022) *Skurdas ir socialinė atskirtis 2021*. Available: <https://www.smtinklas.lt/metine-skurdo-ir-socialines-atskirties-apzvalga/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Ministry of Education, Science and Sport. (2022) *Ikimokyklinis ir priešmokyklinis ugdymas nuotoliniu būdu*. Available: <https://smsm.lrv.lt/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)

- Ministry of Social Security and Labour. (2022) *Išmokos vaikams: kas nauja 2020 metais*. Available: <https://socmin.lrv.lt/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Nolan B. (2013) What use is ‘social investment’. *Journal of European Social Policy*, Vol. 23, No. 5, pp. 459–468. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928713499177>
- Nolan B. (2017) Social investment the thin line between evidence-based research and political advocacy. Hemerijck A. (Ed.) *The Uses of Social Investment*. Oxford: Oxford University Press, pp. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198790488.003.0002>
- Pintelon O., Cantillon B., Whelan C. (2013) The social stratification of social risks: the relevance of class for social investment strategies. *Journal of European Social Policy*, Vol. 23, No. 1, pp. 52–67. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928712463156>
- Rakauskienė O., Krinickienė E., Servetkienė V. (2020) *Moterų ir vyrių pajamų atotrūkis Lietuvoje*. Vilnius: Mykolo Romerio Universitetas. Available: <https://repository.mruni.eu/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Schubert K., de Villota P., Kuhlmann J. (2016) *Challenges to European Welfare Systems*. Springer.
- Skučienė D., Lazutka R., Čižauskaitė A. (2018) *Investavimas į jaunus žmones valstybei atsiperka labiausiai*. Vilnius: Vilnius Universitetas. Available: <https://naujienos.vu.lt/investavimas> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- State Social Insurance Fund Board. (2022) *Homepage*. Available: <https://www.sodra.lt/> (accessed on 30.11.2022).
- Strata. (2022) *Lietuvos žmogiškojo kapitalo būklė 2021*. Available: <https://strata.gov.lt/> (accessed on 30.11.2022). (In Lithuanian)
- Toots A., Lauri T. (2017) Varieties of social investment policies on two sides of the Baltic Sea: explaining routes to endurance. *Social Policy & administration*, Vol. 51, No. 4, pp. 550–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/spol.12313>
- Vandenbroucke F., Vleminckx K. (2011) Disappointing poverty trends: is the social investment state to blame? *Journal of European Social Policy*, Vol. 21, No. 5, pp. 450–471. DOI: <https://doi.org/10.1177/095892871141885>

Dalia Prakapienė

DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE IN THE LITHUANIAN ARMED FORCES

For citation: Prakapienė D. (2022) Development of intercultural competence in the Lithuanian Armed Forces. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 78–95.

Citēšanai: Prakapienė D. (2022) Starpkultūru kompetences attīstīšana Lietuvas Bruņotajos spēkos. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, 35(2): 78–95.

Intercultural competence is culture-general knowledge, skills, abilities, developed through education, training, and experience that provide the ability to operate effectively within a culturally complex environment. In order to perform their duties effectively and efficiently, military personnel often have to operate in a cultural environment that is unusual for them. The research conducted in Lithuania on the issue of intercultural competence development in the military mainly focuses on the analysis of the concept of intercultural competence and the problem of its development; however, little analysis has been done from a managerial point of view. The aim of this article is to identify the main problems and possible opportunities for the development of intercultural competence in the Lithuanian Armed Forces. The qualitative research chosen to achieve this aim is a semi-structured in-depth interview. 10 informants – military personnel ($n=10$) participated in the research. The research was conducted in February and March 2022. The results of the interviews with the military personnel show that intercultural competence is expressed in terms of language skills, knowledge of other cultures, the ability to communicate and integrate with other cultures, and the ability to quickly apply intercultural knowledge to real-life situations. However, the informants also pointed out that this alone is insufficient. They indicated that experience and knowledge of general patterns of behaviour and thinking in certain critical situations is also very important. According to the informants, the Lithuanian Armed Forces lack continuous and ongoing development in this area and advance preparation for future activities in intercultural environments. In their opinion, this should not be left to the personal responsibility of the military personnel but should be organised at institutional level. This can be achieved by combining the theoretical and practical levels, by providing guidelines for the development of intercultural competence in the strategic operational documents of the armed forces, through the organisation of courses or specialised training, the sharing of experiences, or the analysis of case studies of lessons learned.

Key words: intercultural competence, military personnel, Lithuanian Armed Forces, cultural awareness, methods of development of intercultural competence.

Starpkultūru kompetences attīstīšana Lietuvas Bruņotajos spēkos

Starpkultūru kompetence ietver vispārējas kultūras zināšanas, spējas, prasmes, kas attīstās caur izglītību, mācībām un pieredzi un nodrošina iespēju sekmīgi darboties sarežģītajā kultūrvidē. Lai efektīvi veiktu savus pienākumus, militārpersonām bieži vien jādarbojas sev nepierastā kultūrvidē. Lietuvā veiktie pētījumi par starpkultūru kompetences attīstīšanu bruņotajos spēkos fokusējās uz starpkultūru kompetences jēdzienu un tās attīstīšanas problēmu; tomēr visai maz analizes ir veikts no vadības skatpunkta. Šī raksta mērķis ir starpkultūru kompetences attīstīšanas galveno problēmu un iespēju noteikšana Lietuvas Bruņotajos spēkos. Šim nolūkam kvalitatīvais pētījums ir veikts ar daļēji strukturētās padziļinātās intervijas metodi. Pētījums tika veikts

2022. gada februārī un martā. Pētījumā piedalījās 10 informanti – militārpersonas ($n = 10$). Izpētes rezultāti parādīja, ka starpkultūru kompetence izpaužas valodas prasmē, zināšanās par citām kultūrām, spējā sazināties un integrēties citā kultūrā, kā arī spējā ātri pielietot starpkultūru zināšanas reālās dzīves situācijās. Tomēr intervējamie arī norādīja, ka ar to vien nepietiek. Viņi minēja, ka liela nozīme ir arī pieredzei un zināšanām par vispārējiem uzvedības un domāšanas modeļiem noteiktās kritiskās situācijās. Intervējamie atzina, ka Lietuvas Bruņotajiem spēkiem trūkst nepārtrauktas un pastāvīgas attīstības šajā jomā un gatavības nākotnes aktīvitātēm starpkultūru vidē. Viņuprāt to nevajadzētu atstāt militārpersonu personiskajai atbildībai, bet būtu jāorganizē institūciju līmenī. To varētu panākt, kombinējot teorētisko un praktisko pieejumu, nodrošinot vadlīnijas starpkultūru kompetences attīstīšanai bruņoto spēku stratēģiskās darbības dokumentos, organizējot specializētas apmācības kursus, daloties pieredzē, analizējot apgūto materiālu uz konkrētajiem piemēriem.

Atslēgvārdi: starpkultūru kompetence, militārpersonas, Lietuvas Bruņotie spēki, kultūras apziņa, starpkultūru kompetences attīstīšanas metodes.

Развитие межкультурной компетентности в Вооружённых силах Литвы

Межкультурная компетентность – это общекультурные знания, навыки, способности, развивающиеся посредством образования, обучения и опыта и обеспечивающие способность эффективно действовать в сложной культурной среде. Для эффективного и результативного выполнения своих обязанностей военнослужащим часто приходится действовать в непривычной для них культурной среде. Проведённые в Литве исследования межкультурной компетентности в вооружённых силах представляют собой, главным образом, анализ концепции межкультурной компетентности и проблемы её развития; однако с управлеченской точки зрения данный вопрос изучен недостаточно. Целью данной статьи является анализ основных проблем и вероятных возможностей для развития межкультурной компетентности в Вооружённых силах Литвы. Качественное исследование, выбранное для достижения этой цели, проведено с помощью метода полуструктурированного глубинного интервью. В нём участвовали 10 информантов – военнослужащих ($n=10$). Исследование проводилось в феврале и марте 2022 года. Результаты интервью с военнослужащими показывают, что межкультурная компетентность выражается в языковых навыках, знании других культур, способности общаться и интегрироваться в другие культуры, а также способности быстро применять межкультурные знания в реальных жизненных ситуациях. Однако информанты также указывали, что одного этого недостаточно и что опыт и знание общих моделей поведения и мышления в определённых критических ситуациях также очень важны. С позиции информантов, Вооружённым силам Литвы не хватает постоянного и непрерывного развития в этом направлении и заблаговременной подготовки к будущей деятельности в межкультурной среде. По их мнению, это должно быть предметом не личной ответственности военнослужащих, а организованного на институциональном уровне управления. Такое управление может осуществляться путём объединения теоретического и практического подходов, разработки рекомендаций по развитию межкультурной компетентности в стратегических оперативных документах вооружённых сил, организации курсов или специализированного обучения, обмена опытом или анализа конкретных ситуаций, а также в ходе апробации освоенного материала на конкретных примерах.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, военнослужащие, Вооружённые силы Литвы, культурное сознание, методы развития межкультурной компетентности.

Introduction

Given recent political, economic and social changes around the world, globalisation processes and the need for intercultural cooperation and communication have become even more relevant. This concerns both individuals and organisations or societies in the broadest sense. In this context, there is therefore a growing need to explore the importance and expression of intercultural competence at different levels. In this article, the military organisation is chosen as the object of study, as a unique organisational unit where the development of intercultural competence becomes even more relevant in the context of contemporary political and military events.

The concept of intercultural competence is quite broad and includes elements such as language proficiency (DeVisser, Sands 2014; Watson 2014; Kozyar et al. 2020), cultural awareness (Fantini 2009; Portera 2014), communication, cooperation (Dear-dorff 2016; Liang, Schartner 2022), the ability to act in an intercultural environment (Juknytė-Petreikienė 2013; Aggarwal, Wu 2021); critical thinking and decision making (Miller, Tucker 2015; Newson 2020), etc. It generally involves three elements: intercultural knowledge of oneself and others, skills (skills to interpret, relate, discover, and / or interact) and attitudes (valuing others' values, beliefs, and behaviours, and relativizing one's self) (Bagwe, Haskollar 2020).

Intercultural competence is defined as general knowledge, skills, abilities, and attributes of culture developed through education, training, and experience that provide the ability to operate effectively within a culturally complex environment (Mackenzie, Miller 2017) as military personnel are often placed in unusual situations, whether on missions, international training, or in cross-cultural environments, where critical and rapid decisions have to be made. A review of research shows that components of intercultural competence such as cultural understanding, flexibility, the ability to build sustainable intercultural relationships, tolerance of uncertainty, empathy and openness are also important for the smooth, effective and efficient implementation of the duty in warfare (Portera 2014; Miller, Tucker 2015; Rodman 2015; Rasmussen et al. 2016; Ibrahimov 2017; Kozyar et al. 2020; Abbe 2021). These components are commonly integrated into the educational process and achieved through the development of knowledge, skills, attitudes, and cultural awareness.

Intercultural competence is not a given, but needs to be developed and refined throughout life at different levels: national, institutional, and personal (Norvilienė 2014). When developing and improving intercultural competence at the national level, it is important that strategic documents emphasize the importance of intercultural education, create conditions, and provide for its implementation. At the institutional level, it is important for the institution to be involved in the internationalisation process, i.e., the development of internationalisation within the institution. At the personal level, intrinsic motivation, the desire to develop intercultural competence and to actively participate in intercultural activities and exchanges are essential to the acculturation process. These three levels form a coherent system, thus research needs to take this into account and analyse intercultural competence from different perspectives.

The need to develop intercultural competence in the Lithuanian Armed Forces is supported by the fact that every year Lithuanian military personnel are regularly involved in international missions (e.g., in September 2022, officially 91 Lithuanian soldiers were deployed in international operations and missions) or work in intercultural environments, i.e. environments that are unusual for them. Therefore continuous and ongoing development of cultural competence is important because it opens the way to intercultural dialogue and constructive communication and cooperation between people of different cultures.

In the field of development of intercultural competence in warfare, research conducted in Lithuania is more focused on the analysis of the concept of intercultural competence and the problem of its development (Pauriene 2011), the development of cultural awareness of intercultural competence (Žotkevičiūtė 2014; Žotkevičiūtė-Banevičienė 2018), and the areas of development of intercultural competence (Melnikas et al. 2020; Prakapas, Prakapiene 2020). This shows that although analysis of intercultural competence is being conducted in the Lithuanian Armed Forces, this process and the system have not been studied at the managerial level in the Lithuanian Armed Forces so far. Therefore, the subject analysed in this paper is related to the identification of problems related to the development of intercultural competence in this organisation. Thus, the aim of this article is to identify the development of intercultural competence in the Lithuanian Armed Forces.

The concept of intercultural competence

Intercultural competence is defined in scientific sources as the complex set of abilities, knowledge, attitudes and skills needed to interact effectively and appropriately with linguistically and culturally diverse others (Fantini 2009; Portera 2014); as inter-group interaction between people with different or opposing emotional, cognitive or behavioural orientations to the world (Spitzberg, Changon 2009; Pauriene 2011); as a tool for integration and adaptation to a rapidly changing labour market, increasing competitiveness in the international labour market and the ability to function in an intercultural environment (Juknytė-Petreikienė 2013; Aggarwal, Wu 2021); other authors equate the development of intercultural competence with the importance of intercultural communication (Gut et al. 2017), that is, applying knowledge, skills, and attitudes to communicate effectively in an international context. Being able to communicate and work with people from across cultures has always been relevant; however, how people behave and make decisions in the same situations depends on many different factors. Paurienė (2011) argues that each person has a model of his or her environment through which he or she evaluates situations and behaviours and also plans and implements actions. This is primarily related to being in an unusual environment in relation to other cultures. To correctly understand and interpret the behaviour of a person from another culture, it is first necessary to know and understand the ways of thinking and acting that are acceptable in that culture. Therefore, intercultural competence is defined as the ability to understand another culture and the ability to behave appropriately, which requires the continuous development and im-

provement of skills and competences. In summary, the concept of intercultural competence is most often associated with the ability to behave in an intercultural space and to deal effectively with the problems that arise in order to achieve the objectives of an international mission or other activity (Table 1).

**Table 1
Variety of definitions of intercultural competence**

Author	Definition
Bennett, Bennett 2004	The ability to communicate effectively in cross-cultural situations and to relate appropriately in a variety of cultural contexts.
Sememelski 2007	The ability to perceive quickly and accurately, and to act effectively and appropriately, involving individuals from different cultural backgrounds to achieve the desired result.
Jiaquan 2009; Gallus et al. 2014; Bagwe, Haskollar 2020	The ability to interact with people from other cultures through cultural awareness, cultural knowledge, and intercultural communication skills, and the ability to use communication skills effectively in intercultural situations.
McCloskey et al. 2010	The emotional, cognitive and behavioural knowledge, skills, attitudes, and abilities that lead to effective mission fulfilment in a cross-cultural environment.
DeVisser, Sands 2014	The ability to deal with complex interpersonal situations, to express and interpret ideas or concepts across cultures, and to understand the social and cultural behaviour of other cultures.
Wolff, Borzikowsky 2018	A complex of abilities that are needed to interact with people from other cultures adequately and effectively.
Olar 2021	An adequate knowledge about certain cultures, as well as general knowledge about problems that arise when members of different cultures interact, maintaining receptive attitudes that encourage establishing and maintaining contact with different people, and the necessary skills interacting with others from different cultures.

Source: compiled by the author.

Intercultural competence manifests itself in a wide range of areas in modern society. In the economic sphere, intercultural competence is linked to the development of global markets and the ability to communicate; in the area of labour force, it is a matter of integration not only in the EU but also in other parts of the world; in the social sphere, it is manifested in the processes of migration, assimilation, the creation of blended families, and working in multinational companies and teams; and in the field of intercultural mobility, it is a matter of vocational training and education (exchange programmes, professional exchanges, etc.) Intercultural competence is also manifested through intercultural competence (Melnikas et al. 2020). Žydžiūnaitė et al. (2010) elaborate on the areas of intercultural competence and distinguish between the fields of education, social policy, human resource management, psychology and organisational psychology, quality management, communication, research methodology, health care, etc. Navai-

tienė et al. (2013) extend the field of intercultural competence by stating that intercultural competence is also important for all major national institutions – migration regulation, health and medical services, education and other socially sensitive areas. Intercultural competence is argued to be important for organisations whose activities are related to intercultural environments, such as those working or seeking to work with foreign organisations, working in multinational teams, developing joint projects, or solving problems. From a defence and security perspective, that is, when analysing the specifics of the Lithuanian Armed Forces' functions, it should be stressed that it fully meets the criteria of an intercultural environment, and therefore the development of intercultural competence is becoming more and more relevant.

Summarising the interpretations of the concept of intercultural competence presented by scholars, it can be stated that there is a diversity of definitions and that the concept itself is not homogeneous but that it is most often linked to the changing cultural environment and the challenges it faces. Therefore, appropriate selection and development of the right set of knowledge, skills, influence/motivation and cultural awareness at all the three levels (individual, organisational, and strategic) would enable people to adapt effectively in a cross-cultural environment.

Developing intercultural competence in security and defence

The development of intercultural competence in the field of security and defence is one of the components of national security. This is also highlighted in the strategic documents of the Republic of Lithuania. The Military Strategy of the Republic of Lithuania (Ministry of National Defence of Lithuania 2016a) states that Lithuania, as a member of NATO and the European Union, shares responsibility for the security and stability of the Euro-Atlantic area, which requires the Lithuanian Armed Forces to be ready to respond to emerging international security challenges together with its allies. In this context, Lithuania cooperates with other international organisations and partner countries, contributes to the strengthening of Euro-Atlantic and international security by participating in international missions or trainings, hosting troops from other countries, etc. Therefore, the Lithuanian Armed Forces are required not only to be able to act independently, to react quickly to threats, to be prepared to operate in a wide range of operations, but also to provide effective military command and control, etc. The document also focuses on the ability to operate alongside NATO allied forces and the interoperability of military and civilian capabilities in international operations. The need for intercultural competence of military personnel through international cooperation is also reflected in the Operational Doctrine of the Lithuanian Armed Forces (Ministry of National Defence of Lithuania, 2013). The document identifies four key elements that strengthen cooperation and trust: mutual relations, respect (mutual respect for partners' professional skills, culture, history, religion, customs, and values strengthens cooperation), knowledge of partners (in international operations, it is necessary to have information not only about friendly forces, but also about the enemy forces), tolerance (in order to cooperate effectively, it takes a lot of time and patience to reconcile different opinions and approaches).

The Lithuanian Military Doctrine (Ministry of National Defence of Lithuania 2016b) states that competent military personnel are the basis for the success of the current and future armed forces and indicates that the 21st century military personnel must excel at the following: physical strength and hardening (emotional and psychological); tactical and technical competence; adaptability and initiative; continuous learning, ability to work in teams and with others, communication, critical thinking and problem solving; cultural and legal awareness; and the ability to operate in multinational, multicultural, inter-institutional, inter-organisational and transnational environments. The above-mentioned competences for military personnel reflect the concept and key elements of intercultural competence as identified by Wolff and Borzikowsky (2018), Bagwe and Haskollar (2020), Olar (2021) and other researchers. According to Virgailaitė-Mečkauskaitė (2011), Braslauskas (2021), the most important elements for the development of intercultural competence are the following: (1) communication abilities (foreign language skills; ability to build contacts; understanding of nonverbal language; ability to communicate in different situations); (2) ability to work effectively in multicultural teams and/or in a multicultural environment; (3) flexibility of behaviour; (4) ability to resolve/avoid conflicts; (5) ability to create social networks with new people in different environments and to build trust; (6) ability to communicate in situations dominated by different interaction styles, rules, rituals and symbols; (7) ability to find and use the support of public and private institutions to facilitate contacts with representatives of another country or culture. All of these elements and their continuous development are likely to facilitate the success of military personnel in collective defence and other military operations, in international military structures, and in multinational and multicultural environments.

Intercultural competence can be developed in a variety of methods and educational models. It is argued that the individual is a lifelong learner and continuously acquires new knowledge and skills. In this case, not only is formal learning important, but it is primarily achieved at the individual level and depends on the individual's personal willingness to develop through a variety of means (Aube 2011). Caligiuri et al. (2011) present a learning model for developing interculturally competent military personnel that includes both formal learning and experiential social learning. In addition to the core elements of intercultural competence (knowledge, skills, attitudes and cultural awareness), the model includes communication, influencing and cognitive skills, as well as qualities such as open-mindedness, extraversion, flexibility, etc., which are considered by the authors to be facilitators of intercultural competency. With the model developed, the authors present a multidimensional learning framework by which both military personnel and trainers could apply different learning or teaching methods to further support the development of intercultural competence. This model combines all of the three levels mentioned above (individual, organisational, and strategic) and is a challenge for the organisation as intercultural competence is not an 'end point' but a long-term process for both the organisation and its employees to achieve the strategic objectives set.

O'Conor et al. (2010), Reid et al. (2012) highlight the importance of experiential education in developing intercultural competence. They argue that teaching and learning

must be long-term, and a specific toolkit must be developed that includes intercultural psychology, co-cultural assimilation, and real-life cases. This is supported by Holmes-Eber et al. (2016), who found in their research among military personnel that the most valued experiential factors were language skills, multicultural experience, travel experience, and frequency of interaction with the local population during previous deployments.

Ibrahimov (2017) argues that military personnel and leaders need to have sufficient intercultural and regional competence to perform their duties effectively at their assigned level and to possess the cognitive, interpersonal, and cultural skills needed to operate in complex contexts. In this context, the authors stress the importance of education and specialised competence centres, which should provide quality language and intercultural competence training.

The quality of teaching can be achieved through a variety of teaching methods and techniques. Abbe (2011) argues that educational technology does not in itself lead to better intercultural competence, but contributes strongly to it. However, Mackenzie et al. (2013) demonstrate the importance of technology through the delivery of virtual specialised courses. They argue that courses such as Introduction to Culture and Introduction to Intercultural Communication, or similar courses, contribute to the upskilling of military personnel and the development of intercultural skills. Braslauskas (2021) adds that in order to ensure effective intercultural communication, it is necessary to combine intercultural competences with creativity competences, while Hantsiuk et al. (2021) suggest using the design thinking methodology to improve the development of intercultural competences. Olar (2021), analysing the case of the Romanian army, proposes developing intercultural competences of military personnel through real-life situations by transferring them to role-playing games or simulations: (1) selecting the most appropriate scenarios related to possible and probable intercultural situations in which military personnel involved in stability and support operations may find themselves; (2) translating those situations into role-playing games and simulations; (3) effective use of new information and communication technologies in the intercultural communication competence formation process can be successfully achieved. Another intercultural competence development tool ‘story circles’ is recommended for the transfer of experience and ‘lessons learned’. The advantages of the method (Deardorff 2019) include the following: demonstrating respect for others, practicing listening for understanding, cultivating curiosity about similarities and differences with others, gaining increased cultural self-awareness, developing empathy and developing relationships with culturally different others.

Although research and studies demonstrate and point to various ways of developing intercultural competence, there is also a need to critically assess the challenges. Braslauskas (2021) states that insufficient intercultural competence causes problems related to: (1) different time planning and management; (2) different temperaments of communicators; (3) different work culture and rules of conduct; (4) different perceptions of managerial and subordinate relationships.

Research methodology

The type of research is qualitative. The research method chosen was the semi-structured in-depth interview. This method was chosen because it allows for an in-depth understanding of the problem under study, for obtaining detailed research results, for identifying problems, and for clarifying the causes. Since the subject and problem of the investigation is specific, focused on the assessment of the situation in the Lithuanian Armed Forces, expert selection of informants was applied. The interviews were conducted with 10 persons serving in the Lithuanian Armed Forces with at least one year of experience working in an international environment. The research was conducted in February and March 2022.

The interview questions focused on the following problem areas: the importance of the concept of cultural competence and its elements, the role of the army in the development of intercultural competence and support for military personnel, and the problems of development of intercultural competence in the Lithuanian army.

Table 2
Characteristics of informants, n = 10 persons, 2022

Informant number	Military rank	Years of service	Intercultural experience
I1	Major	18 years	Mission in Afghanistan, participation in international exercises*
I2	Senior Lieutenant	26 years	2 missions in Iraq and Afghanistan, participation in international exercises*
I3	Major	23 years	Missions in Kosovo and Afghanistan, participation in international exercises*
I4	Senior Lieutenant	25 years	Missions in Afghanistan and Iraq, participation in international exercises*
I5	Senior Sergeant	20 years	Mission in Iraq, participation in international exercises*
I6	Major	24 years	Mission in Afghanistan, participation in international exercises*
I7	Major	23 years	Mission in Afghanistan, participation in international exercises*
I8	Colonel Lieutenant	10 years	Mission in Afghanistan, participation in international exercises*
I9	Sergeant	20 years	Mission in Iraq, participation in international exercises*
I10	Sergeant	19 years	Missions in Iraq and Afghanistan, participation in international exercises*

*International military training is not detailed in the table in order to preserve the principle of confidentiality and to avoid disclosing sensitive data about the informants, as some of the training sessions were attended by only a few Lithuanian Armed Forces personnel, which would reveal their identity.

Source: compiled by the author.

The research was carried out according to the principles of research ethics and confidentiality. The study was limited by the fact that not all participants were able to participate in the study due to their service commitments. Also, some of the results of the study are not analysed in the article due to sensitive information (e.g., names, locations, and content of courses are not detailed).

Analysis of the survey results

In an attempt to clarify the military personnel's perceptions of intercultural competence, it was found out that the majority of the informants primarily associate it with NATO and EU commitment and characterise it in the context of international missions and training. This reflects, in principle, the concept and mission of intercultural competence as defined in the strategic documents of Lithuanian security and defence. However, it should be noted that the informants mostly associated it with participation in international missions and training, but did not take into account the experience gained from serving in Lithuanian military units, interacting and cooperating with military personnel from other countries deployed in Lithuania.

<...to effectively execute assigned multicultural tasks with NATO or other allies> (I8); <...as a person familiar with other cultures and customs> (I6); <understand intercultural competence as the experience of working in different teams in different countries, of working in international units, and of the competences and qualifications acquired there> (I4).

When explaining the elements of intercultural competence in the experience of military personnel, the most frequently mentioned ones were language skills and the ability to communicate with other cultures. The informants indicated that it is advisable to know more than one language, as this allows direct unmediated communication with colleagues or representatives of other countries.

<...poor knowledge of English limits communication> (I8); <the first thing is, of course, the language, the knowledge of the foreign language, which is a key element, which in particular facilitates the understanding of each other, and consequently influences all the results> (I7); <the knowledge of languages can never be too much, it is one of the main things to make life easier during a mission> (I6); <...not knowing the language I think should not be in such an environment, especially if you have to communicate and not just go for technical work> (I1); <...knowing a foreign language, especially military English, is already half the job done> (I4).

The informants stressed the need to develop cultural awareness. Most of the informants confirmed the need for knowledge of the cultural specificities of nations, i.e., to understand religious differences, traditions and customs, specific patterns of behaviour, etc.

<Customs and religion itself are completely different and you need to know, in the sense of that minimum knowledge> ... <you can get into trouble>

(17); *<In practice, you will be a white elephant if you do not take into account religious aspects and customs. Not only will you not be understood, but next time it may be perceived as a gesture of humiliation and disrespect>* (14).

However, they also noted that this alone is insufficient. The informants pointed out that experience and knowledge of general patterns of behaviour and thinking in certain critical situations are also important. For example, the element of overestimating oneself, of being overconfident, or often following stereotypes, e.g., *<We imagine ourselves to be more advanced, more civilised, more tolerant, but when you encounter another culture, you may not necessarily have cultural shock, but you may wonder how it can be>* (13). Stereotyping is also linked to attitudes towards other people and their patterns of behaviour. Experience shows that stereotyping makes it more difficult to adapt to the environment and to communicate: *<you go, you talk and you realise that your understanding is wrong, that it is only in your head...>* (14); *<stereotyping can destroy relationships between people, it prevents you from being realistic, you lose people's trust>* (18); *<...prejudice and stereotyping make our work and communication with other cultures much more difficult. I always try to distance myself from that...>* (15).

From the point of view of the informants, the role of the organisation in the development of intercultural competence is very important. The interviewees stated that there is a lack of continuous development of intercultural competence at the organisational level. It is not a continuous process. In most cases, investment in staff is only made when they are deployed on a mission or international training, and it is completely ignored in day-to-day activities:

<I was sent to training very shortly before the mission...> (12); *<I have the feeling that if you don't go on a mission or an international exercise, you don't need that cultural understanding... But what if there are foreign soldiers in the unit... the impression is that there is no need to communicate with them... This is where improvisation begins; improvisation>* (17).

They highlighted also the lack of time to prepare for an international mission:

<The worst thing is that the time available to prepare for international missions is very short... you have to learn a lot in a short time...> (15); *<there are courses before the mission, they are oriented toward the consolidation of the necessary knowledge... But what you don't learn in such a short time, you either know or you don't know in principle...>* (11); *<...when I went to international training, the thing I missed most was cultural knowledge. We had a pre-departure course, but it was too short, it's hard to absorb everything so quickly...>* (10).

Another problem highlighted by the informants was the lack of a clear system for selection and evaluation for international missions or training. However, this should be looked at more closely, as this study did not seek to examine the internal system of preparation for an international mission, and therefore assumptions can only be made

on the basis of the views expressed by the informants: in general, the majority of the informants stated that the system was not clear, and that no selection criteria were identified:

<...> <We weren't assessed in any way, only information was given. There was no guidance on how prepared you were, how knowledgeable you were, the cultural stuff> (I6); <...> to ensure an impartial, orderly English language certification, I would suggest that before going on an international mission, one should not only take into account the PERVIS data on English language proficiency, but also send the soldier out for additional testing, perhaps even considering something like an interview, just to have some kind of dialogue, or to ask questions, or to ask them to talk about the nature of the work or some kind of field, in order to actually test their knowledge of the English language. (I8); <basically, there was no selection, they said that as a specialist in the field, I was the right person for it...> (I9).

At the same time, they argue that there may not be a need to do so because when it comes to missions or training, there is no need to make a selection because the organisation is small and there is not much choice. However, it is worth pointing out here that motivation is perhaps the most important factor. As Žotkevičiūtė (2014) states, a motivated military personnel who wants to go on a mission or international training will be more motivated for self-development.

Meetings with experienced colleagues and the sharing of their experiences were identified as the main advantages of the training. This reflects the insights of O'Conor et al. (2010) and Reid et al. (2012) that self-directed learning is not enough and that it is necessary to make use of staff's existing experience by sharing it. However, the informants point to both the importance and the inadequacy of such shared experiences.

<...> through the transfer policy, there should be evaluations of the courses to ensure that they were effective and useful. That line of lessons learned is one of the most important ones, it is good, what was bad, what was not taught, and what needs to be addressed. That is what we lose. I have been there and written: the minuses, the pluses, what went wrong when I was taught, but if we do not pay attention to that again, if we do not provide funding for the training of the staff, then we will lose all that. (I4); <...> it takes one hour, one lecture, which is impossible to transmit the whole experience and it is done informally (I8); <We hear a lot about these lessons learned, about some kind of database... but it doesn't really exist, the system doesn't work here...> (I6).

Therefore, it is suggested that the collection of lessons learned and the creation of a database would help ensure its smooth development and the preparation of military personnel. There is also a need for the systematic involvement in institutional training of military personnel who have been to a country where an international operation or international training is taking place.

The study of the informants' opinion on the content of the organized training found that from a professional point of view the informants give a positive evaluation

to the content of the training, but miss the use of themes that correspond to the development of intercultural competence and the use of more diverse educational methods in the training: *<it is understandable that you want to say a lot in a short time, it is a lot of text, facts... and you want to look deeper, understand it in some other way...>* (I7); *<We've had lectures about the country and its culture, but frankly they were boring. I would have liked something more interactive, more engaging, something you could do yourself>* (I10). As the analysis of scientific literature shows, the solutions to this problem are widely analysed and discussed, and a variety of educational methods can be used to develop intercultural competence, such as design thinking, simulation and role-playing games, case studies, creative methods, etc. (Deardorff 2019; Olar 2021; Braslauskas 2021, etc.). In particular, the informants themselves suggest extending the range of learning methods and tools through the following: *<creation of special virtual lectures on traditions and customs of other cultures>* (I2); *<...e.g. list of recommended films with comments on what to watch...>* (I8); *<...create distance learning courses or organise live consultations with specialists (psychologists, cultural studies, etc.)>* (I9), etc.

The role of the institution's responsibility for preparing the military personnel to work in an intercultural environment is also mentioned. Military personnel represent the Lithuanian Armed Forces as a specific organisation, so their ability to adapt to a new cultural environment and to work with colleagues from other countries is particularly relevant.

<Preparing for working in a cross-cultural environment is very important, because you are there to represent not only yourself as an individual, but also and most importantly the country you are serving... You represent it through your actions and behaviour...> (I2); *<We have to remember that first and foremost we represent our country and we represent it. So we create the image of our country through our behaviour. Therefore, you are not only responsible for yourself...>* (I9).

In this context, another research problem that requires a separate study is how to measure the level and impact of intercultural competence of military personnel. According to Rodman (2015), the impact of military intercultural competence will not be known until appropriate evaluation methods are in place to assess the need and cost of investment in developing these competences.

The informants highlighted the individual role of the military personnel in the preparation for intercultural activities. It is argued that a great deal depends on the individual himself, his personal qualities, and his willingness to be involved in the development of this process:

<...and however you look at it, it is mostly up to you – whether you want to do the course or not...> (I3); *<when I went on my first mission, I spent a lot of time preparing myself individually: talking to colleagues, reading a lot about the customs of the country, trying to gather everything myself, which was quite difficult>* (I7); *<I think you have to be critical of yourself first. How much effort you put in, how much it matters to you. No amount of training will help if you don't take an interest yourself>* (I4).

Although it is true that organizations should make every effort to develop training models and systems to help staff acquire the necessary intercultural competences, the conscious cultivation of self-directed cultural learning requires the participation of the individuals themselves. The success of the development of intercultural competence must be based primarily on the ability of staff to learn and develop cultural competence independently (Rasmussen et al. 2016). In particular, this requires both the organisation and its members to recognise that much cultural learning takes place through experiential activities and concrete situations rather than in the context of formal training and that the development of intercultural competence must therefore focus on the development of a set of practical strategies and the opportunities to use them in the course of the learning.

Conclusions

The analysis of sources and documents from the scientific literature suggests that the concept of intercultural competence is broad and multidimensional. It is most commonly defined as the ability to operate in multinational, multicultural, interinstitutional, interorganisational, and transnational environments and includes elements of intercultural competence such as cultural understanding, flexibility, the ability to build sustainable intercultural relationships, tolerance for uncertainty, empathy, and openness.

The results of the interviews show that intercultural competence is expressed in terms of language skills, knowledge of other cultures, the ability to communicate and integrate with other cultures, and the ability to quickly apply intercultural knowledge to real-life situations.

Analysing the possibilities of intercultural competence development at the individual, organisational, and strategic levels, it is necessary to clarify the directions and methods of intercultural competence development at the strategic level, focusing not only on international missions and trainings, but also on everyday activities and tasks. At the organizational level, it was found that the Lithuanian Armed Forces create and maintain an intercultural environment, organize special courses and trainings, and have ongoing cooperation with partner countries. However, the above activities are mostly focused on military personnel on missions or international training. Meanwhile, there is a lack of a permanent and continuous model for the development of intercultural competence: fragmentation of course content, lack of time, lack of diversity of teaching methods, and insufficient use of the experience of other military personnel.

At the individual level, internal motivation, the desire to develop intercultural competence and to actively participate in intercultural activities and exchanges are essential for the development of intercultural competence. Culture is inherent in all groups of people, but specific cultural traits are acquired depending on the individual, his/her motivation, and experience.

Based on the results of the study, it is argued that in order to create an appropriate system for the development of intercultural competence in the Lithuanian Armed Forces, it is worth combining the existing professional military training programmes, organisational and functional training, and lifelong learning skills through training,

education, and experiential opportunities. Both the organisation and its members need to be aware that cultural learning does not take place in the context of formal training, but through experiential activities and concrete situations, and that the development of intercultural competence must therefore focus on the development of a set of practical strategies to be used and accessed during learning. It is also argued that effective intercultural competence can be developed in cooperation with civil society organisations and educational institutions.

References

- Abbe A., Geller D., Everett S. (2010) *Measuring Cross-Cultural Competence in Soldiers and Cadets: A Comparison of Existing Instruments*. Technical Report No. 1276. Arlington, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioural and Social Sciences.
- Aggarwal R., Wu Y. (2021) Teaching international business in Europe and Latin America. *Journal of Teaching in International Business*, Vol. 32, No. 1, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1080/08975930.2021.1922868>
- Aube A. (2011) What is cross-cultural competency? Evolution of 3C in the U.S. Army. *Military Intelligence Professional Bulletin*, Vol. 37, No. 1, pp. 14–16.
- Bagwe T., Haskollar E. (2020) Variables impacting intercultural competence: a systematic literature review. *Journal of Intercultural Communication Research*, Vol. 49, No. 4, pp. 346–371. DOI: <https://doi.org/10.1080/17475759.2020.1771751>
- Bennett M., Bennett J. (2004) Developing intercultural sensitivity: an integrative approach to global and domestic diversity. Landis D., Bennett J., Bennett M. (Eds.) *Handbook of Intercultural Training*, 3rd edition. Sage, pp. 147–165. Available: <https://sk.sagepub.com/reference/handbook-of-intercultural-training-3e/n6.xml> (accessed on 15.12.2022).
- Braslauskas J. (2021) Developing intercultural competences and creativity: the foundation for successful intercultural communication. *Creativity Studies*, Vol. 14, No. 1, pp. 197–217. DOI: <https://doi.org/10.3846/cs.2021.14583>
- Caliguri P., Noe R., Nolan R., Ryan A., Drasgow F. (2011) *Training, Developing, and Assessing Cross-Cultural Competence in Military Personnel*. Technical Report No. 1284. Arlington, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioural and Social Sciences.
- Deardorff D. (2016) Assessing intercultural competence. Hua Z. (Ed.) *Research Methods in Intercultural Communication: A Practical Guide*. Wiley-Blackwell, pp. 120–134. Available: <https://www.wiley.com/en-gb/Research+Methods+in+Intercultural+Communication:+A+Practical+Guide-p-9781118837467> (accessed on 15.12.2022).
- Deardorff D. (2019) *Manual for Developing Intercultural Competencies*. London: Routledge.
- DeVisser P., Sands R. (2014) Integrating culture general and cross-cultural competence & communication skills: possibilities for the future of military language and culture programs. *Journal of Culture, Language and International Security*, Vol. 1, No. 1, pp. 34–63. Available: https://www.researchgate.net/publication/266796800_Integrating_Culture_General_and_Cross-cultural_Competence_Communication_Skills_Possibilities_for_the_Future_of_Military_Language_and_Culture_Programs(accessed on 15.12.2022).
- Fantini A. (2009) Assessing intercultural competence: issues and tools. Deardorff D. (Ed.) *The Sage Handbook of Intercultural Competence*. Thousand Oaks: Sage, pp. 456–476. Available: <https://sk-sagepub-com.skaitykla.mruni.eu/reference/the-sage-handbook-of-intercultural-competence/i2519.xml>(accessed on 15.12.2022).

- Gallus J., Gouge M., Antolic E., Fosher K., Jasparro V., Coleman S., Selmeski B., Klafehn J. (2014) Cross-cultural competence in the department of defense: an annotated bibliography. *Special Report*, Vol. 71. Available: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a599260.pdf> (accessed 15.12.2022).
- Gut A., Wilczewski M., Gorbaniuk O. (2017) Cultural differences, stereotypes and communication needs in intercultural communication in a global multicultural environment. The employees' perspective. *Journal of Intercultural Communication*, Vol. 43, pp. 1–17. Available: https://www.researchgate.net/publication/316217731_Cultural_differences_stereotypes_and_communication_needs_in_intercultural_communication_in_a_global_multicultural_environment_The_employees%27_perspective (accessed 15.12.2022).
- Hantsiuk T., Vintoniv K., Opar N., Hryvnak B. (2021) Developing intercultural competence through design thinking. *European Integration Studies*, Vol. 15, pp. 9–21, DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.eis.1.15.28930>
- Ibrahimov M. (2017) The army's approach to culture and language applications. Fike J. (Ed.) *Cultural Perspectives, Geopolitics & Energy Security of Eurasia: Is the Next Global Conflict Imminent?* Fort Leavenworth, Kansas: The Army Press, pp. 183–200. Available: <https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/combat-studies-institute/csi-books/cultural-perspectives.pdf> (accessed on 15.12.2022).
- Jiaquan X. (2009) On the development of college students' intercultural competency. *International Forum of Teaching and Studies*, Vol. 5, No. 2, pp. 27–31. DOI: <https://doi.org/10.3846/cs.2021.14583>
- Juknytė-Petreikiienė I. (2010) Internacinalizuotos studijos – šiuolaikinei tarptautinei darbo rinkai reikalingų bendrijų kompetencijų ugdymo sąlyga. 4-oji tarptautinė moksline – praktinių konferencija „Šiuolaikinio specialisto kompetencijos, teorijos ir praktikos dermė“. Kaunas: Kaunokolegija. (In Lithuanian)
- Kozyar M., Nanivska L., Romanyshyna O., Romanyshyn A., Yakimets Y. (2020) Communicative competence formation of future officers in the process of foreign language training. *International Journal of Higher Education*, Vol. 9, No. 7, pp. 153–165. Available: https://www.researchgate.net/publication/343551082_Communicative_Competence_Formation_of_FutureOfficers_in_the_Process_of_Foreign_Language_Training (accessed on 15.12.2022).
- Liang Y., Schartner A. (2022) Culturally mixed group work and the development of students' intercultural competence. *Journal of Studies in International Education*, Vol. 26, No. 1, pp. 44–60. DOI: <https://doi.org/10.1177/1028315320963507>
- Mackenzie L., Fogarty P., Khachadoorian A. (2013) A model for online military culture education: key findings and best practices. *EDUCAUSE Review*, No. 4, pp. 1–3. Available: <https://er.educause.edu/articles/2013/9/a-model-for-online-military-culture-education-key-findings-and-best-practices> (accessed on 15.12.2022).
- Mackenzie L., Miller J. (2017) Intercultural training in the United States military. KimY., McKay-Semmler K., (Eds.) *International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- McCloskey M., Grandjean A., Behymer K., Ross K. (2010) *Assessing the Development of Cross-Cultural Competence in Soldiers*. Technical Report No. 1277. Arlington, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences.
- Melnikas B., Tumalavičius V., Šakočius A., Bileišis M., Ungurytė-Ragauskienė S., Giedraitytė V., Prakapienė D., Guščinskienė J., Čiburienė J., Dubauskas G., Dudzevičiūtė G. (2020) *Saugumo iššūkiai: vadybos tobulinimas*. Kolektyvinė monografija. Vilnius: Generolo Jono Žemaičio Lietuvos karo akademija. Available: <https://etalpykla.lituanistikadb.lt/object/LT-LDB-0001:B.03~2020~1655826791638/B.03~2020~1655826791638.pdf> (accessed on 15.12.2022). (In Lithuanian)

- Miller J., Tucker J. (2015) Addressing and assessing critical thinking in intercultural contexts: investigating the distance learning outcomes of military leaders. *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 48, pp. 120–136. Available: <https://coek.info/pdf-addressing-and-assessing-critical-thinking-in-intercultural-contexts-investigati.html> (accessed on 15.12.2022).
- Ministry of National Defence of Lithuania. (2013) *Lietuvos kariinių pajėgų rengimo doktrina*, D-LK-07 (patikslinta redakcija), patvirtinta Lietuvos kariuomenės vado 2013 m. balandžio 4 d. įsakymu Nr. V-376, 2013. (In Lithuanian)
- Ministry of National Defence of Lithuania. (2016a) *Lietuvos karinė strategija* patvirtinta Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministro 2016 m. kovo 17 d. įsakymu Nr. V-252. Available: <https://kam.lt/wp-content/uploads/2022/03/karine-strategija-LT-2016.pdf> (accessed 15.12.2022). (In Lithuanian)
- Ministry of National Defence of Lithuania. (2016b) *Lietuvos karinė doktrina* patvirtinta Lietuvos kariuomenės vado 2016 m. balandžio 22 d. įsakymu Nr. V-570. Available: <https://kam.lt/wp-content/uploads/2022/03/Lietuvos-karine-doktrina-2016.pdf> (accessed 15.12.2022). (In Lithuanian)
- Newson R. (2020) *Navy SEALS – Crossing Cultures: Cross-Cultural Competence and Decision Styles*. Dissertation No. 177. Available: <https://digital.sandiego.edu/dissertations/177> (accessed 15.12.2022).
- Norvilienė A. (2014) Tarpkultūrinės studentų kompetencijos ugdymo(si) veiksniai. *Socialinis ugdymas*, Vol. 38, No. 2, pp. 40–55. Available: https://www.researchgate.net/publication/282993232_Tarpkulturines_studentu_kompetencijos_ugdymosi_veiksniai (accessed 15.12.2022). (In Lithuanian)
- O’Conor A., Roan L., Kushner K., Metcalf K. (2010) *Cross-Cultural Strategies for Improving the Teaching, Training, and Monitoring Skills of Military Transition Team Advisors*. Technical Report No. 1264. Arlington, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioural and Social Sciences.
- Olar P. (2021) Directions of training and development of intercultural communication competence of the Romanian military personnel participating in stability and support operations. *Proceedings of the 17th International Scientific Conference Strategies XXI*, Vol. 17, No. 1, pp. 244–250. DOI: <https://doi.org/10.53477/2668-2001-21-30>.
- Paurienė G. (2011) Tarpkultūrinė kompetencija ir jos ugdymas pareigūnų rengime. *Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka*, Vol. 5, pp. 114–128. Available: <https://repository.mruni.eu/handle/007/14832?show=full> (accessed 15.12.2022). (In Lithuanian)
- Portera A. (2014) Intercultural competence in education, counselling and psychotherapy. *Intercultural Education*, Vol. 25, No. 2, pp. 157–174. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14675986.2014.894176>
- Prakapas R., Prakapienė D. (2020) Methodological approaches to measuring intercultural competence. Bekesiene S., Hošková-Mayerová S. (Eds.) *Abstracts of the 2nd International Conference and Live Firing Show (LFS) “Challenges to National Defence in Contemporary Geopolitical Situation (CNDCGS ’2020)”, March 31 – April 2, 2020*. Vilnius: Generolo Jono Žemaičio Lietuvos karo akademija, pp. 146–148. DOI: <https://doi.org/10.47459/cndcgs.2020.19>
- Rasmussen L., Sieck W., Duran J. (2016) *A Model of Culture-General Competence for Education and Training: Validation Across Services and Key Specialties*. Yellow Springs, OH: Global Cognition. Final Report. H9821D-13-C-0025. Available: <https://www.globalcognition.org/articles/rasmussen-GCTR16-cultural-competence-validation.pdf> (accessed 15.12.2022).
- Reid P., Steinke J., Mokuolu F., Trejo B. (2012) *A Proposed Developmental Sequence for Cross-Cultural Competence Training in the Department of Defense*. DEOMI Technical Report

- No. 01-12. Washington, D.C. Available: https://www.defenseculture.mil/Portals/90/Documents/Research/Publications/TECR_01-12-Prop_Dev_Seq_for_3C_Trng_DoD-20191106.pdf (accessed 15.12.2022).
- Rodman J. (2015) *Cross-Cultural Competence: Review of Assessment Methodology and Available Assessment Tools*. Fort Leavenworth, KS: Mission Command – Capabilities Development and Integration Directorate (CDID). Available: <http://cgsc.contentdm.oclc.org/cdm/ref/collection/p16040coll2/id/12> (accessed 15.12.2022).
- Selmeski B. (2007) *Military cross-cultural competence: core concepts and individual development*. Royal Military College of Canada, Centre for Security, Armed Forces & Society, Occasional Paper Series, No. 1. Available: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/AFCLC/documents/research/selmeskimay2007.pdf?ver=2018-09-24-1111746-187> (accessed 15.12.2022).
- Spitzberg B., Changon G. (2009) Intercultural competence. Deardorff D. (Ed.) *The SAGE Handbook of Intercultural Competence*. Oaks: SAGE publications, pp. 2–52. Available: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_7764/objava_67219/fajlovi/Interkulturalna%20kompetencija.pdf (accessed 15.12.2022).
- Virgailaitė-Mečkauskaitė E. (2011) *Tarpkultūrinės kompetencijos ugdymas aukštojo mokslo internacionalizacijos kontekste (magistrantūros studijų aspektas)*. Daktaro disertacija. Šiaulių universiteto leidykla. Available: <https://www.lituanistika.lt/content/42788> (accessed 15.12.2022). (In Lithuanian)
- Watson J. (2014) *The Role of Language Proficiency in Cross-Cultural Competence: A Fundamental Key to Intercultural Effectiveness in Military Personnel*. Position Paper. West Point, NY: Center for Languages, Cultures, and Regional Studies at U.S. Military Academy.
- Wolff F., Borzikowsky C. (2018) Intercultural competence by international experiences? An investigation of the impact of educational stays abroad on intercultural competence and its facets. *Journal Cross Cultural Psychology*, Vol. 49, pp. 488–514, DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022118754721>
- Žotkevičiūtė A. (2014) The manifestation of cultural awareness of military personnel participating in international operations. *Lithuanian Annual Strategic Review 2013–2014*, Vol. 12, No. 1, pp. 245–274. DOI: <https://doi.org/10.2478/lasr-2014-0011>
- Žotkevičiūtė-Banevičienė A. (2018) Modern practice of military cultural awareness: Lithuania among the great powers. *Lithuanian Annual Strategic Review 2017–2018*, Vol. 16, pp. 85–123. DOI: <https://doi.org/10.2478/lasr-2018-0005>
- Žydžiūnaitė V., Lepaitė D., Bubnys R., Čepienė A. (2013) *Tarpkultūrinės kompetencijos ugdymo(si) metodologija: metodinė priemonė*. Vilnius. (In Lithuanian)

TIESĪBZINĀTNE

Анатолий Кривиных, Мариана Петрова, Марин Маринов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРОЗРАЧНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(5\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(5))

Для цитирования: Кривиных А., Петрова М., Маринов М. (2022) Обеспечение принципа прозрачности публичных закупок: опыт Европейского Союза. *Sociālo zinātņu vēstnesis / Вестник социальных наук*, 35(2): 96–114. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(5\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(5))

For citation: Krivins A., Petrova M., Marinov M. (2022) Ensuring the principle of transparency in public procurement: the experience of the European Union. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 96–114. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(5\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(5))

Предсказуемая и стабильная правовая среда является одним из основных факторов, учитываемых в процессе государственного управления. Вопросы повышения эффективности публичных закупок актуальны во всём мире – как на муниципальном, так и на государственном уровне. Современные публичные закупки претерпевают серьёзные изменения – глобальная пандемия сильно повлияла на различные аспекты жизни и изменила ситуативное поведение в государственном и муниципальном секторах. Цель статьи – проанализировать принцип прозрачности публичных закупок во всей его многогранности, оценить преимущества и недостатки опыта Европейского Союза на всех этапах закупочной процедуры. В статье используется системный подход и метод сравнительного анализа. Сравнив способы обеспечения прозрачности публичных закупок в Европейском Союзе и в США, Китае, Индии, Бразилии, Индонезии, Грузии, авторы пришли к выводу о том, что, независимости от используемых подходов, основной предпосылкой обеспечения качественных улучшений является политическая воля. В странах Европейского Союза гражданское общество весьма болезненно воспринимает любое снижение уровня прозрачности даже чрезвычайных публичных закупок в условиях пандемии. Авторы полагают, что предложенные ими решения – в том числе прозрачность вопросов администрирования выполнения контракта, замены персонала и замены подрядчиков, а также прозрачность цепочки субподрядчиков – найдут позитивный отклик в европейском обществе. Общемировые тенденции электронизации имеют позитивный эффект и в Европейском Союзе, однако этот эффект может стать ещё более ощутимым, если будет найдена возможность публичного доступа к заявкам, поданным в рамках публичных закупок, – принцип прозрачности должен налагать обязательства не только на организаторов публичных закупок, но и на их участников. Результаты исследования имеют практическое значение и могут быть использованы как специалистами в области публичных закупок, так и практическими настроенными теоретиками. Опыт Европейского Союза может быть интересен транснациональным объединениям – федерациям, конфедерациям, содружествам. Однако следует учитывать, что абсолютная унификация прозрачности публичных закупок на национальном уровне даже в рамках Европейского Союза вряд ли будет возможна в обозримом будущем.

Ключевые слова: публичные закупки, принцип прозрачности, Европейский Союз, государственное и муниципальное управление.

Pārskatāmības principa nodrošināšana publiskajos iepirkumos: Eiropas Savienības pieredze

Paredzama un stabila tiesiskā vide ir viens no pamatfaktoriem, kas tiek ķemts vērā valsts pārvaldes procesā. Publisko iepirkumu efektivitātes uzlabošanas jautājumi ir aktuāli visā pašaulē – gan pašvaldību, gan valsts limenī. Mūsdieni publiskajos iepirkumos ir notikušas nopietnas pārmaiņas – globālā pandēmija plaši ietekmējusi dažadas dzīves dimensijas un mainījusi norises publiskajā sektorā. Raksta mērķis ir analizēt publisko iepirkumu *pārskatāmības* principu visā tā daudzdimensionalitātē, izvērtēt Eiropas Savienības pieredzes priekšrocības un trūkumus visos iepirkuma procedūras posmos. Rakstā ir izmantota sistēmiskā pīeja un salīdzinošās analīzes metode. Salīdzinot publisko iepirkumu *pārskatāmības* nodrošināšanas metodes Eiropas Savienībā un ASV, Ķīnā, Indijā, Brazīlijā, Indonēzijā, Gruzijā, autori secinājuši, ka neatkarīgi no izvēlētajām pīejām, galvenais priekšnoteikums kvalitatīvu uzlabojumu nodrošināšanai ir politiskā griba. Eiropas Savienībā pilsoniskā sabiedrība ir ļoti jutīga pret jebkādu *pārskatāmības* līmena samazināšanos – arī attiecībā uz ārkārtas publisko iepirkumu pandēmijas laikā. Autori uzskata, ka viņu piedāvātie risinājumi – tostarp liguma administrēšanas *pārskatāmība*, personāla nomaiņa un darbuzņēmēju nomaiņa, kā arī pārskatāmība apakšuzņēmēju kēdē – Eiropas sabiedrībā tiks uztverti pozitīvi. Elektronizācijas tendences visā pasaulē pozitīvi ietekmē arī Eiropas Savienību, taču šis efekts var kļūt vēl pamanāmāks, ja būs iespējams nodrošināt atklātu pieķļuvi publisko iepirkumu ietvaros iesniegtajiem piedāvājumiem. Pētījuma rezultātiem ir praktiska nozīme, un tos var izmantot gan publisko iepirkumu jomas speciālisti, gan pragmatiski noskaņotie teorētiķi. Eiropas Savienības pieredze var ieinteresēt arī transnacionālas asociācijas – federācijas, konfederācijas, sadraudzības. Taču jāņem vērā, ka absolūta publisko iepirkumu *pārskatāmības* unifikācija nacionālajā limenī pat Eiropas Savienības ietvaros tuvākajā nākotnē diez vai būs iespējama.

Atslēgvārdi: publiskie iepirkumi, pārskatāmības princips, Eiropas Savienība, valsts un municipālā pārvalde.

Ensuring the principle of transparency in public procurement: experience of the European Union

A predictable and stable legal environment is one of the basic factors considered in the public administration process. The issues of improving the efficiency of public procurement, are relevant all over the world, both at the municipal and the national levels. Modern *public* procurements have been undergoing serious changes – global pandemic has extensively affected various dimensions in life and changed situation behavior in public sector. The purpose of the article is to analyze the principle of transparency in public procurement in all its multidimensional, to assess the advantages and disadvantages of the experience of the European Union at all stages of the procurement procedure. The article uses a systematic approach and the method of comparative analysis. Comparing the methods of ensuring transparency in public procurement in the European Union and in the USA, China, India, Brazil, Indonesia, Georgia, the authors concluded that regardless of the approaches chosen, the main prerequisite for ensuring qualitative improvements is political will. In the European Union, civil society is very sensitive to any reduction in the level of transparency, even for emergency public procurement in a pandemic. The authors believe that the solutions they have proposed – including transparency in the administration of the contract, replacement of personnel and replacement of contractors, as well as transparency in the chain of subcontractors – will find a positive response in European society. The global trends in electronization are also having a positive effect in the European Union, but this effect may become even more visible if it is possible to allow open access to

tenders submitted in the framework of public procurement. The article is of practical significance and can be used by specialists in the field of public procurement and theorists moved by a pragmatic concern. The experience of the European Union may be of interest to transnational associations – federations, confederations, commonwealths. However, it should be considered that the absolute unification of the transparency of public procurement at the national level, even within the European Union, is unlikely to be possible in the foreseeable future.

Keywords: public procurement, principle of transparency, European Union, state and municipal management.

Введение

Одной из значимых сфер государственного и муниципального управления является процесс расходования бюджетных средств – приобретения товаров, услуг и строительных работ. Публичные закупки – важный сегмент для любой страны мира. Масштабы глобального рынка публичных закупок весьма значительны – по данным Всемирного Банка публичные закупки составляют в среднем от 13% до 20% внутреннего валового продукта (World Bank 2020), в том числе в Европейском Союзе – более 14% внутреннего валового продукта (European Comission 2021).

В данной статье термином “публичная закупка” (англ.: *public tendering, public procurement, government procurement*) обозначен процесс приобретения публичным сектором товаров, услуг и строительных работ. Следует обратить внимание на то, что понятие публичной закупки и государственной закупки (госзаказа) тесно связаны, но не тождественны. Номинальный объём понятия “публичная закупка” шире понятия “государственная закупка” за счёт заказов самоуправлений (муниципалитетов), а также других субъектов, которым государство делегировало часть своих функций. Но, поскольку любая публичная закупка связана с понятием государственности, в дальнейшем изложении текста авторы будут использовать эти понятия, как синонимы.

Тема публичных закупок актуальна во всём мире – в последние годы этот дискурс концентрируется вокруг определённых кластеров – во-первых, вопросов трансформации и улучшения систем публичных закупок как в Европейском Союзе (Bovis 2020), так и в других странах Европы, например, в Швейцарии (Mabillard, Zumofen 2020), Великобритании (Jones 2021; Dawar 2018), Норвегии (Wiik, Flyen 2020); как в США и Австралии (Alanzi 2021; Dixon 2021), так и в Индии, Бразилии (Križić 2021; Laikram, Pathak 2021), Саудовской Аравии (Al-Yahya, Panuwatwanich 2018), а также в государствах Африки (Aboelazm 2018; Asuquo, Lashinde 2021; Yuhertiana, Izaak 2020).

Вторым актуальным направлением является электронизация публичных закупок (Alzamil, Vasarhelyi 2019; Anstis 2021; Pitso et al. 2018; Prier et al. 2018; Soong et al. 2020). Третья, сравнительно узкая, но весьма актуальная повестка – прозрачность публичных закупок во времена пандемии (Farca, Drago 2020; Leyn 2020; Kohler, Wright 2020).

Кроме того, достаточно много работ посвящено системам публичных закупок отдельных государств-членов Европейского Союза – например, Германии и

Чехии (Kunz et al. 2020), Румынии и Польши (Farca et al. 2019) Испании (Beltrán-Orenes, Martínez-Pastor 2019), Португалии (Viana et al. 2021) и другие.

Анализ массива этих свежих, полновесных научных статей показывает, что ни одна из них не обходится без ссылки на принцип прозрачности в публичных закупках, без осознания необходимости эту прозрачность обеспечивать. Доступны читателям и работы, более тесно связанные с принципом прозрачности, чаще всего рассматривая его в контексте борьбы с коррупцией (см, например, Kohler, Dimancesco 2020; Prébissy-Schnall 2020; Weingärtner et al. 2021; Vilks, Kipane 2019; Wierzyńska et al. 2020; Krivins 2018; Yustiarini, Soemardi 2020), в контексте отдельных государств и регионов (Kirn et al. 2019; Gabriel, Castillo 2020; Nebot, Dias 2020) или в контексте отдельных, специфических вопросов – математического моделирования (Jurčík 2018), участия частного сектора (Samuels 2021), электронных закупок (Aminah et al. 2018) или расходов центрального правительства (Rahal 2019).

В свою очередь, цель данной статьи – проанализировать принцип прозрачности публичных закупок во всей его многогранности, оценить преимущества и недостатки опыта Европейского Союза на всех этапах закупочной процедуры. В статье используется системный подход и метод сравнительного анализа, с опорой как на анализ нормативных правовых актов и научных источников, так и на практический опыт проведения публичных закупок согласно нормам Европейского Союза.

Анализ теоретических аспектов принципа прозрачности

Необходимо подчеркнуть, что публичные закупки регулирует конгломерат взаимосвязанных и взаимозависимых принципов, осуществление которых при отсутствии принципа прозрачности было бы поставлено под сомнение. Например, принцип эффективного использования государственных и муниципальных средств (обеспечение максимальной экономической выгоды для потребителя) основывается не только на обеспечении более оптимального соотношения “цена / качество”, которое поддерживается принципом свободной конкуренции, но и на наиболее экономичной организации закупок – использовании минимально возможных ресурсов для процесса закупки, заключения публичных контрактов и контроль исполнения контрактов – которая возможна лишь в условиях прозрачности. Без надлежащей прозрачности было бы весьма затруднено и соблюдение принципа снижения потенциальных рисков закупающей организации (включая риски, связанные с ошибками в процедуре закупки, риски, связанные с несоответствием рыночных поставок потребностям клиента, риски, связанные с увеличением затрат и качество при исполнении и т.д.).

На указанных примерах можно убедиться, что принцип прозрачности позволяет обеспечить не только надлежащую конкуренцию, но и своевременный контроль, предотвратить возможную коррупцию. Например, обеспечивая прозрачность на этапе разработки документации о закупке (техническая спецификация, критерии оценки, требования к отбору претендентов, другие требования), можно в определенной степени предотвратить возможные коррупционные действия.

Обращаясь к опыту Европейского Союза, авторы отмечают, что на передний план выходит приверженность мотиву эффективности – что подтверждают три ныне действующих директивы, регулирующих публичные закупки (European Parliament, European Council 2014a, 2014b, 2014c). Например, Директива от 26 февраля 2014 года № 2014/24/EU Европейского парламента и Совета Европейского Союза “О публичных закупках и об отмене Директивы 2004/18/EU” (European Parliament, European Council 2014b) в большой степени повторяя принципы, установленные в предыдущей директиве 2004/18/EU – свободное перемещение товаров, свободное создание и свободное перемещение услуг и вытекающие из них принципы, такие как равные возможности, недискриминация, взаимное признание, соразмерность и прозрачность (англ.: *transparency*) – дополнительно гораздо более глубже раскрывает практические цели, ожидаемые результаты: достичь разумного, устойчивого и инклюзивного роста, обеспечивая при этом наиболее эффективное использование средств публичного сектора.

Авторы полагают, что этот подход является продуманным и взвешенным. В самом деле, для чего же обязывать чиновников соблюдать принцип прозрачности публичных закупок, если обязанность эта не служит никакой практической цели? На это можно возразить, что достаточно уже и того, что прозрачность поддерживает конкуренцию. Но и принцип свободной конкуренции ценен не сам по себе, как идея, а прежде всего своими практическими результатами – корректным расходованием публичных средств. В свою очередь угрозу неэффективного расходования несет не только отсутствие конкуренции, но и проявления коррупции. Принцип прозрачности – как никакой другой – уменьшает обе эти угрозы одновременно. Именно в таком ключе взаимосвязанности и взаимозависимости принцип прозрачности будет рассмотрен в настоящей статье.

Вопросы повышения эффективности управления бюджетом, в том числе в контексте повышения эффективности государственных закупок актуальны во всем мире, как на муниципальном уровне (Marinov 2010), так и на общегосударственном уровне. Еще более актуальным этот вопрос становится в свете глобальной пандемии и реакции на нее в рамках межправительственных отношений (Oliveira et al. 2021). Нет сомнений в том, что эффективность государственных расходов напрямую связана с эффективностью процесса финансирования всех государственных функций, включая государственные закупки. Кроме того, применение U-критерия Манна-Уитни (англ.: *Mann Whitney U test*) и критерия Краскела-Уоллиса (англ.: *Kruskal-Wallis test*) доказало отсутствие существенной разницы в соблюдении практики прозрачности доступа к информации и принятии решений (Gabriel, Castillo 2020).

Однако, на то, как структуры управления функционируют для обеспечения оптимального соотношения цены и качества в публичных закупках, влияет не только нормативное регулирование, но и социокультурная среда (см. напр. Aboelazm 2018). К примеру, движение в сторону прозрачности и электронизации публичных закупок наблюдаются не только в Европейском Союзе и США, но и во многих государствах Азии, Африки, Южной Америки – уже с 90-х годов 20 века в Бразилии, Индии и Китае были приняты положения о государственных закупках, повышающие прозрачность, в соответствии с международными нормами.

Тем не менее, даже сравнительно недавно модернизированное регулирование весьма неоднородно (Križić 2021) и не унифицировано. Кроме того, различными могут быть и результаты электронизации. Например, в Китае единый официальный сайт для размещения информации о публичных закупках действует с 2012 года, а в Бразилии подобный портал действует с 2001 года. Однако, сам по себе этот факт нейтрален – следует принять во внимание содержание и качество публикуемой информации. Исследователи, изучавшие уровень прозрачности в 211 муниципалитетах северного региона Бразилии, пришли к выводу, что информация была очень обширной, но чрезмерно формальной, забюрократизированной. Также не уделялось должное внимание информации, позволяющей гражданам контролировать управление местными органами власти (Nebot, Dias 2020). Определённые факторы (такие, например, как несоответствие данных), препятствующие прозрачности системы, наблюдались и в Казахстане (Dairabayeva et al. 2021).

Как уже было отмечено выше, цель принципа прозрачности – не в том, чтобы удовлетворять праздное любопытство общества или участников рынка, а в том, чтобы обеспечить как конкуренцию, так и контроль разного уровня. Актуальные исследования (Mabillard, Zumofen 2020), показывают, что связь между подотчетностью и прозрачностью может быть двунаправленной, и подчеркивают важность как характера, так и качества информации. В этом контексте прозрачность – не самоцель, а лишь средство достижения более важной цели – повышения эффективности расходов публичного сектора. Напротив, любые ограничения прозрачности информации, минимизируя конкуренцию, снижают шансы получить лучшее предложение, сэкономить публичные ресурсы, получить продукт или услугу самого высокого качества.

Гражданское общество весьма болезненно воспринимает снижение уровня прозрачности даже для чрезвычайных публичных закупок в условиях пандемии. Например, в Испании, Королевский декрет № 463/2020 от 14 марта 2020 вызвал приостановку некоторых административных процедур и привёл к требованиям журналистов обеспечить прозрачность в процедурах чрезвычайных публичных закупок (Leyn 2020). Пандемия повысила коррупционное давление на публичные закупки (Kohler, Wright 2020), и эта сфера по-прежнему требует соразмерных ответных мер политики.

С другой стороны, не все закупки демонстрируют одинаковый уровень прозрачности – например, в рамки директив Европейского Союза свободно укладываются многие исключения. Хотя в данной статье не анализируются исключения как таковые, но считаем уместным высказать два соображения. Во-первых, было бы логичным воздерживаться от расширительного толкования любых исключений, если цель такого толкования – желание необоснованно избежать прозрачности и конкурентности. Например, в случае, если государство или самоуправление влияет на проектирование частного здания с целью в дальнейшем использовать его для своих нужд, исключение, относящееся к приобретению недвижимого имущества должно применяться, иначе оно будет лишь прикрытием отсутствия стандартной закупочной процедуры (*Court of Justice of the European Union* 2021a).

Во-вторых, не следует считать, что, исключив планируемый контракт из сферы действия Директив публичных закупок, авторы автоматически исключают его из сферы действия принципа прозрачности. Безусловно, степень прозрачности в этом случае заметно снижена (особенно для общества как такового) но, в целях обеспечения контроля и подотчётности, доступ к информации для контролирующих органов будет обеспечен иными механизмами, которые выходят за рамки предмета данного исследования.

Авторы сочли уместным проанализировать механизм прозрачности публичных закупок Европейского Союза на примере открытого конкурса, проводимого согласно Директиве 2014/24/EU, при этом здесь и далее анализ ориентирован именно на классический открытый конкурс, поскольку он обеспечивает максимальную степень прозрачности – как относительно накопления (фиксирования) информации, так и относительно обеспечения информационного потока.

Прежде, чем авторы приступят к анализу принципа прозрачности, необходимо выделить последовательные этапы публичной закупки, что позволит рассмотреть проблему более детально. Для достижения цели данной статьи авторы выделяют пять условных этапов публичной закупки: 1) планирование публичной закупки и формулирование требований; 2) публикация уведомлений и разъяснений; 3) открытие и оценивание предложений, в том числе запрос дополнительной информации; 4) информирование о результатах и процедура их оспаривания; 5) администрирование выполнения контракта.

Исследование практических аспектов принципа прозрачности в публичных закупках

В Европейском Союзе закупки не должны разделяться для исключения их из сферы действия директив, если для этого нет объективных причин. В этой связи, проводимый расчёт оценочной стоимости закупки (англ.: *value of procurement*) должен основываться на общей сумме к оплате без НДС, представленной организацией-заказчиком, включая любую форму опциона и любые возобновления контрактов. Подобный подход подразумевает необходимость корректно действовать при решении определённых вызовов. Например, с одной стороны, если организация-заказчик состоит из отдельных структурных подразделений (англ.: *operational units*), учитывается общая оценочная стоимость контракта для всех этих подразделений. С другой стороны, несмотря на это требование, если отдельное структурное подразделение несёт независимую ответственность за свои закупки или их определённые категории, стоимость контракта может быть оценена на уровне рассматриваемого подразделения. Аналогичные вопросы при определении ориентировочной цены контракта могут возникать и относительно географического принципа и, например, источника финансирования.

В любом случае, выбор метода, используемого для расчёта оценочной стоимости закупок, не должен производиться с намерением исключить их из сферы действия директив, поскольку выбор несоответствующей процедуры закупок или

полное неприменение положений о публичных закупках является одним из наиболее серьёзных нарушений, ведь одна из основных задач планирования закупок – не допустить необоснованного разделения закупок. Эффективный контроль соблюдения этого требования возможен лишь при информационной прозрачности – публикации не только плана закупок, но и постатейной публикации бюджета конкретной организации или структурного подразделения, а также публикации отчётности о предыдущих периодах планирования.

Относительно предварительного информирования о планах заказчика, Директива 2014/24/EU устанавливает лишь такую возможность, но не обязанность, – закупающие органы могут сообщить о своих предполагаемых закупках, заблаговременно опубликовав предварительное информационное уведомление (European Parliament, European Council 2014b). В свою очередь, вопросы опубликования плана закупок, как правило, оговариваются в национальных нормативных правовых актах. Следует отметить, что *CPV* (“Общий словарь закупок”) был разработан Европейским Союзом в 2002 году для облегчения обработки уведомлений о контракте, публикуемых в Официальном журнале Европейского Союза, посредством единой системы классификации для описания предмета публичных контрактов.

Кроме того, в соответствии с принципом прозрачности, перед началом закупки закупающая организация может опубликовать уведомление о консультации с экономическими операторами до начала закупки с целью исследования рынка, определения круга потенциальных участников публичной закупки, объективного определения прогнозируемой цены контракта, а также с целью уменьшения количества вопросов, связанных с требованиями, установленными в закупочной документации.

Все названные виды предварительного информирования позволяет потенциальным участникам заблаговременно подготовиться к закупке – например, детально изучить потребности клиента, заранее посетить объект и т.д. Однако следует отметить, что к предварительной информации необходимо обеспечить равный доступ. Например, информирование лишь одного и, следовательно, игнорирование других экономических субъектов грубо нарушает не только принцип прозрачности, но и многие другие (в том числе принцип равного и справедливого отношения к экономическим субъектам и принцип свободной конкуренции). Нужно принять во внимание и то, что многие решения, оказывающие влияние на конкуренцию, хотя и принимаются на этапе планирования (например, объединение различных товаров или услуг в единый предмет закупки), окажутся в открытом доступе лишь на этапе объявления закупки.

При проведении публичных закупок потенциальные участники должны быть проинформированы о предмете закупки, требованиях к участникам, о критериях оценки предложений и многих других моментах. Публикация “правил игры” – требований к участникам и административная информация о процессе конкретной публичной закупки – является одним из важнейших этапов обеспечения прозрачности публичных закупок в любой стране мира.

В Европейском Союзе уведомления о контракте (англ.: *contract notices*) представляются в стандартных формах и публикуются не позднее, чем через пять дней

после их отправки. На данном этапе публичной закупки именно прозрачность позволяет вовремя констатировать и оспорить многие проблемные вопросы, в том числе техническую спецификацию, квалификационные требования и проект публичного контракта. Обеспечение принципа прозрачности позволяет минимизировать основные риски на этапе разработки закупочной документации – при этом, минимизировать как ошибки по незнанию, так и злонамеренные ошибки. Интересной возможностью в этом смысле представляется методология обнаружения контента, связанного с подозрительными процедурами закупок, которая основывается на измерении релевантности извлечённых терминов и на хранении наиболее важной информации в реляционной структуре базы данных (Modrupan et al. 2020).

Обеспечивая прозрачность, необходимо заботиться не только о своевременности, но и о полноте публикуемой информации. Однако здесь возможны различные трактовки уровня прозрачности. С одной стороны, все требования, которым должны соответствовать предложения и порядок оценивания предложений должны быть указаны в закупочной документации. Кроме того, после подачи предложений этим, ранее установленным, требованиям и критериям нельзя придавать новый смысл (*Court of Justice of the European Union* 2005b, 2008). С другой стороны, презумпция превентивного раскрытия критериев оценки не является исчерпывающей – например, методологию (разъяснение диапазона оценок критериев) можно определить и после окончания сроков подачи предложений – но только в том случае, когда закупочная документация уже содержит удельный вес пунктов и конкретный диапазон оценивания (*Court of Justice of the European Union* 2008). Кроме того, в этом случае необходимо строго соблюдать три условия: 1) критерии оценки предложения, указанные в закупочной документации, остаются неизменными; 2) такая методика не включает элементы, которые могли бы повлиять на подготовку предложений, если бы они были известны на момент подготовки предложений; 3) такая методология не содержит элементы, которые могут дискриминировать одного из участников закупки (*Court of Justice of the European Union* 2005b). В публичных закупках важен не только факт предоставленной информации как таковой, но также объём и содержание предоставленной информации (*Court of Justice of the European Union* 2005a).

Хотя вышеупомянутое толкование права Европейского Союза Судом ЕС предоставляет закупающим органам некоторую свободу действий при публикации объяснения критериев оценки, авторы полагают, что закупающие органы должны публиковать как можно больший объём информации непосредственно в закупочной документации. Более того, эта информация не может генерироваться самовольно – например, критерии оценки должны быть связаны с предметом закупки (*Court of Justice of the European Union* 2002, 2003). Следует отметить, что обязанность исчерпывающе охарактеризовать предмет закупки вытекает не только из принципа прозрачности, но и из принципа равного и справедливого отношения к экономическим субъектам (*Court of Justice of the European Union* 2021b). Предоставляя информацию о требованиях, установленных в процедуре закупки, закупающие органы должны гарантировать, что эта информация будет идентична для

всех участников публичной закупки. Особенно актуально это для тех редких случаев, когда конкурсная документация не публикуется электронно, а выдается в бумажном виде.

Путь повсеместной электронизации, который в свое время избрал Европейский Союз, обеспечил свободный и немедленный доступ к большим объёмам информации и улучшил отслеживаемость; обеспечил надёжные и достоверные доказательства, которые могут потребоваться для разрешения споров, поскольку система фиксирует любые действия относительно опубликованной или поданной информации; на основании классификации *CPV* помогает предотвращать необоснованное разделение публичных закупок.

Необходимо отметить, что электронные закупки могут ограничить риск коррупции за счёт снижения монопольной власти должностных лиц и уменьшения асимметричной информации (Habiburgochman 2020). Например, правительство Индонезии, пытаясь бороться с коррупцией, включило электронные закупки в число стратегических программ (Aminah et al. 2018). Безусловно, уровень прозрачности, обеспечиваемый электронизацией, попутно снижает вероятность коррупции в публичных закупках (Krivins 2014). Однако, авторы не склонны переоценивать вклад электронизации, поскольку возможность сговора между участниками минимизируется, но не исключается. Более эффективно противозаконные проявления сдерживает уголовная ответственность – в том числе уголовная ответственность представителей частного сектора (Teivāns-Treinovskis et al. 2022).

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что этап публикации, разъяснений и оспаривания требований наиболее рельефно демонстрирует основополагающие характеристики прозрачности информации, которые характерны и для всех иных этапов публичных закупок: Своевременность, Доступность, Идентичность, Полнота (объём), Понятность (ясность и недвусмысленность), Обоснованность и Безвозмездность информации. Очевидно, что электронизация публичных закупок способна решить и успешно решает большинство из этих задач.

Авторы считают, что основной проблемой доступности и прозрачности информации на этапе публикации “правил игры” каждой конкретной закупки является то, что государства-члены Европейского Союза, публикуют информацию на национальных языках, имеют право не обеспечивать эту информацию переводом на какой бы то ни было иностранный язык. Проблема эта трудно устранима, хотя в последние годы появляются исследования возможностей межязыкового поиска документов на основе семантической “паутины” или *Semantic Web technologies* (Soylu et al. 2020).

Электронизация позволила исключить многие риски, которые были связаны с подачей предложений в бумажном виде – например, открытие поданных предложений ранее установленного срока; противозаконное разрешение исправлять, дополнять или заменять поданные предложения; нарушения в процессе открытия поданных предложений (например умышленное искажение предложенной суммы); нарушение правил хранения поданных предложений и утрата бумажных носителей и пр. Но, несмотря на эти очевидные успехи, по-прежнему продолжают оставаться актуальными риски нарушения принципа равенства и запрета дис-

криминации в процессе оценивания поданных предложений: по-прежнему остро стоит проблема честности и справедливости.

В этом контексте принцип прозрачности позволяет минимизировать возможность неравномерного обращения с участниками публичной закупки – например, таких проявлений, как тенденциозный отбор претендентов; исключение предложений по формальным причинам и из-за незначительных недостатков; необоснованное исключение приемлемых участников; необоснованное акцептирование предложений, не соответствующих требованиям; акцептирование необоснованно дешёвого предложения; неверное признание предложения необоснованно дешёвым; махинации с понятием “арифметическая погрешность” и пр.

Одновременно с этим следует отметить, что в Европейском Союзе поданные предложения вообще недоступны для других участников публичной закупки (в абсолютном смысле). Фактически, информация о предложении другого участника предоставляется лишь надзорным органам. Такая ситуация заметно усложняет подачу аргументированных жалоб на результаты публичной закупки, поскольку, не ознакомившись с поданным предложением, невозможно ни проверить и аргументированно доказать соответствие или несоответствие претендента квалификационным требованиям, ни решить вопрос о правильности исправления арифметических ошибок (если таковые имелись), ни аргументированно выявить необоснованно дешёвое предложение. В этом свете другие претенденты (и общество в целом) ограничены лишь общедоступной информацией, которая содержится в протоколах, отражающих ход отдельных этапов процедуры закупки и в опубликованном отчёте.

Проблему можно было бы решить, если бы поданные предложения после открытия процедуры закупки становились бы общедоступной информацией. За пределами Европейского Союза можно найти примеры такого подхода. Например, в Грузии сайт <http://procurement.gov.ge> содержит не только объявления о начале и результатах закупок, годовой план закупок, решения закупочной комиссии и протоколы закупок, результаты оценки поданных предложений, публичный контракт и поправки к публичному контракту, но также и предложения, поданные участниками публичной закупки.

Здесь можно наблюдать коллизию принципа прозрачности информации и принципа защиты данных (комерческой тайны, персональных данных). С одной стороны, у коммерсанта есть право требовать защиты коммерческой тайны, а также возмещения убытков, понесённых в результате незаконного разглашения или использования коммерческой тайны. С другой стороны, контракт, который заключён по результатам публичной закупки, подразумевает расходование общественных ресурсов. На сегодняшний день это противоречие урегулировано лишь отчасти – предусмотрено исключение для надзорных органов.

Авторы считают, что в этом отношении следует пойти дальше и обеспечить публичность поданных предложений, которые являются неотъемлемым элементом заключаемого публичного контракта. В этом отношении предложение должно находиться за пределами защиты коммерческой тайны, то есть не должно содержать описания производственных процессов или рецептов, технологий или алгоритмов, которые было бы необходимо защищать. Таким образом, публика-

ция поданного предложения не могла бы отрицательно повлиять на конкурентоспособность экономического субъекта, и ни одна из сторон, участвующих в процессе публичных закупок, не понесла бы убытков.

С другой стороны, публикация поданных предложений значительно увеличивает возможности других участников контролировать законность процесса закупок путём активации механизма оспаривания (или обжалования в суде); позволяет широкой общественности ознакомиться с параметрами, объёмом и ценами на товары, услуги или работы, закупаемые государственным сектором, т.е. для проверки полезности и эффективности публичного контракта, снижая риски коррупции в сфере публичных закупок. Уже сейчас компании, участвующие в публичных закупках, как правило, вынуждены демонстрировать более высокий уровень внешней и внутренней отчётности, следовательно, публичный сектор вносит свой вклад в формирование информационной среды компаний (Samuels 2021). Кроме того, любому экономическому субъекту нужно учитывать, что при подаче предложения в рамках процедуры закупки, он должен принять на себя определённые обязательства, в том числе обязательство предоставить информацию, запрошенную закупочной комиссией, если такой запрос должным образом обоснован.

Следует отметить, что принцип прозрачности подразумевает не только информирование о принятом решении как таковом, но и необходимость обосновать принятое решение. Например, если при оценке поданных предложений по отдельным критериям присуждаются баллы, закупочная комиссия должна обосновать, почему было присуждено соответствующее количество баллов в соответствующем подкriterии, т.е. указать недостатки или преимущества предложения, которые сыграли решающую роль при выборе баллов, – в противном случае невозможно проверить законность решения.

В данной ситуации информирование лишь о количестве присуждённых баллов является слишком абстрактной формой, чтобы претендент мог бы оценить её обоснованность (*Court of Justice of the European Union* 2011). В то же время, обязанность закупающей организации информировать участников о результатах процедуры закупки не может толковаться расширительно. Например, тот факт, что эта информация разделена на несколько документов (протоколы и приложения к ним) и не представлена в одном письме, не является нарушением, поскольку форма уведомления детально не регулируется – важно соблюсти саму суть информирования.

Кроме того, закупающие органы могут принять решение не раскрывать определённую информацию, если разглашение такой информации препятствовало бы соблюдению законов или общественных интересов, нанесло бы ущерб законным коммерческим интересам конкретного экономического субъекта или могло бы нанести ущерб честной конкуренции между экономическими субъектами. Здесь, кроме факта информирования, важна и своевременность информирования. Заказчик должен выбирать способ отправки документов, который обеспечивает получение информации адресату в кратчайшие сроки. Если для обмена информацией используются электронные средства, следует выбирать те, которые являются общедоступными и совместимыми с широко используемыми ин-

формационными и коммуникационными технологиями, чтобы избежать возможности дискриминации участников на этой основе. Таким образом, почтовые отправления, несмотря на то, что они являются законным видом информирования, не всегда обеспечивают своевременность информирования.

Принцип прозрачности на этапе оспаривания в надзорном органе и обжалования в суде связан, главным образом, со сроками выдачи протоколов заседаний закупочной комиссии. Сроки выдачи текстов протоколов должны быть минимизированы, что обеспечит более эффективное оспаривание и снижение вероятности возможного ущерба. Хотя во многих государствах-членах Европейского Союза этот срок составляет всего несколько дней, однако более правильным авторы находят подход, который обязывал бы закупающие организации публиковать все протоколы в свободном электронном доступе уже в день принятия решения, даже без отдельного запроса.

Основные механизмы обеспечения прозрачности на этапе администрирования и выполнения контракта – публикация уведомления о присуждении контракта, опубликование подписанного контракта, опубликование изменений, вносимых в подписанный контракт. Согласно результатам процедуры закупки, после заключения контракта закупающие органы направляют для публикации стандартизованное уведомление о присуждении контракта (англ.: *Contract award notice*). В свою очередь, опубликование подписанного контракта позволяет проконтролировать его соответствие тексту ранее опубликованного проекта контракта. Опубликование изменений, вносимых в подписанный контракт, позволяет убедиться, что эти изменения не противоречат принципам публичных закупок, поскольку изменения в уже заключённом контракте не должны изменять общий характер контракта и не должны вступать в противоречие с проектом контракта, который был опубликован в составе закупочной документации. К таким случаям относятся ситуации, когда изменения в контракте (англ.: *Modification of contracts*) или рамочного соглашения в течение срока его действия привели бы к тому, что контракт стал бы существенно отличаться по характеру от первоначально заключённого.

В контексте принципа прозрачности, весьма важными вопросами администрирования выполнения контракта, по мнению авторов, является замена персонала и замена подрядчиков. Во всех случаях, когда качество персонала имеет важное значение для выполнения контракта, контрактирующие органы должны обеспечить не только то, что персонал действительно соответствует установленным требованиям, но и то, что такой персонал может быть заменён только с согласия закупающего органа.

Важно, чтобы компетентные органы – такие, как органы инспекции труда или агентства по охране окружающей среды, – обеспечивали, в соответствии со своими обязанностями и сферой, соблюдение субподрядчиками обязательств по экологическому, социальному и трудовому законодательству. Также существует потребность в прозрачности цепочки субподрядчиков, поскольку она предоставляет заказчикам информацию о том, кто выполняет работы на объекте. Любое государство-член Европейского Союза имеет возможность предусмотреть дополнительные меры – такие, как расширение объёма обязательств по обеспечению прозрачности (например, разрешение прямых платежей субподрядчикам).

Выводы

Принцип прозрачности является одним из краеугольных камней публичных закупок, который влияет на обеспечение легитимности, конкуренции и информирования общественности. Авторы убеждены, что принцип прозрачности нельзя рассматривать в отрыве от иных принципов проведения публичных закупок. Для выполнения этих концептуальных задач важно соблюдать основополагающие характеристики прозрачности информации, которые характерны для всех без исключения этапов публичных закупок: Своевременность, Доступность, Идентичность, Полнота (объём), Понятность (ясность и недвусмысленность), Обоснованность и Безвозмездность информации. Впрочем, следует учитывать, что с течением времени содержание принципа прозрачности меняется и будет меняться в дальнейшем.

Результаты проведённого анализа показывают, что не все закупки демонстрируют одинаковый уровень прозрачности – например, в рамках директив Европейского Союза свободно укладываются многие исключения. Кроме случаев, когда прямое действие принципа прозрачности информации не распространяется на некоторые исключения (например, контракты, в отношении которых информация была объявлена государственной тайной, или в тех случаях, когда раскрытие информации может нанести ущерб защите основных национальных интересов), закупающие органы должны стремиться обеспечить как можно более широкое соблюдение принципа прозрачности – например, публиковать как можно больший объём информации непосредственно в закупочной документации, публиковать протоколы заседаний закупочной комиссии в свободном электронном доступе в день принятия решения. Такой подход уравновесит интересы клиентов, экономических субъектов и общественности.

Сравнивая методы обеспечения прозрачности публичных закупок в Европейском Союзе и в США, Китае, Индии, Бразилии, Индонезии, Грузии, авторы делают вывод, что независимо от избираемых подходов, основной предпосылкой обеспечения качественных улучшений является политическая воля. Соответственно, когда политическая воля отсутствует или слишком слаба, имеющиеся механизмы не могут функционировать должным образом и остаются декларативными.

Результаты исследования позволяют также сделать вывод о том, что в государствах-членах Европейского Союза, где прозрачность оценивается, главным образом, сквозь призму эффективности публичных закупок, гражданское общество весьма болезненно воспринимает любое снижение уровня прозрачности – даже для чрезвычайных публичных закупок в условиях пандемии. Исходя из этого, авторы полагают, что предложенные ими решения – в том числе прозрачность вопросов администрирования выполнения контракта, замена персонала и замена подрядчиков, а также прозрачность цепочки субподрядчиков – найдут позитивный отклик в европейском обществе.

Проведённый анализ затронул и специфический вопрос борьбы с коррупцией. Принимая во внимание то, что цель принципа прозрачности состоит не в удовлетворении праздного любопытства общества или участников рынка, а в том, чтобы

обеспечить как конкуренцию, так и контроль на разных уровнях, авторы связывают прозрачность сумнепением возможности коррупционных действий, снижением рисков коррупции. Однако авторы не склонны переоценивать вклад электронизации в этом отношении, поскольку при электронизации процедуры закупки возможность сговора между участниками минимизируется, но не исключается.

Общемировые тенденции электронизации процедуры закупки имеют позитивный эффект и в Европейском Союзе, однако этот эффект может стать еще более здравым, если будет найдена возможность разрешить публичный доступ к предложениям, поданным в рамках публичных закупок – принцип прозрачности должен налагать обязательства не только на организатора публичной закупки, но и на её участников.

Европейский Союз, в контексте общемировых тенденций, улучшает и дорабатывает нормативные правовые акты, чтобы обеспечить наиболее прозрачный и эффективный процесс публичных закупок, обеспечивая соблюдение общих подходов в правоприменении не только директив, но и решений Суда Европейского Союза. Этот опыт может быть интересен транснациональным объединениям – федерациям, конфедерациям, содружествам. Однако любое государство имеет свои особенности, поэтому абсолютная унификация прозрачности публичных закупок на национальном уровне даже в рамках Европейского Союза вряд ли будет возможна в обозримом будущем.

References

- Aboelazm K. (2018) Reforming public procurement and public financial management in Africa: dynamics and influences. *Journal of Advances in Management Research*, DOI: <https://doi.org/10.1108/JAMR-09-2018-0077>
- Alanzi A. (2021) The USA government procurement system: the power of the contracting personnel. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, Vol. 24, Issue 3, pp. 1–11. Available: <https://www.abacademies.org/articles/the-usa-government-procurement-system-the-power-of-the-contracting-personnel-10694.html>(accessed on 20.12.2022).
- Al-Yahya M., Panuwatwanich K. (2018) Implementing e-tendering to improve the efficiency of public construction contract in Saudi Arabia. *International Journal of Procurement Management*, Vol. 11, No. 3, pp. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJPM.2018.091666>
- Alzamil Z., Vasarhelyi M. (2019) A new model for effective and efficient open government data. *International Journal of Disclosure and Governance*, Vol. 16, pp. 174–187. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41310-019-00066-w>
- Aminah S., Ditari Y., Kumaralalita L., Hidayanto A., Phusavat K., Anussornnitisarn P. (2018) E-procurement system success factors and their impact on transparency perceptions: perspectives from the supplier side. *Electronic Government*, Vol. 14, No. 2, pp. 177–199. DOI: <https://doi.org/10.1504/EG.2018.090929>
- Anstis S. (2021) Government procurement law and hacking technology: the role of public contracting in regulating an invisible market. *Computer Law and Security Review*, Vol. 41. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105536>
- Asuquo C., Lashinde A., Adu E. (2021) Governance quality and public sector procurement of infrastructure projects in developing countries: evidence from Nigeria. *Journal of Public Procurement*, Vol. 21, Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1108/JOPP-10-2019-0067>

- Beltrán-Orenes P., Martínez-Pastor E. (2019) Publicidades activa y pasiva en contratación pública. Una panorámica autonómica española. *Profesional De La Informacion*, Vol. 28, No. 3. DOI: <https://doi.org/10.3145/epi.2019.may.19> (In Spanish)
- Bovis C. (2020) The priorities of EU public procurement regulation. *ERA Forum*, Vol. 21, pp. 283–297. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00608-8>
- Court of Justice of the European Union. (2002) Concordia Bus Finland Oy Ab, formerly Stagecoach Finland Oy Ab v Helsinginkaupunki and HKL-Bussiliikenne. *Case C-513/99*. Available: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-513/99> (accessed on 20.12.2022).
- Court of Justice of the European Union. (2003) EVN AG and Wienstrom GmbH v Republik Österreich. *Case C-448/01*. Available: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=c-448/01> (accessed on 20.12.2022).
- Court of Justice of the European Union. (2005a) Kingdom of Belgium v Commission of the European Communities. *Case C-110/03*. Available: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-110/03> (accessed on 20.12.2022).
- Court of Justice of the European Union. (2005b) ATI EAC Srl e Viaggi di MaioSnc, EAC Srl and Viaggi di MaioSnc v ACTV VeneziaSpA, Provincia di Venezia and Comune di Venezia. *Case C-331/04*. Available: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-331/04>
- Court of Justice of the European Union. (2008) Emm. G. Lianakis AE, Sima Anonymi Techniki Etaireia Meleton kai Epivlepseon and Nikolaos Vlachopoulos v Dimos Alexandroupolis and Others. *Case C-532/06*. Available: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62006CA0532#ntr1-C_2008064EN.01001101-E0001 (accessed on 20.12.2022).
- Court of Justice of the European Union. (2011) Alfastar Benelux v Council of the European Union. *Case T-57/09*. Available: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62009TJ0057> (accessed on 20.12.2022).
- Court of Justice of the European Union. (2021a) European Commission v Republic of Austria. *Case C-537/19*. Available: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&ctd=ALL&num=C-537/19> (accessed on 20.12.2022).
- Court of Justice of the European Union. (2021b) Simonsen & Weel A/S v. Region Nordjylland og Region Syddanmark. *Case C23/20*. Available: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?lgrec=fr&td=%3BALL&language=en&num=C-23/20&jur=C> (accessed on 20.12.2022).
- Dairabayeva N., Aitmukhanova D., Zhagypar Z., Shamenova S., Bakytova A. (2021) Public procurement: Evidence from Kazakhstan. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, Vol. 24, Issue 4, pp. 1–6. Available: <https://www.abacademies.org/articles/public-procurement-evidence-from-kazakhstan-10699.html> (accessed on 20.12.2022).
- Dawar K. (2018) Legal issues of economic disintegration: government procurement and BREXIT. *Legal Issues of Economic Integration*, Vol. 45, Issue 2, pp. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.54648/leie2018007>
- de Oliveira J., Barabashev A., Tapscott C., Thompson L., Qian H. (2021) The role of inter-governmental relations in response to a wicked problem: an analysis of the COVID-19 crisis in the BRICS countries. *Revista De Administracao Publica*, Vol. 55, No. 1, pp. 243–260. DOI: <https://doi.org/10.1590/0034-761220200501>
- Dixon O. (2021) The efficacy of Australia adopting a debarment regime in public procurement. *Federal Law Review*, Vol. 49, Issue 1, pp. 122–148. DOI: <https://doi.org/10.1177/0067205X20973478>
- European Comission. (2021) *What is GPP*. Available: https://ec.europa.eu/environment/gpp/what_en.htm (accessed on 20.12.2022).

European Parliament, European Council. (2014a) *Directive 2014/23/EU*, February 26. Available: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32014L0023> (accessed on 20.12.2022).

European Parliament, European Council. (2014b) *Directive 2014/24/EU*, February 26. Available: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32014L0024> (accessed on 20.12.2022).

European Parliament, European Council. (2014c) *Directive 2014/25/EU*, February 26. Available: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0025> (accessed on 20.12.2022).

Farca L., Dragoş D. (2020) Resilience in times of pandemic: is the public procurement legal framework fit for purpose? *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, special issue, pp. 60–79. DOI: <https://doi.org/10.24193/tras.SI2020.4>

Farca L., Dragoş D., Bogdanowicz P. (2019) Rule of law in public procurement: disclosure rules in Romania and Poland. *European Procurement and Public Private Partnership Law Review*, Vol. 14, Issue 2, pp. 99–117. DOI: <https://doi.org/10.21552/epppl/2019/2/7>

Gabriel A., Castillo L. (2020) Transparency and accountability practices of local government units in the Philippines: a measurement from the ground. *Public Organization Review*, Vol. 20, Issue 3, pp. 437–457. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11115-019-00450-8>

Habiburrochman S. (2020) The impact of monopoly power, and asymmetric information to adopt e-procurement. *Opcion*, Vol. 36, No. 27, pp. 994–1010. Available: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/32024> (accessed on 20.12.2022).

Jones A. (2021) Combatting corruption and collusion in UK public procurement: proposals for post-brexit reform. *Modern Law Review*, Vol. 84, Issue 4, pp. 667–707. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12626>

Jurčík R. (2018) Analysis of transparency in the field of public procurement through mathematical models – competitive procedure and cartels equilibrium. *Journal of Applied Economic Sciences*, Vol. 13, Issue 4, pp. 889–897.

Kirn M., Umek L., Rakar I. (2019) Transparency in public procurement – the case of Slovenia. *Danube*, Vol. 10, Issue 3, pp. 221–239. DOI: <https://doi.org/10.2478/danb-2019-0012>

Kohler J., Dimancesco D. (2020) The risk of corruption in public pharmaceutical procurement: how anti-corruption, transparency and accountability measures may reduce this risk. *Global Health Action*, Vol. 13, Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/16549716.2019.1694745>

Kohler J., Wright T. (2020) The urgent need for transparent and accountable procurement of medicine and medical supplies in times of COVID-19 pandemic. *Journal of Pharmaceutical Policy and Practice*, Vol. 13, Article No. 58. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40545-020-00256-w>

Krivins A. (2014) Prevention of corruption in the sphere of public purchases: interviews with experts. *Proceedings of the 4th International Interdisciplinary Scientific Conference “Society. Health. Welfare”*, Vol. 10, Article No. 00018, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20141000018>

Krivins A. (2018) The motivational peculiarities of bribe-takers. *Proceedings of the 6th International Interdisciplinary Scientific Conference “Society. Health. Welfare”*, Vol. 40, Article No. 01006, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20184001006>

Križić I. (2021) Regulating public procurement in Brazil, India, and China: toward the regulatory-developmental state. *Regulation and Governance*, Vol. 15, Issue 3, pp. 561–580. DOI: <https://doi.org/10.1111/rego.12243>

Kunz P., Žufan P., Pospíšil R., Kročil O. (2020) The public law procurement system and its macroeconomic effects in Germany and in the Czech Republic regarding its compliance with

- EU law. *European Studies: The Review of European Law, Economics and Politics*, Vol. 7, No. 1, pp. 174–192. Available: <https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1241> (accessed on 20.12.2022).
- Laikram S., Pathak S. (2021) Public procurement regulation: increasing developing integration in Asean. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, Vol. 24, Issue 6, pp. 1–14. Available: <https://www.abacademies.org/articles/public-procurement-regulation-increasing-developing-integration-in-asean-11471.html> (accessed on 20.12.2022).
- León P. (2020) The path of transparency in Spain during COVID-19. *Revista Espanola De La Transparencia*, Vol. 11, pp. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.51915/RET.119>
- Mabillard V., Zumofen R. (2020) Transparency and Accountability – the case of public procurement practices in Switzerland. *Public Works Management and Policy*, Vol. 26, Issue 2, pp. 95–114. DOI: <https://doi.org/10.1177/1087724X19898699>
- Marinov M. (2010) Comparative analysis and rating of the municipal finance. *E-journal Dialogue. DA Tsenov Academy of Economics*, Vol. 5, pp. 163–171. Available: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=243884> (accessed on 20.12.2022).
- Modrušan N., Rabuzin K., Mršić L. (2020) Improving public sector efficiency using advanced text mining in the procurement process. *Proceedings of the 9th International Conference on Data Science, Technology and Applications*, pp. 200–206. Available: <https://www.scitepress.org/Documents/2020/98231/> (accessed on 20.12.2022).
- Nebot C., Dias T. (2020) Formalism or transparency in the public procurement of municipalities in the northern region of Brazil. *Revista Espanola De La Transparencia*, Vol. 11, pp. 241–266. DOI: <https://doi.org/10.51915/RET.90>
- Pitso N., Kabanda S., Kapepo M. (2018) Exploring e-procurement adoption in the context of a developing country: the case of Lesotho. Odumuyiwa V., Adegboyega O., Uwadia C. (Eds.) *E-Infrastructure and e-Services for Developing Countries*, Vol. 250. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-98827-6_30
- Prébissé-Schnall C. (2020) Les marchés publics resteront-ils le domaine privilégié de la corruption politico-administrative? *Revue Francaise d'Administration Publique*, Vol. 175, No. 3, pp. 693–705. DOI: <https://doi.org/10.3917/rfap.175.0693> (In French)
- Prier E., Prysmakova P., McCue C. (2018) Analysing the european union's tenders electronic daily: possibilities and pitfalls. *International Journal of Procurement Management*, Vol. 11, No. 6, pp. 722–747. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJPM.2018.095655>
- Rahal C. (2019) Tools for transparency in central government spending. *International Journal of Population Data Science*, Vol. 4, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.23889/ijpds.v4i1.1092>
- Samuels D. (2021) Government procurement and changes in firm transparency. *Accounting Review*, Vol. 96, No. 1, 401–430. DOI: <https://doi.org/10.2308/TAR-2018-0343>
- Soong K., Ahmed E., Tan K. (2020) Factors affecting Malaysia's SMEs in using public electronic procurement. *Journal of Information and Knowledge Management*, Vol. 19, No. 2. DOI: <https://doi.org/10.1142/S0219649220500082>
- Soylu A., Corcho O., Elvesæter B., Badenes-Olmedo C., Martínez F., Kovacic M., Roman D. (2020) Enhancing public procurement in the European Union through constructing and exploiting an integrated knowledge graph. *The Semantic Web – ISWC 2020*, Vol. 12507. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-62466-8_27
- Teivāns-Treinovskis J., Jefimovs N., Velika R., Krivinš A. (2022) Conditions for application of criminal liability to the board of a company in the legal system of the Republic of Latvia. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 9, No. 4, pp. 45–55. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2022.9.4\(2\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2022.9.4(2))

- Viana L., Sarmento J., Moreira J., Alves P. (2021) The impact of public–private partnerships on public accounts: the portuguese roads sector. *Financial Accountability and Management*, Vol. 37, Issue 3, pp. 279–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/faam.12275>
- Vilks A., Kipane A. (2019) Economic crime as a category of criminal research. *Journal of Advanced Research In Law And Economics*, Vol. 9, No. 8, pp. 2860–2867. DOI: [https://doi.org/10.14505/jarle.v9.8\(38\).35](https://doi.org/10.14505/jarle.v9.8(38).35)
- Weingärtner T., Batista D., Köchli S., Voutat G. (2021) Prototyping a smart contract based public procurement to fight corruption. *Computers*, Vol. 10, Issue 7. DOI: <https://doi.org/10.3390/computers10070085>
- Wierzynska A., Steingrüber S., Oroxom R., Bauhoff S. (2020) Recalibrating the anti-corruption, transparency, and accountability formula to advance public health. *Global Health Action*, Vol. 13, Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/16549716.2019.1701327>
- Wiik M., Flyen C., Fufa S., Venås C. (2020) Lessons learnt from green public procurement in the Norwegian construction sector. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, Vol. 588, No. 1.01–1.05. DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/588/2/022017>
- World Bank. (2020) *Global Public Procurement Database: Share, Compare, Improve!* Available: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/03/23/global-public-procurement-database-share-compare-improve> (accessed on 20.12.2022).
- Yuhertiana I., Izaak W., Arifin J. (2020) E-government and e-finance on African countries. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*, Vol. 12, Issue 6, pp. 184–204. DOI: <https://doi.org/10.5373/JARDCS/V12SP6/SP20201023>
- Yustiarini D., Soemardi B. (2020) A review of corruption in public procurement in Indonesia. Paper presented at the *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, Vol. 849, Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/849/1/012013>

Evaldas Raistenskis, Vitolds Zahars, Giga Abuseridze

THE LEGAL FRAMEWORK AFFECTING SMUGGLING OF TOBACCO PRODUCTS AS A FORM OF THE SHADOW ECONOMY IN SAKARTVELO¹

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(6\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(6))

For citation: Raistenskis E., Zahars V., Abuseridze G. (2022) The legal framework affecting smuggling of tobacco products as a form of the shadow economy in Sakartvelo. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 115–125. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(6\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(6))

Citešanai: Raistenskis E., Zahars V., Abuseridze G. (2022) Tabakas izstrādājumu kontrabandas kā ēnu ekonomikas veida ierobežošanas un novēršanas tiesiskais regulējums Sakartvelo. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, 35(2): 115–125. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(6\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(6))

The purpose of this article is to research the legal framework affecting smuggling of tobacco products in Sakartvelo. To fulfil the defined purpose, the following objectives were raised: to review the theoretical aspects of smuggling as a form of the shadow economy and research the legal framework for tobacco control in Sakartvelo. Sakartvelo is an example of a country that, due to ongoing progressive economic reforms and the establishment of the Revenue and Customs Supervision Service, managed to successfully control the illegal market of tobacco products. In a relatively short period of time, Sakartvelo was able to reduce the level of corruption, implement an effective system of tax administration and supervision, and introduce a strict border control system. Tobacco control is a significant aspect of Sakartvelo's EU integration. According to the Association Agreement between the EU and Sakartvelo concluded in 2014, one of Sakartvelo's obligations under this agreement is the effective application of international agreements, recognized by the EU member states in the area of health care. Sakartvelo's legal framework is supported by at least 85 percent of the population, and law abidance rate amounts to 98 percent.

Key words: smuggling of tobacco products, shadow economy, legal regulation, Sakartvelo.

Tabakas izstrādājumu kontrabandas kā ēnu ekonomikas veida ierobežošanas un novēršanas tiesiskais regulējums Sakartvelo

Raksta mērķis ir izpētīt tiesisko regulējumu tabakas izstrādājumu kontrabandas ierobežošanā un apkarošanā Sakartvelo. Minētā mērķa īstenošanai tiek izvirzīti sekojoši uzdevumi: apskatīt kontrabandas kā vienas no ēnu ekonomikas formām teorētiskos aspektus un piedāvāt tabakas izstrādājumu aprites kontroles normatīvā regulējuma pilneidošanas pasākumus Sakartvelo. Sakartvelo var kalpot par piemēru tam, kā progresīvas ekonomiskās reformas un Nodokļu un muitas uzraudzības dienesta nostiprināšana ļauj sekmīgi kontrolēt tabakas izstrādājumu nelegālo tirgu. Relatīvi īsā laika periodā Sakartvelo spēja samazināt korupcijas limeni, ieviest efektīvu nodokļu un nodevu administrēšanu un uzraudzību, kā arī ieviest stingru robežkontroles sistēmu. Tabakas izstrādājumu aprites kontrole ir būtisks aspeks Sakartvelo integrācijai Eiropas Savienībā. Saskaņā ar 2014. gadā noslēgtó Eiropas Savienības un Sakartvelo Sadarbības līgumu viena no būtiskākajām Sakartvelo saistībām ir efektivizēt starptautisko līgumu izpildi veselības

¹ Sakartvelo is native term of Georgia since 1995. It is a state of Cartveli (native term of Georgians). The term ‘Georgia’ was introduced by ancient Greeks, but the term *Грузия* was introduced by tzarist Russia.

aprūpes jomā, kas ir saistoši visām Eiropas Savienības dalibvalstim. Būtu jāatzīmē, ka Sakartvelo izstrādāto normatīvo regulējumu tabakas izstrādājumu aprites kontroles jomā atbalsta ne mazāk kā 85 procenti tās iedzīvotāju un 98 procenti iedzīvotāju ir neiecietīgi pret jebkāda veida tiesībspārkāpumiem pētāmajā jomā.

Atslēgvārdi: tabakas izstrādājumu kontrabanda, ēnu ekonomika, tiesiskais regulējums, Sakartvelo.

Правовое регулирование ограничения контрабанды табачных изделий как одной из форм теневой экономики в Сакартвело

Целью данной статьи является изучение правового регулирования ограничения контрабанды табачных изделий в Сакартвело. Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие задачи: рассмотреть теоретические аспекты контрабанды табачных изделий, как одной из форм теневой экономики, и предложить меры по совершенствованию нормативного регулирования оборота табачных изделий в Сакартвело. Сакартвело может служить примером того, как прогрессивные экономические реформы и работа Службы по надзору за сбором налогов и таможней позволяют успешно контролировать нелегальный рынок табачных изделий. В течение условно короткого времени Сакартвело смогло уменьшить уровень коррупции, наладить эффективное администрирование и контроль за сбором налогов, а также создать строгую систему пограничного контроля. Контроль за оборотом табачных изделий является существенным аспектом интеграции Сакартвело в Европейский Союз. В соответствии с заключённым в 2014 году Договором о сотрудничестве между Европейским Союзом и Сакартвело одним из наиболее значимых обязательств Сакартвело является повышение эффективности выполнения международных договоров в области здравоохранения, которые являются обязательными для всех стран-участниц Европейского Союза. Весьма существенным является тот факт, что разработанное в Сакартвело нормативное регулирование по контролю за оборотом табачных изделий одобряет не менее 85 процентов её населения, а 98 процентов населения проявляет нетерпимость к любого рода правонарушениям в данной сфере.

Ключевые слова: контрабанда табачных изделий, теневая экономика, правовое регулирование, Сакартвело.

Introduction

Smuggling refers to illegal transportation of certain items or things across national borders by evading customs control when above-mentioned items or things are transported to illegally satisfy the demand for prohibited or highly taxed goods or services. The major macroeconomic determinants of smuggling include regional and international economic integration, globalization, international trade barriers and their reduction, and inflation; the major taxation-related determinants cover taxes applied to goods and the general tax burden; the major legal determinants are strength (weakness) of the legal framework and border control (in)efficiency; the major institutional determinants comprise corruption and the quality of public institutions; the major social determinants encompass income inequality and poor protection of human rights; the major macroeconomic determinants involve consumer demand and retail price of products.

In the World Bank Group's (2019) report "Confronting Illicit Tobacco Trade: A Global Overview of Country Experiences", Sakartvelo represents a successful example of the fight against the illicit tobacco trade because the country succeeded in reducing

the amount of illegal tobacco products in its domestic market through raising tobacco taxes and implementing the 2014 EU-Georgia Association Agreement. The biggest risk of large-scale illegal trade in Sakartvelo is related to the export/import business, as Sakartvelo plays an important role as a transit country for illegal tobacco products. Small-scale smuggling is not a problem because tobacco products prices in Sakartvelo follow roughly the same trend as the neighbouring countries, except for Turkey, where taxes and prices are much higher.

Sakartvelo is an example of a country that, due to ongoing progressive economic reforms and the establishment of the Revenue and Customs Supervision Service, managed to successfully control the illegal market of tobacco products. In a relatively short period of time, Sakartvelo was able to reduce the level of corruption, implement an effective system of tax administration and supervision, and introduce a strict border control system. The above-mentioned components contributed to a successful fight against the illegal trade in tobacco products. By applying various administrative measures and at the same time carrying out a continuous policy of raising the excise tax on cigarettes, Sakartvelo managed to significantly reduce the level of tax evasion.

The highest levels of tax evasion in the country were recorded between 1997 and 2003, when excise tax rates on imported and domestic cigarettes were approximately 4–8 times lower than in 2017. However, even in 2017 the market for illegal cigarettes shrank very little. This confirms that the role of tobacco products taxes as a driving force for illicit tobacco products trade is relatively small. Nevertheless, Sakartvelo's experience shows that raising tobacco taxes can increase budget revenue, even if there is strict control over the illegal trade in tobacco products.

The critical issues which Sakartvelo's government will have to address in the future are the weak control of the borders with Russian-occupied Abkhazia and South Ossetia, the illegal movement of goods across the border with Armenia, and the potential movement of illegal goods through Sakartvelo's territory to other countries. Ratification of the Illicit Trade Protocol would provide more tools to address these loopholes in the system. In 2017, after a sharp rise of the excise tax, the budget income increased, and the affordability of cigarettes decreased. Moderate increases in excise duty in recent years have been beneficial from a revenue perspective, but have had less of a positive impact on public health. The excise tax on tobacco products, and especially on unfiltered cigarettes, is, however, still low compared to Sakartvelo's neighbour Turkey or the EU. The excise tax was intended to be increased in January 2018, but the country's government focused on adopting a strict tobacco control law in May of the same year, so the tax increase was postponed. This decision may also have been affected by the pressure exerted by representatives of the tobacco industry, as their influence on government agencies and officials is noticeable. Nevertheless, the country needs to raise the rates of excise tax on tobacco products since affordability of cigarettes increased between 2010 and 2017.

The major purpose of this article is to research the legal framework affecting smuggling of tobacco products in Sakartvelo. To fulfil this purpose, the following objectives were raised: to review the theoretical aspects of smuggling as a form of the shadow economy and research the legal framework for tobacco control in Sakartvelo. Research methods: scientific literature analysis, analysis of legal documents.

Theoretical aspects of smuggling

Smuggling is one of the forms of illegal concealment of income that is not paid to the state budget. It is mostly associated with illegal transportation of particular objects or things across the state border by evading customs control (Čolakovič 2016). Joossens and Raw (2012) define smuggling as the illegal trade of certain goods or services across national borders. Smuggling occurs when traders seek to illegally meet the demand for certain goods or services, usually those that are prohibited (e.g. drugs, psychotropic substances) or heavily taxed (e.g. tobacco, alcohol products).

Literature indicates many different types of smuggling, which can be grouped as follows:

- smuggling by volume;
- smuggling by transported items;
- smuggling by the type of offence.

The above-presented grouping is based on the studies by Burke (2013), Thursby and Thursby (2000), Cohen with his colleagues (2001), Goel (2008), LaFaive and Nesbit (2013), Benson and Decker (2010), Čolakovič (2016) and other researchers. This grouping is not exhaustive, but considers obviousness of the essential criteria of smuggling (volume, transported items and the type of offense) in practice.

As a complex phenomenon, smuggling is determined by many factors. After analysing the literature, the major determinants of smuggling are categorised in Table 1.

Table 1
Categorization of the major determinants of smuggling

Category	Determinants	Sources
Macroeconomic determinants	Regional and international economic integration, globalization, reduction of international trade barriers, trade restrictions, burden of trade tariffs, inflation	Javorcik, Narciso 2008; Jean, Mitattina 2010; Buehn, Farzenegan 2012; Golub 2012; Bouet, Roy 2012; Hoda, Mansoor 2015; Smart 2015; Benassi et al. 2016; Martsiushevskaya, Ostroga 2017
Tax determinants	Taxes on goods, excise duty, general tax burden	Burke 2013; Hoda, Mansoor 2015; Benassi et al. 2016
Legal determinants	Strength of the legal framework, (in)efficiency of border control provisions	Buehn, Farzenegan 2012; Golub 2012
Institutional determinants	Corruption, institutional quality	Buehn, Farzenegan 2012
Social determinants	Income inequality, poor protection of women's rights	Jac-Kucharski 2012
Market determinants	Consumer demand, retail price of products	Saba et al. 1995; Golub, Mbaye 2009; Golub 2012

Source: compiled by the authors.

Table 1 shows that the major determinants of smuggling can be categorised as macroeconomic, tax, legal, institutional, social and market-related.

When researching *macroeconomic determinants*, Martsiushevskaya and Ostroga (2017) note that the processes of economic integration and globalization taking place at the international and regional levels, as well as reduction of international trade barriers lead to the gradual transformation of the global space into a unified economic zone where capital, goods and services move practically freely, which creates favourable conditions for smuggling. Buehn and Farzenegan (2012) confirm the effects of trade restrictions and trade tariffs, while Hoda and Mansoor (2015) focus on the impact of inflation. Javorcik and Narciso (2008), Jean and Mitaritonna (2010), Bouet and Roy (2012) and other researchers confirm the assumption proposing that if the level of export in the country of origin exceeds the level of import in the country of destination, the conditions favourable for smuggling are created. Smart (2015) argues that strict import and export restrictions create an environment for generating the informal flows of benefits in the social, economic and political context.

In the category of tax determinants, Benassi and his colleagues (2016) confirm that charging higher taxes on goods explains the choice of conducting informal trade, and this determinant is more important than international trade policies because it tends to raise probability of informal trade. Burke (2013) substantiates the impact of excise tax, while Hoda and Mansoor (2015) suggest that the overall tax burden is a statistically significant determinant of smuggling.

In the category of *legal determinants*, Buehn and Farzenegan (2012) researched the volume of smuggling in 55 countries between 1990 and 2000. The authors applied the Multiple Indicators and Multiple Causes (MIMIC) model, in which smuggling was considered as a hidden (latent) variable. They found that the strength (weakness) of a country's legal framework has a statistically significant impact on smuggling. Golub's (2012) study revealed the significance of the (in)efficiency of border control regulations.

In the category of *institutional determinants*, there is a relationship between smuggling and corruption rooted in public institutions (Buehn, Farzenegan 2012). Fisman and Wei (2015) associate high levels of corruption with smuggling of cultural objects from the country of origin.

To identify the major social determinants, Jac-Kucharski (2012) applied a negative binomial regression model and found that income inequality and poor protection of women's rights stimulate smuggling in terms of human smuggling as it helps to create a large pool of potential victims, which reduces the operational costs of smugglers.

In the category of market determinants, the impact of consumer demand is emphasized: high consumer demand tends to raise the prices of smuggled goods as well as profits of persons engaged in this activity (Saba et al. 1995). Golub and Mbaye (2009) and Golub (2012) also indicate the significance of the difference in the retail price of products in the country of origin and the country of destination.

The tobacco control legal framework in Sakartvelo

In 2017, the Ministry of Internally Displaced Persons from the Occupied Territories, Labour, Health and Social Affairs of Sakartvelo (hereinafter – the Ministry), in close cooperation with the National Centre for Disease Control and Public Health (NCDC) and other government agencies, the United Nations Development Program, the agencies implementing the WHO Framework Convention on Tobacco Control, and the World Health Organization conducted the first economic study related to the tobacco control policies – the co-called Investment Case research, which revealed the detrimental effects of tobacco on population's health and economy, allowed to assess the objectives of the tobacco control intervention for sustainable development in the context of saving the state budget funds and preventing tobacco-caused diseases and premature mortality, and estimated the costs of inaction in the area under consideration. The research revealed that about 11,400 people in Sakartvelo die every year from tobacco-related diseases; every fifth person is a passive smoker. The annual economic costs related to tobacco in Sakartvelo amount to GEL 824.9 million, i.e. 2.43 percent of GDP.

The four priority areas of the tobacco control intervention within the WHO Framework Convention on Tobacco Control are as follows:

1. taxation of tobacco products;
2. complete ban on smoking in public places;
3. complete prohibition of advertising, promoting and sponsoring the sale of tobacco products;
4. packaging and labelling of tobacco products.

The above-mentioned interventions are estimated to prevent 53,100 deaths over 15 years and reduce total tobacco-related economic costs to GEL 3.6 billion by 2033.

On 1 May 2018 Sakartvelo started the campaign “Against smoking” which helped to achieve almost all main strategic goals and objectives, defined in the 2013–2018 State Tobacco Control Strategy. Sakartvelo successfully applies international measures, especially as it relates to the articles and recommendations provided in the WHO Framework Convention on Tobacco Control.

The so-called “New Generation Law” for tobacco control was passed in 2017, and anti-smoking policies have been in place since 1 May 2018, when all tobacco advertising and trade promotion measures were banned and special rules for the sale of tobacco products were established. On 1 September of the same year, drive tobacco was banned and the new packaging and design rules for tobacco products were introduced, including the use of large-format medical warnings about the harm of tobacco to health and the use of the relevant pictograms on tobacco packaging.

In 2017, the amendments to the laws on tobacco control, advertising, broadcasting, lotteries, profit-making and gambling were adopted. The amendments to the Code of Administrative Offenses and the Tax Code entered into force in 2018. Also, in 2018 the following ordinances were adopted:

1. On 15 January 2018 – Government Resolution No. N14 “On the rules regulating the maximum norms of active substances (nicotine, tar, carbon gas) in cigarettes

with filters and without filters, measuring and regulating the amount of the active substances and providing medical warnings at the points of cigarette sales, on the boxes / blocks and packages”.

2. On 1 May 2018 – Order of Sakartvelo Minister of Labour, Health and Social Affairs No. N01-20/N “On the approval of the forms of information reporting documents about the standard-based measurement of the amount of active substances (nicotine, tar, carbon gas) in cigarettes with filters and without filters, submitted in a mandatory manner by a manufacturer and/or importer of tobacco products”.
3. On 1 May 2018 – Order of Sakartvelo Minister of Labour, Health and Social Affairs No. N01-19N “On the approval of broadcasting and the use of radio icons to indicate the harm of smoking in the cases of the use of tobacco products, tobacco accessories and/or tobacco while demonstrating a video or other creative product”. In addition, based on Article 5.3 of the WHO Framework Convention on Tobacco Control, a draft resolution of the Government of Sakartvelo “On the protection of tobacco control state policy in public institutions and the approval of state relations with stakeholders of the tobacco industry” was prepared.

Developments in the implementation of the major articles of the WHO Framework Convention on Tobacco Control in Sakartvelo:

1. Article 8 of the WHO Framework Convention on Tobacco Control – Protection against exposure to tobacco smoke – implementation:
  - Laws prohibiting the use of tobacco in public/workplaces;
  - About 96 percent of the laws will be implemented, but their full implementation requires strengthening and promoting the civil society activism and obedience to the tobacco control laws.
2. Article 9 of the WHO Framework Convention on Tobacco Control – Regulation of the constituents of tobacco products – implementation:
  - Regulation of the permitted norms of nicotine, tar and carbon gas in tobacco products;
  - On 15 January 2018, Government resolution No. N14, which established the maximum permitted norms of the constituents of tobacco products and introduced the requirement to provide information about the constituents of the tobacco products; however, full implementation of the resolution requires systemic strengthening of activation mechanisms and inter-institutional cooperation.
3. Article 11 of the WHO Framework Convention on Tobacco Control – Packaging and labelling of tobacco products – implementation:
  - Medical warnings on tobacco products;
  - Sakartvelo Tobacco Control Law and Resolution No. N14 of 15 January 2018 indicate which percentage of the surface area of a packaging (a package/block/box) of tobacco products must be occupied by medical (basic and additional) information (icons). Medical information must take up at least 30 percent of the surface area of inhalable tobacco and at least 65 percent of the surface area of all other types of tobacco product packaging. Information

rotation is allowed. Provision of false, misleading or incorrect information about the composition of tobacco products, harmful effects, etc. is also prohibited. Based on the National Tobacco Control Act, a standardized tobacco products packaging is mandatory from January 2021.

4. Tobacco advertisement prohibiting environment. On 30 May 2017, the Parliament of Sakartvelo adopted a package of legislative amendments. It establishes the legal basis of the new generation of tobacco control, which fully reflects compliance with the obligations under the Association Agreement between Sakartvelo and the EU and the WHO Framework Convention on Tobacco Control. It should be noted that the new laws prohibit any advertising, sales promotion and sponsorship of tobacco products, tobacco accessories and smoking equipment. The aforementioned amendments to the Sakartvelo's legal framework *inter alia* include tobacco control; they are related to the regulation of advertising, broadcasting, lotteries, gambling and profit-making games, administrative violations and the relevant amendments to the Tax Code. Tobacco Control ordinances, including the Order of Sakartvelo Minister of Labour, Health and Social Affairs No. N01-19N of 1 May 2018, stipulate that if television, radio and other mass media broadcast material, the content of which includes tobacco products or their use, then the mass media shall provide a pre-broadcast warning/notification and post-broadcast warning/notification about the harm caused by tobacco.
5. Tobacco product sale and its regulation – newly emerging products. The laws adopted on 30 May 2017 brought the legal framework regulating the sale of tobacco products in Sakartvelo closer to the EU and international standards. The EU Directive No. 2014/40/ determined the following changes in the Sakartvelo's legal framework:
  - the control of toxic substances in tobacco products was introduced;
  - the obligation to provide information about the constituents of tobacco products was introduced;
  - the so-called "plain packaging" standard was adopted;
  - tobacco advertising, sales promotion and sponsorship were prohibited;
  - storing tobacco products in visible places at points of sale was prohibited;
  - the surface area occupied by medical warnings (icons) about the harm caused by tobacco products (both basic and additional information) on tobacco product packages was increased to at least 65 percent of a package (block / box);
  - regulation of electronic cigarettes and smokeless tobacco was introduced;
  - retail sale of tobacco products by using mechanical and electronic devices, the Internet and mail was prohibited
  - the quantity of 20 cigarettes in one packet is allowed; the sale of unrolled cigarettes is prohibited.
6. Sakartvelo has been using a tobacco product labelling and identification system which meets the requirements of the EU directive No. 2014/40/. However, there are also problematic areas that have not yet been covered by the country's legal framework. These are:

- combined medical warnings about the harm of tobacco, placement of information in small print pages, elimination of other technical differences;
- strengthening the composition and safety control of electronic cigarettes and other devices;
- control of additives in tobacco products;
- prohibition of the use of flavour enhancers;
- prohibition of chewing tobacco;
- unification of some differences in terminology not to weaken the content of the adopted legal norms.

Sakartvelo's legal framework is supported by at least 85 percent of the population, and the law abidance rate amounts to 98 percent. In accordance with Article 8 of the WHO Framework Convention on Tobacco Control, which directly enshrines protection measures against passive smoking, Sakartvelo has been striving to implement the strategic goals and objectives defined in the Tobacco Control Strategy and the Action Plan. In 2013, the National Centre for Disease Control and Public Health was established. The purpose of the Centre is to strengthen tobacco control measures in close cooperation with non-governmental organizations, the health care sector and international organizations, especially the World Health Organization, and to carry out public health programs.

Despite the positive results achieved in the area under consideration, Sakartvelo still needs to ensure the continuity of tobacco control, as well as monitoring and improving the existing legal framework.

Tobacco control is a significant aspect of Sakartvelo's EU integration process. In accordance with the Association Agreement between the EU and Sakartvelo, concluded in 2014, one of Sakartvelo's obligations is effective application of the international agreements recognized by the EU member states in the area of health care. This is especially true of international health care standards and the provisions of the WHO Framework Convention on Tobacco Control.

According to Article 71 (e) of the Association Agreement, the parties shall cooperate in combating and preventing illegal trade in goods, including tobacco products, across national borders.

According to Article 283 of the Association Agreement, the parties shall take countermeasures against smuggling of excise goods by expanding cooperation and gradually harmonizing excise tax rates for tobacco products, taking into account the situation in regions and the provisions of the WHO Framework Convention on Tobacco Control. The countries shall seek to strengthen regional cooperation.

The process of smuggling of tobacco products is also subject to customs regulations issued by the Customs Department with the Revenue Service under the Sakartvelo Ministry of Finance. In accordance with Part 14 of Article 289 of the Customs Anti-Smuggling Act, if a case of smuggling is detected, the offender is punished with a monetary fine as a sanction.

Conclusions

Smuggling refers to illegal transportation of certain items or things across national borders by evading customs control when the items or things are transported to illegally satisfy the demand for prohibited or highly taxed goods or services. The major macro-economic determinants of smuggling are regional and international economic integration, globalization, international trade barriers and their reduction, and inflation; the major tax determinants are taxes applied to goods and the general tax burden; the major legal determinants are strength (weakness) of the legal framework and border control (in)efficiency; the major institutional determinants are corruption and the quality of public institutions; the major social determinants are income inequality and poor protection of individual rights; the major market determinants are consumer demand and product retail prices.

Tobacco control is a significant aspect of Sakartvelo's EU integration process. In accordance with the Association Agreement between the EU and Sakartvelo, concluded in 2014, one of Sakartvelo's obligations is effective application of the international agreements recognized by the EU member states in the area of health care. Sakartvelo's legal framework is supported by at least 85 percent of the population, and the law abidance rate amounts to 98 percent. In accordance with Article 8 of the WHO Framework Convention on Tobacco Control, which directly enshrines protection measures against passive smoking, Sakartvelo has been striving to implement the strategic goals and objectives defined in the Tobacco Control Strategy and the Action Plan.

References

- Benassi S., Jarreau J., Mitaritonna C. (2016) Determinants of cross border informal trade: the case of Benin. *Agrodep*, Research Work No. 0034. Available: <https://ebrary.ifpri.org/utils/getfile/collection/p15738coll2/id/130804/filename/131015.pdf> (accessed on 28.12.2022).
- Benson J., Decker S. (2010) The organizational structure of international drug smuggling. *Journal of Criminal Justice*, Vol. 38, No. 2, pp. 130–138. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.01.001>
- Bouet A., Roy D. (2012) Trade protection and tax evasion: Evidence from Kenya, Mauritius, and Nigeria. *Journal of International Trade and Economic Development*, Vol. 21, No. 2, pp. 287–320. DOI: <https://doi.org/10.1080/09638199.2010.484503>
- Buehn A., Farzanegan M. (2012) Smuggling around the world: evidence from a structural equation model. *Applied Economics*, Vol. 44, No. 23, pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/00036846.2011.570715>
- Burke T. (2013) The effect of excise taxes on cigarette smuggling: an instrumental variable approach. *CMC Senior Theses, Research Work No. 764*. Available: https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/764/ (accessed on 28.12.2022).
- Cohen J., Sarabia V., Ashley M. (2001) Tobacco commerce on the Internet: a threat to comprehensive tobacco control. *Tobacco Control*, Vol. 10, Issue 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/tc.10.4.364>
- Čolakovič E. (2016) Smuggling as a form of illegal evasion of public revenue. *ENTRENOVA Conference Proceedings*. Available: <https://ssrn.com/abstract=3282451> (accessed on 28.12.2022).

- Fisman R., Wei S. (2015) The smuggling of art, and the art of smuggling: uncovering the illicit trade in cultural property and antiques. *American Economic Journal: Applied Economics*, Vol. 1, No. 3, pp. 82–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/app.1.3.82>
- Goel R. (2008) Cigarette smuggling: price vs. non-price incentives. *Applied Economics Letters*, Vol. 15, No. 8, pp. 587–592. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504850600721981>
- Golub S., Mbaye A. (2009) National trade policies and smuggling in Africa: the case of the Gambia and Senegal. *World Development*, Vol. 37, No. 3, pp. 595–606. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2008.08.006>
- Hoda A., Mansoor T. (2015) Estimation import smuggling and its determinants in Iran on fuzzy method (abstract). *Journal of Macroeconomics (Journal of Economic Sciences)*, Vol. 10, Issue 20. Available: <https://www.sid.ir/En/Journal/ViewPaper.aspx?ID=530062> (accessed on 28.12.2022).
- Jac-Kucharski A. (2012) The determinants of human trafficking: a US case study. *International Migration*, Vol. 50, No. 6, pp. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2012.00777.x>
- Javorcik A., Narciso G. (2008) Differentiated products and evasion of import tariffs. *Journal of International Economics*, Vol. 76, No. 2, pp. 208–222. Available: <https://www.tcd.ie/Economics/staff/narcisog/docs/javorcik%20narciso%20jie.pdf> (accessed on 28.12.2022).
- Jean S., Mitaritonna C. (2010) Determinants and pervasiveness of the evasion of custom duties. *CEPII*, Working Paper No. 2010-26. Available: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2010/wp2010-26.pdf (accessed on 28.12.2022).
- Joossens L., Raw M. (2012) From cigarette smuggling to illicit tobacco trade. *Strategic Directions and Emerging Issues in Tobacco Control*, Vol. 21, No. 2, pp. 230–234. DOI: <https://doi.org/10.1136/tobaccocontrol-2011-050205>
- LaFaive M., Nesbit T. (2013) Cigarette smuggling remains high in Michigan, elsewhere. *Viewpoint on Public Issues*, No. 2013-05. Available: <https://miworkerfreedom.org/archives/2013/V2013-05.pdf> (accessed on 28.12.2022).
- Martsiushevskaya E., Ostroga V. (2017) Smuggling as a crime of international character: concept, characteristics, qualifications. *Customs Scientific Journal*, Vol. 1, pp. 49–59. Available: <http://csj.umsf.in.ua/archive/2012/1/10.pdf> (accessed on 28.12.2022).
- Saba R., Beard T., Ekelund R., Ressler R. (1995) The demand for cigarette smuggling. *Economic Inquiry*, Vol. 33, No. 2, pp. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.1995.tb01856.x>
- Smart A. (2015) Customs control over illicit international trade: the impact of different forms of illegality. *ANUAC*, Vol. 4, No. 1, pp. 42–65. DOI: <https://doi.org/10.7340/anuac2239-625X-1873>
- Thursby J., Thursby M. (2000) Interstate cigarette bootlegging: extent, revenue losses, and effects of federal intervention. *National Tax Journal*, Vol. 53, No. 1, pp. 59–78. Available: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.17310/ntj.2000.1.04> (accessed on 28.12.2022).
- United Nations. (2000) *The United Nations Convention against Transnational Organized Crime*. Available: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lT/TAD/TAIS.166679> (accessed on 28.12.2022).
- World Bank Group. (2019) *Confronting Illicit Tobacco Trade: A Global Overview of Country Experiences*. Report. Available: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/677451548260528135/pdf/133959-REPL-PUBLIC-6-2-2019-19-59-24-WBGTobaccoIllicitTradeFINALvweb.pdf> (accessed on 28.12.2022).

SOCIĀLĀ PSIHOLOGIJA

Гершонс Бреславс, Людмила Кудрявцева

МОРАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, ДЕПРЕССИЯ И ТРЕВОЖНОСТЬ В НОРМЕ И В СЛУЧАЯХ НАРУШЕНИЙ ПИТАНИЯ У ДЕВУШЕК-ПОДРОСТКОВ

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(7\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(7))

Для цитирования: Бреславс Г., Кудрявцева Л. (2022) Моральные эмоции, депрессия и тревожность в норме и в случаях нарушений питания у девушки-подростков. *Sociālo zinātņu vēstnesis / Вестник социальных наук*, 35(2): 126–140. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(7\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(7))

For citation: Breslavs G., Kudrjavceva L. (2022) Adolescents' girls moral emotions, depression and anxiety with and without eating disorders. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 35(2): 126–140. [https://doi.org/10.9770/szv.2022.2\(7\)](https://doi.org/10.9770/szv.2022.2(7))

Проблема лишнего веса, особенно для женщин, начинает обнаруживаться вместе с пубертатом, т.е. с раннего подросткового возраста, и разрастается в полноценную проблему к середине или к концу этого периода. Ядро этой проблемы связано с сензитивностью подростков к соответствуанию характеристик фигуры требованиям эстетического стандарта и с высоким уровнем агрессии по отношению к сверстникам, несоответствующим этому стандарту. Учитывая значимость социальной принадлежности в этом возрасте, понятна особая уязвимость девочек к своему несоответствию эталону красоты, что приводит к голоданию и другим деструктивным практикам, в результате чего и появляются хронические нарушения питания (НП). На сегодняшний день количество исследований этой проблемы во всём мире резко контрастирует с её практической значимостью. В частности, остаётся неясным роль моральных эмоций в появлении таких нарушений и степень выраженности таких проблем интернализации, как тревожность и депрессия при НП. Также недостаточно изучена различная роль эмоций стыда и вины в развитии этих нарушений и в их терапии. Исходя из этого, была сформулирована цель данного исследования: сравнение моральных эмоций, депрессии и тревожности у девушек-подростков с диагнозом нарушения питания и без нарушений такого рода. Основная гипотеза исследования: существуют различия в склонности к моральным эмоциям (вины и стыда), депрессии и тревожности между группами девушек с диагнозом НП и без такового. Также предполагалось (вторая гипотеза), что склонность к стыду будет прямо связана с депрессией и тревожностью, но такой связи не будет у чувства вины. В исследовании приняло участие 30 девушек 13–18 лет с диагнозом НП на второй стадии терапии и 30 здоровых девушек 13–18 лет. В качестве инструмента измерения моральных эмоций была использована подростковая версия теста *TOSCA (Test of Self-Conscious Affects)*; в качестве средства измерения депрессии и тревожности была использована методика *STPI (State-Trait Personality Inventory)*. Результаты исследования подтвердили лишь вторую гипотезу, в то время как различия между группами оказались в предполагаемом направлении, однако не достигли уровня статистической значимости. Эти результаты могут быть поняты в контексте вто-

рого этапа терапии девушек с нарушениями питания, где используются медикоментозные препараты, снижающие проблемы интернализации.

Ключевые слова: моральные эмоции, стыд, вина, депрессия, тревожность, нарушения питания у подростков.

Morālās emocijas, depresija un trauksme pusaudzēm ar un bez ēšanas traucējumiem

Liekā svara problēma, it īpaši sievietēm, parādās agrīnā pusaudža vecumā (pubertātē) un pārvēršas par nozīmīgu problēmu šī vecumposma vidū un beigās. Šī problēma galvenokārt ir saistīta ar pusaudžu jūtīgumu pret ķermeņa atbilstību estētiskajiem standartiem un augstu agresijas pakāpi pret vienaudžiem, kuri neatbilst standartam. Nemot vērā sociālas piederības nozīmi šajā vecumā, ir saprotama meiteņu ievainojamība – sakarā ar neatbilstību ķermeņa skaistuma standartam. Meitenes dažreiz sāk izmantot badošanās un citas destruktīvas prakses, kas noved pie hroniskiem ēšanas traucējumiem (ĒT). Šobrid, problēmas zinātniskās izpētes plašums neatbilst problēmas praktiskai nozīmei. Tā, piemēram, joprojām nav skaidra morālo emociju loma ĒT un tādas internalizācijas problēmas kā depresijas un trauksmes ĒT gadījumā. Tāpat nav pietiekoši izpētīta vainas un kauna emociju atšķirīgā loma šo traucējumu attīstībā un terapijā. Šī pētījuma mērķis – ir salidzināt pusaudžu meiteņu ar un bez ĒT depresiju trauksmi un morālās emocijas. Pētījuma pamathipotēze: pastāv atšķirības starp abu grupu emocionālo procesu mērījumiem. Otrā hipotēze paredz, ka nosliece uz kauna izjūtu būs tieši saistīta ar depresiju un trauksmi, bet šādas saistības nebūs ar vainas izjūtu. Pētījumā piedalījās 30 meitenes 13–18 gadu vecumā ar ĒT diagnozi terapijas otrajā posmā un 30 meitenes 13–18 gadu vecumā bez ĒT diagozes. Kā morālo emociju mērījumu instruments tika izmantota testa *TOSCA* (*Test of Self-Conscious Affects*) pusaudžu versija; kā depresijas un trauksmes mērījuma instruments tika izmantota *STPI* (*State-Trait Personality Inventory*). Pētījumu rezultāti apstiprināja tikai otro hipotēzi, jo atšķirības starp grupām bija iecerētā virzienā, bet nesasniedza nozīmīgo līmeni. Šos rezultātus var skaidrot, nemot vērā, ka dalībnieki no ĒT grupas atrodas terapijas otrajā posmā, kurā tiek pielietoti medikamenti, kuri samazina internalizācijas problēmas.

Atslēgvārdi: morālās emocijas, depresija, kauns, vaina, trauksme, pusaudžu ēšanas traucējumi.

Adolescents' girls moral emotions, depression and anxiety with and without eating disorders

The issue of overweight, especially, with females, begins to appear already in puberty, i.e. from early adolescence and develops into a substantial problem by the middle or end of this period. The core of this problem is associated both to the strive for the conformity of the adolescents body's features to the requirements of the aesthetic standard and the high level of aggression towards peers who do not meet the standard. Since the social belonging at this age is a very significant for the young females, understandably, they become vulnerable if they do not meet the standard of beauty. It could lead them to starvation and other destructive practices, resulting in eating disorders (ED). At the moment, the amount of research pertaining the above issue is in sharp contrast with the problem's practical significance. Particularly, the role of moral emotions in the emergence of the ED and the display of such internalized problems as depression and anxiety remain unclear. The similar ambiguity relates to the role of such emotions as guilt and shame in the pathogenesis and therapy of ED. All these concerns and observations determined the aim of given research: the comparison of moral emotions (guilt and shame), depression and anxiety in the groups of female adolescents with ED and peers without such disorder. The main research hypothesis states that dispositions to depression, anxiety and moral emotions of sick adolescents will be higher than these dispositions in healthy adolescents. As well, it was expected (the second hypothesis) that the disposition to shame, but not to guilt, will be directly related to the anxiety and depression. 13–18 years old female adolescents with

($n = 30$) and without the ED ($n = 30$) took part in the study. The girls with ED were undergoing the second stage of therapy. To measure moral emotions – TOSCA (Test of Self-Conscious Affects) was used; while for the measurement of depression and anxiety – STPI (State-Trait Personality Inventory) was applied. The research findings confirmed the second hypothesis; the first hypothesis was not confirmed, although differences were in the expected direction, however, they did not reach a significance level. The findings could be explained taking into account the content of the second stage of ED therapy where medications are used to reduce the problems of internalization.

Key words: moral emotions, depression, anxiety, shame, guilt, eating behavior disorders in adolescence.

Введение

Несмотря на значительные трансформации гендерной асимметрии в последние полвека, и в современном обществе социальные нормы внешнего вида и физической привлекательности остаются далеко не равнозначными. Современные эталоны женской красоты предполагают достаточно жёсткие требования к изящности фигуры, в частности, пропорции ширины талии и бёдер, что на мужчин практически не распространяется (Pidgeon, Harker 2013; Swami, Furnham 2008). Это особенно актуально для подросткового возраста, когда внешние данные становятся очень важным фактором групповой стратификации далеко за пределами европейской культуры (Ganesan et al. 2018; Maezono et al. 2019). При этом именно пропорции фигуры и рост становятся главным объектом социального сравнения, критики и самокритики. По индийским данным, 76,6% учащихся колледжей не удовлетворены своим телом. Высокий индекс массы тела и социокультурное давление по достижению эстетического образца – также, как и депрессия, – значимо связаны с неудовлетворённостью своим телом (Ganesan et al. 2018).

В свою очередь, те девушки-подростки, которые становятся изгоями по причине неизящности фигуры, также ориентируются на современный идеал красоты, что ведёт к неудовлетворённости своим телом. За последним следует существенное повышение тревожности и депрессии – также, как и усиление моральных эмоций вины или стыда (Gilbert 2000; Costa et al. 2016).

Особенно драматическим может быть снижение самооценки у тех подростков, которые в предпубертатный период отличались достаточно высокими успехами в учёбе или в другой престижной сфере самовыражения. В соответствии с социометрической теорией М. Лирри (*M. Leary*), самооценка является своеобразным барометром собственной ценности в прошлых, нынешних и будущих взаимоотношениях (Leary, Baumeister 2000; Leary et al. 1995). Люди с высокой самооценкой считают, что другие люди их ценили, ценят и будут ценить, в то время как люди с низкой самооценкой сомневаются в этом (Leary et al. 1995; Murray et al. 2000). Действительно, у большинства подростков самооценка является столь чувствительной к взаимоотношениям со сверстниками, родителями и учителями, что можно вполне говорить о специфике самооценки в каждом из конкретных взаимоотношений (Harter et al. 1998).

Примерно те же факторы влияют на формирование более интимных дружеских и любовных отношений, среди которых особое значение приобретает внешняя привлекательность. В частности, подростки меньшего роста и более полные значительно реже пользуются взаимностью у сверстников (Cawley et al. 2006), что снижает их возможности претендовать на хорошие дружеские или любовные отношения. В то же время, учитывая коммуникативные приоритеты этого возрастного периода, отсутствие таких отношений приводит к затруднениям в более общих отношениях со сверстниками, что снижает социальный статус человека в раннем и среднем подростковом возрасте (Brown 1999).

Одним из важнейших механизмов саморегуляции, который к подростковому возрасту приобретает вполне зрелые формы, являются эмоции самосознавания (англ.: *self-conscious emotions*) или моральные эмоции (Breslav 2013; Harris 2003; Nelissen et al. 2013), которые предполагают положительную или отрицательную оценку человеком совершённого им действия с точки зрения определённых социальных критериев или норм (Breslav 2016; Tangney, Tracy 2012). В случае положительной оценки возникает гордость или чувство благодарности, а в случае отрицательной оценки — чувства вины или стыда (Fisher, Tangney 1995). В этой группе эмоций ключевыми моментами являются именно взаимоотношения с другими людьми и оценка себя (и своих действий или действий других людей) в социальном контексте с точки зрения других людей (и их действий) или тех ценностей, которые разделяются (или могут разделяться) другими (Tangney et al. 2007).

В то же время, хотя обе эмоции предполагают неприятные переживания по поводу некоторого проступка, их характер существенно различается (Breslav 2015; Dearing et al. 2005). Если ключевым для стыда является оценка своего проступка (или проступка других лиц с той же социальной идентичностью) с точки зрения значимого очевидца проступка и стремление как можно быстрее дистанцироваться от этой ситуации, то для вины характерно осуждение проступка и ориентация на возможную компенсацию жертве проступка (Breslav 2013; Tangney, Tracy 2012). Могут быть и промежуточные варианты перехода одного переживания в другое, когда, например, человек, испытывающий стыд, приносит свои извинения или находит оправдание для своего проступка в глазах очевидца (de Hooge et al. 2010).

Чувство вины предполагает оценку своей причастности к совершению проступка (или неоправданной пассивности), приведшего к плохим последствиям (Olthof et al. 2004). Наличие такой эмоции служит выражением озабоченности человека своей ответственностью за произошедшее в случае прямого или косвенного соучастия в появлении плохих последствий (Ferguson 2005). Первый по зыв к действию в связи с таким переживанием заключается в желании исправить нанесённый вред (Ferguson et al. 1999; Tangney, Dearing 2002).

Многие исследователи считают чувство вины эмпатическим ответом на неприятное происшествие, направленным на сохранение важных межличностных взаимоотношений (Baumeister et al. 1994; Hoffman 1982; Tangney, Dearing 2002). Чувство стыда, в свою очередь, включает оценку себя как недостойного существа, позорящего себя в глазах значимых людей. Предметом стыда оказывается не столько морально неприемлемое действие (или бездействие), сколько социальный образ человека, глобальная самооценка или репутация.

Особое значение имеет переживание стыда за свои внешние данные, который обнаруживается именно в подростковом возрасте, особенно для девочек. Некоторые психологи говорят о своеобразном само-опредмечивании, в результате которого стыд за своё тело приводит к самоограничениям и соответствующим нарушениям питания (Fredrickson, Roberts 1997). Хотя каждая девушка ценит своё тело, наблюдения и критика окружающих вынуждают её обращать больше внимания на свою фигуру и сравнивать её с фигурами моделей, что, в свою очередь, приводит к пониманию несоответствия своего тела эталону красоты.

Интернализация такого эстетического эталона ведёт к известному перфекционизму в достижении нужных пропорций, а также к самокритике и стыду, что, в свою очередь, повышает тревожность и увеличивает депрессию (Costa et al. 2016; Mendia et al. 2021). В результате, в попытках изменить эту ситуацию девушки начинают голодать и применять другие приёмы для существенного уменьшения веса, что чревато как болезненными соматическими, так и психологическими последствиями. Хотя во многих случаях это можно купировать соответствующими разъяснениями и социальной поддержкой (Gonzaga et al. 2021), нередко необходимо и долговременное лечение (Gambin, Sharp 2018). При этом длительное лечение с многократными рецидивами чревато повышенной смертностью — в сравнении со всеми другими психиатрическими диагнозами (Arcelus et al. 2011).

Согласно теории социального ранга, многие эмоции порождаются восприятием своего социального статуса, т.е. тем, насколько человек себя считает выше или ниже других (Price, Sloman 1987; Gilbert 1989, 1992). В последнем случае, уже в раннем подростковом возрасте при усилении негативных оценок и выдавливании из группы сверстников в связи с “неподходящей” внешностью может возникать чувство неполноценности, часто сопровождающееся чувством стыда (но не вины), повышением тревожности и учащением приступов депрессии (Gilbert 2000).

Высокий уровень стыда за свою фигуру связан с появлением нарушений питания (Gupta et al. 2008), особенно это относится к характерным симптомам компульсивного переедания — булимии (Conradt et al. 2007). Хотя результаты некоторых исследований показывают прямую связь стыда за свою фигуру как с булимией, так и с нервной анорексией (Dakanalis et al. 2015), результаты других исследований показывают прямую связь с анорексией, но не с булимией (Troop, Redshaw 2012).

В целом, имеющиеся на данный момент результаты исследований свидетельствуют о том, что у девушек с диагнозом нарушений питания (расстройство пищевого поведения) можно ожидать как более высокий уровень депрессии и тревожности, так и более высокий уровень склонности к переживаниям стыда и вины, по сравнению с их сверстницами без такого рода нарушений. Депрессия — также, как и тревожность, — может варьировать от лёгкой печали до тяжёлого отчаяния и от кратковременного до хронического состояния и личностной черты (Spielberger, Reheiser 2009). Хотя в Латвии такие исследования не проводились, подобные проблемы существуют и здесь, что способствует повышению интереса к данному исследованию.

Необходимо иметь ввиду также степень нарушений питания, этап терапии этих нарушений и характеристики анамнеза. При этом, скорее всего, можно ожидать прямую связь уровня тревожности и депрессии этих больных со склонностью к чувству стыда, но не со склонностью к чувству вины.

Методология исследования

Дизайн

Целью данного исследования является сравнение моральных эмоций стыда и вины, депрессии и тревожности у девушек-подростков с нарушениями питания с эмоциональными проявлениями у девушек-подростков без таких нарушений. Моральные эмоции могут способствовать серьёзной коррекции поведения, но также могут приводить к деструктивным проявлениям, поэтому выявление их представленности в норме и при отклонениях является важной исследовательской задачей.

Основная гипотеза исследования: между девушками-подростками с нарушениями питания и девушками-подростками без таких нарушений ожидаются различия как в моральных эмоциях стыда и вины, так и в состояниях тревожности и депрессии. В качестве дополнительной гипотезы предполагается, что чувство стыда будет иметь прямую связь с депрессией и тревожностью, в то время как чувство вины не будет иметь такой связи. В ходе исследования применялся межсубъектный дизайн единократного предъявления двух методик (Dyer 1995) и последующий количественный и качественный анализ собранных данных в группах девушек-подростков с нарушениями и без нарушений питания.

Выборка

Была использована целевая, невероятностная выборка по решению (англ.: *judgmental sampling*, Dyer 1995), что позволило ограничиться женской выборкой, ибо среди юношей серьёзные нарушения питания встречаются довольно редко. В исследовании приняло участие 60 девушек 13–18 лет, которые были разделены на две группы – 30 девушек, у которых было диагностировано нарушение питания (НП), и 30 девушек того же возраста без такого диагноза. Каждой участнице был присвоен идентификационный код, что обеспечивало соблюдение конфиденциальности. Все диагнозы были поставлены профессиональными психиатрами в стационаре или при амбулаторном обследовании на основе “Клинических рекомендаций по лечению расстройств пищевого поведения” Американской психиатрической ассоциации (англ.: *American Psychiatric Association*) (American Psychiatric Association (APA) 2013).

В группе без диагноза НП (условно – здоровые) было 23 старшеклассницы и 7 учениц других классов гимназии ($M = 16,4$, $SD = 1,41$); для 17 из них родной язык – латышский, для 13 участниц – русский. Согласно данным по учебной успеваемости, отличницами были 16 участниц и 14 имели хорошие отметки. Также

17 участниц относили свою семью к состоятельным (доход выше среднего), 12 – к среднему классу, и лишь одна участница указала на уровень доходов семьи ниже среднего. Среди них было 11 спортсменок со средней продолжительностью занятий спортом 10,5 лет.

В группе с диагнозом НП (условно – больные) был немного моложе состав участниц ($M = 15,2$, $SD = 1,56$); для 16 из них родной язык – латышский, для 14 участниц – русский. Также 17 участниц относили свою семью к состоятельным (доход выше среднего), 12 – к среднему классу, и лишь одна участница указала на уровень доходов семьи ниже среднего. Согласно данным по учебной успеваемости, отличницами было 19 участниц и 11 имели хорошие отметки. Среди них было 19 спортсменок со средней продолжительностью занятий спортом 9,6 лет. С момента диагностики заболевания все участницы данной группы были освобождены от всех видов физической нагрузки. Кроме того, все участницы данной группы находятся на учёте в Детской клинической университетской больнице (латыш.: *Bērnu kliniskā universitātes slimnīca*) и проходят второй цикл терапии после выписки из стационара. Этот цикл в среднем длится до 2 лет и включает медикоментозную терапию целой группой препаратов. Такая терапия включает комбинацию инсулинового шока с антидепрессантами и транквилизаторами. К этому добавляется гормональная терапия с насыщенными дозами нейролептиков и других лекарств.

Процедура

До начала исследования проводились мероприятия для создания доверительных отношений с его участниками. После получения согласия на участие от родителей на специальной встрече и согласия от самих девушек, все участники были проинформированы в общей форме о цели исследования – как на латышском, так и на русском языке, давалась общая инструкция о порядке проведения опроса и затем давались для заполнения опросные листы с письменной инструкцией и бланком социально-демографических данных.

Опрос группы здоровых участников происходил в помещении Елгавской гимназии, а группы больных – в реабилитационных помещениях Детской клинической университетской больницы, причём часть интервью проводилась онлайн через программу *Zoom*. Интервью проводились в одно и то же время дня, и обе методики предъявлялись единовременно. Декларируемая конфиденциальность обеспечивалась использованием индивидуальных кодов на всех опросных листах.

Методики

TOSCA (*Test of Self-Conscious Affect*). Среди большого количества инструментов, измеряющих моральные эмоции стыда и вины, особенно выделяется методика диагностики стыда, вины и гордости *TOSCA* (Tangney et al. 1989), важным достоинством которой является наличие версий для детей и подростков и достаточно большое количество исследований (Breslav 2017; Stuewig et al. 2015; Tangney,

Dearing 2002). *TOSCA* для подростков представляет сценарный тест из 15 ситуаций, где представлено по 4–5 вариантов возможной реакции на данную ситуацию, ранжированных по 5-ти балльной степени склонности реагировать одной из таких реакций. Например: “Во время игры в волейбол ты ударяешь по мячу, и он попадает в лицо твоему другу/подруге. Твоя реакция: А) Ты почувствуешь себя недотёпой потому, что даже ударить по мячу как следует не можешь; Б) Ты подумаешь, что другу/подруге стоило бы попрактиковаться в ловле мяча; В) Ты подумаешь: “Это просто случайность”; Г) Ты извинишься и убедишься, что друг/подруга чувствует себя хорошо”. Каждый из этих вариантов ответа оценивается по пятибалльной шкале от 1 (совсем непохоже на меня) до 5 (очень похоже на меня).

Результаты методики включают в себя баллы по 5 подшкалам: склонность к гордости за себя, склонность к гордости за свои поступки, склонность к стыду за себя, склонность к чувству вины и склонность к экстернализации. Методика была адаптирована на латышском и русском языках (Breslav 2017).

В данной работе были использованы только два показателя – склонность к чувству стыда и вины, которые являются наиболее репрезентативными с клинической точки зрения и наиболее надёжными. В частности, показатели ретестирования от 3 до 5 недель были 0,85 и 0,74 для чувства стыда и вины соответственно (Tangney et al. 1992). Согласно авторским данным, и по внутренней согласованности их показатели достаточно высоки – α Кронбаха варьирует от 0,702 до 0,832 (Табл. 2). Достаточно высокие показатели приводятся и по конструктной валидности *TOSCA* – так, корреляции со шкалой вины Мошера варьируют от 0,33 до 0,51 (Tangney, Dearing 2002).

STPI (State-Trait Personality Inventory). Среди методик измерения депрессии также выделяются две методики: методика А. Бека (*A. Beck*) – *BDI (Beck Depression Inventory)* (Beck et al. 1988) и методика Ч. Спилбергера (*Ch. Spielberger*) – *STPI (Spielberger 1979)*. Авторы использовали последнюю, где на основе единой теоретической модели (“состояние-чёрта”) объединены четыре различные эмоциональные переменные: тревожность, депрессия, гнев и любопытство. 40 утверждений относятся к диагностике указанных четырёх состояний и 40 утверждений – к диагностике тревожности, депрессии, гнева и любопытства, как черт личности. Каждое утверждение о собственном состоянии или склонности оценивается по 4-х балльной шкале (Совсем нет, Немного, Умеренно, Очень сильно). Примеры: “Мнелюбопытно”, “Я нервничаю”, “Я вижу всё в чёрном цвете”.

По внутренней согласованности их показатели достаточно высоки: α Кронбаха по тревожности – 0,87 и 0,90, а по депрессии – 0,85 и 0,90 (Spielberger, Reheiser 2009) и корреляция с *MAS (Manifest Anxiety Scale)* варьирует от 0,73 до 0,85 и примерно столь же высокие корреляции с наиболее известными методиками по депрессии (Spielberger, Reheiser 2009). Адаптация методики была проведена как на латышском, так и на русском языках, в соответствии с принципами “*Oxford Outcomes*” (Breslavs 2007). По данным, имеющимся в распоряжении авторов, их показатели очень высоки также и по внутренней согласованности – α Кронбаха варьирует от 0,902 до 0,959 (Табл. 2). В данной работе были использованы только два первых показателя – склонность к тревожности и депрессии, ибо именно они

говорят о проблемах интернализации и могут указывать на необходимость специальной психотерапевтической помощи.

Количественный анализ проводился инструментами описательной статистики и показателя эффекта различий Коэна (Табл. 1) и статистического теста *U Mann-Whitney* (Табл. 3), а также основе коэффициента ранговой корреляции Спирмена (Табл. 4) с учётом использования порядковых шкал, которые допускают использование как медиан, так и средних (Nunnally, Bernstein 1994; Spielberger, Reheiser 2009).

Результаты

Основные результаты исследования представлены ниже в четырёх таблицах, включая данные описательной статистики (Табл. 1), показатели надёжности α Кронбаха (Табл. 2), данные выводной статистики *U Mann-Whitney* (Табл. 3) и результаты корреляционного анализа (Табл. 4) в соответствии с выдвинутыми гипотезами.

Таблица 1
Данные описательной статистики по показателям вины, стыда, тревожности и депрессии

Основные показатели	Здоровые (n=30)		Больные (n=30)		Величина коэффициента d Коэна
	M	SD	M	SD	
Стыд	45,50	8,32	47,87	7,88	0,29
Вина	56,43	8,36	58,77	6,10	0,32
Тревожность	22,47	7,23	26,33	7,32	0,52
Депрессия	20,87	7,89	24,00	8,41	0,38

Источник: составлено авторами по результатам собственного исследования.

Полученные данные описательной статистики (Табл. 1) говорят об ожидаемом направлении различия между больной и здоровой группой по всем четырём переменным. Однако, лишь по тревожности можно наблюдать средний эффект различия по d Коэна, что говорит о незначительно выраженном различии между группами.

Таблица 2
Показатели надежности использованных методик по внутренней согласованности, α Кронбаха

Основные показатели	Здоровые (n=30)	Больные (n=30)
Стыд	0,801	0,787
Вина	0,832	0,702
Тревожность	0,912	0,902
Депрессия	0,959	0,951

Источник: составлено авторами по результатам собственного исследования.

В соответствии с этими данными, показатели надежности методик *STPI* и *TOSCA* по внутренней согласованности представляют достаточно высокие уровни вариативности истинных показателей стыда, вины, тревожности и депрессии от 70,2% до 95,9%. Это подтверждает правомерность использования адаптированных методик *STPI* и *TOSCA* для подростков.

Таблица 3
Результаты сравнительного анализа показателей стыда, вины, тревожности и депрессии в норме и в патологии, *U Mann-Whitney*

Основные показатели	Средние значения (M)		<i>U Mann-Whitney</i>	Критическое p-значение
	Здоровые (n=30)	Больные (n =30)		
Стыд	45,50	47,87	0,370	0,338
Вина	56,43	58,77	0,403	0,338
Тревожность	22,47	26,33	0,358	0,338
Депрессия	20,87	24,00	0,351	0,338

Источник: составлено авторами по результатам собственного исследования.

Представленные в Таблице 3 результаты свидетельствуют о наличии предполагаемой разницы, которая, однако, не является статистически значимой, ибо U-критерий превышает критическое значение для данного размера выборки ($p=0,338$) по всем участвующим в анализе переменным.

Таблица 4
Корреляционная связь моральных эмоций стыда /вины с показателями тревожности и депрессии

Основные показатели	1	2	3	4
1. Стыд	—		0,44**	0,46**
2. Вина		—	-0,20	-0,16
3. Тревожность	0,49*	0,11	—	
4. Депрессия	0,47*	0,11		—

* $p \leq 0,05$

** $p \leq 0,01$

Примечание: в верхней треугольной матрице представлены корреляции для выборки здоровых ($n = 30$), в нижней – для выборки больных ($n = 30$)

Источник: составлено авторами по результатам собственного исследования.

Как видно из данных Таблицы 4, в обеих группах связи между моральными эмоциями стыда и вины и проблемами интернализации вполне соответствуют выдвинутой гипотезе – склонность к стыду прямо связана с тревожностью и депрессией с высоким уровнем значимости в обеих группах, в то время как склонность к вине не имеет таких связей.

Обсуждение результатов

Полученные результаты лишь частично подтвердили выдвинутые гипотезы. Хотя направление различий показателей моральных эмоций – также, как и показателей депрессии и тревожности, – соответствует основной гипотезе, величина различий не позволяет говорить о выявлении искомой закономерности. В известной степени это соответствует и результатам некоторых исследований, которые указывают на то, что при нарушениях питания повышается не столько общая склонность к стыду, сколько именно стыд за собственное тело (Burney, Irwin 2000). Хотя в целом ряде исследований показана прямая связь депрессии и тревожности с нарушениями питания (Goldschmidt 2012; Lavender et al. 2013), остаются вопросы об этапе диагностики этих состояний – например, преморбидная диагностика будет отличаться от диагностики на разных этапах терапии этих заболеваний.

Полученные данные можно объяснить также с учётом специфики второго цикла терапии нарушений питания в Детской клинической университетской больнице, когда выписка из стационара сопровождается интенсивным курсом приёма транквилизаторов и антидепрессантов, что дополняется гормональной терапией с применением нейролептиков. Результатом такой медикаментозной терапии может быть не только значительное снижение проблем интернализации, но и ослабление эмоций стыда и вины за счёт общего снижения уровня возбуждения.

Гораздо более чёткие результаты получены по связи моральных эмоций стыда и вины, где склонность к стыду имеет достаточно высокие прямые связи с депрессией и тревожностью (Табл. 4), в то время как склонность к чувству вины не имеет таких значимых связей, что соответствует выдвинутой гипотезе и результатам предшествующих исследований (Tangney et al. 1995; Tangney, Dearing 2002).

Выводы

Можно утверждать, что наибольшие различия между характеристиками эмоциональной сферы подростков с нарушениями питания и подростков без таких нарушений обнаруживаются именно на более высоком уровне проблем интернализации – в состояниях депрессии и тревожности, но и здесь не достигается уровень статистически значимых различий. Подростки с нарушениями питания также показывают более высокую склонность к чувству вины и особенно стыда, но тоже без достижения статистически значимых различий в силу относительно небольших размеров выборок больных и здоровых, а также специфики этапа лечения группы больных.

В то же время, выявленные прямые корреляционные связи склонности к чувству стыда с проблемами интернализации свидетельствуют о том, что воспитательные стратегии, аппелирующие к чувству стыда, вряд ли можно считать полезными и продуктивными. Особенно вредными эти стратегии могут оказаться именно для девушек, в значительной степени озабоченных несоответствием своего тела современным стандартам красоты. Обличение их стремления улучшить свою фигуру путём деструктивных практик со стороны родителей может не

столько прекратить такие практики, сколько поспособствовать сокрытию их применения от родителей, что лишь усилит степень нарушения питания.

Актуальность и степень потенциальной опасности проблемы, изучаемой в рамках данного исследования, требует продолжения и углубления дальнейшего её исследования с использованием как более специфических показателей моральных эмоций, относящихся именно к собственному телу, так и таких более общих показателей, как самооценка и удовлетворённость жизнью. Особый интерес может привлечь диагностика динамики всех этих психологических переменных в долгосрочной перспективе и с учётом роли более конструктивных физических и социально-психологических практик.

References

- American Psychiatric Association (APA). (2013) Highlights of the 2012 APA Guideline Watch for Eating Disorders. *Eating Disorders Review*, Vol. 24, No. 1. Available: <https://eatingdisordersreview.com/highlights-of-the-2012-apa-guideline-watch-for-eating-disorders/> (accessed on 29.12.2022).
- Arcelus J., Mitchell A., Wales J., Nielsen S. (2011) Is there an elevated mortality rate in anorexia nervosa and other eating disorders? A meta-analysis of 36 studies. *Archives of General Psychiatry*, Vol. 68, No. 7, pp. 724–731. DOI: <http://dx.doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2011.74>
- Baumeister R., Stillwell A., Heatherton T. (1994) Guilt: an interpersonal approach. *Psychological Bulletin*, Vol. 115, No. 2, pp. 243–267. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.115.2.243>
- Breslav G. (2013) Moral emotions, conscience and cognitive dissonance. *Psychology in Russia: State of the Art*, Vol. 6, No. 4, pp. 65–72. DOI: <https://doi.org/10.11621/pir.2013.0405>
- Breslav G. (2015) Kompozicionnaia teoriia emotsiy: k ponimaniiu moral'nykh emotsiy i liubvi. *Psikhologiya. Zhurnal Visshej Shkoly Ekonomiki*, Vol. 12, No. 4, pp. 81–102. Available: <https://psy-journal.hse.ru/2015-12-4/167445808.html> (accessed on 29.12.2022). (In Russian)
- Breslav G. (2016) *Psikhologiya emotsiy*. 4th edition. Moskva: Izdatel'stvo "Smysl". (In Russian)
- Breslav G. (2017) Sovest' i moral'nyie emotsiy: adaptatsiya vzrosloj, podrostkovoj i detskoj versij TOSCA na etape kachestvennogo analiza. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psichologiya"*. Vol. 4, pp. 27–43. Available: <http://elib.omsu.ru/page.php?id=1514366591508438> (accessed on 29.12.2022). (In Russian)
- Breslavs G. (2007) *Personības vērtēšanas metodes*. Lekciju kurss, Power Point. Rīga: Starptautiskā Praktiskā psiholoģijas augstskola. (In Latvian)
- Brown B. (1999) "You're going out with who?": peer group influences on adolescent romantic relationships. Furman W., Brown B., Feiring C. (Eds.) *The Development of Romantic Relationships in Adolescence*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 291–329. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316182185.013>
- Burney J., Irwin H. (2000) Shame and guilt in women with eating disorder symptomatology. *Journal of Clinical Psychology*, Vol. 56, pp. 51–61. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4679\(200001\)56:1<51::aid-jclp5>3.0.co;2-w](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4679(200001)56:1<51::aid-jclp5>3.0.co;2-w)
- Cawley J., Joyner K., Sobal J. (2006) Size matters: the influence of adolescents' weight and height on dating and sex. *Rationality & Society*, Vol. 18, No. 1, pp. 67–94. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043463106060153>

- Conradt M., Dierk J., Schlumberger P., Rauh E., Hebebrand J., Rief W. (2007) Development of the weight-and-body-related shame and guilt scale (WEB-SG) in a non clinical sample of obese individuals. *Journal of Personality Assessment*, Vol. 88, pp. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223890701331856>
- Costa J., Marôco J., Gouveia J., Ferreira C. (2016) Shame, self-criticism, perfectionistic self-presentation and depression in eating disorders. *International Journal of Psychology & Psychological Therapy*, Vol. 16, No. 3, pp. 315–328. Available: <https://www.ijpsy.com/volumen16/num3/449/shame-self-criticism-perfectionistic-self-EN.pdf> (accessed on 29.12.2022).
- Dakanalis A., Carrà G., Calogero R., Zanetti M., Gaudio S., Caccialanza R., Riva G. Clerici M. (2015) Testing the cognitive behavioural maintenance models across DSM-5 bulimic-type eating disorder diagnostic groups: a multi-centre study. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, Vol. 265, pp. 663–676. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00406-014-0560-2>
- Dearing R., Stuewig J., Tangney J. (2005) On the importance of distinguishing shame from guilt: relations to problematic alcohol and drug use. *Addictive Behaviors*, Vol. 30, No. 7, pp. 1392–1404. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2005.02.002>
- de Hooge I., Zeelenberg M., Breugelmans S. (2010) Restore and protect motivations following shame. *Cognition & Emotion*, Vol. 24, No. 1, pp. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1080/0269930802584466>
- Dyer C. (1995) *Beginning Research in Psychology*. Oxford, UK: Wiley-Blackwell.
- Ferguson T. (2005) Mapping shame and its functions in relationships. *Child Maltreatment*, Vol. 10, pp. 377–386. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077559505281430>
- Ferguson T., Stegge H., Miller E., Olsen M. (1999) Guilt, shame, and symptoms in children. *Developmental Psychology*, Vol. 35, pp. 347–357. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.35.2.347>
- Fisher K., Tangney J. (1995) Self-conscious emotions and the affect revolution: framework and overview. Tangney J., Fisher K. (Eds.) *Self-Conscious Emotions: The Psychology of Shame, Guilt, Embarrassment, and Pride*. New York: Guilford Press, pp. 3–22.
- Fredrickson B., Roberts T. (1997) Objectification theory: toward understanding women's lived experiences and mental health risks. *Psychology of Women Quarterly*, Vol. 21, pp. 173–206. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x>
- Goldschmidt A., Wall M., Loth K., Le Grange D., Neumark-Sztainer D. (2012) Which dieters are at risk for the onset of binge eating? A prospective study of adolescents and young adults. *Journal of Adolescent Health*, Vol. 51, pp. 86–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2011.11.001>
- Gonzaga I., Claumann G., Scarabelot K., Silva D., Pelegrini A. (2021) Body image dissatisfaction in adolescents: comparison with physical activity, teasing and social support. *Journal of Health Psychology*, Vol. 26, No. 10, pp. 1651–1660. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105319887796>
- Gupta S., Rosenthal M., Mancini A., Cheavens J., Lynch T. (2008) Emotion regulation skills mediate the effects of shame on eating disorder symptoms in women. *Eating Disorders: The Journal of Treatment & Prevention*, Vol. 16, pp. 405–417. DOI: <https://doi.org/10.1080/10640260802370572>
- Harris N. (2003) Reassessing the dimensionality of the moral emotions. *British Journal of Psychology*, Vol. 94, pp. 457–473. DOI: <https://doi.org/10.1348/000712603322503033>
- Harter S., Waters P., Whitesell N. (1998) Relational self-worth: differences in perceived worth as a person across interpersonal contexts. *Child Development*, Vol. 69, No. 3, pp. 756–766. DOI: <https://doi.org/10.2307/1132202>

- Hoffman M. (1982) Development of prosocial motivation: empathy and guilt. Eisenberg N. (Ed.) *Development of prosocial behavior*. New York: Academic Press, pp. 281–313. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-234980-5.50016-X>
- Lavender J., De Young K., Wonderlich S., Crosby R., Engel S., Mitchell J., Crow S., Peterson C., Le Grange D. (2013) Daily patterns of anxiety in anorexia nervosa: associations with eating disorder behaviors in the natural environment. *Journal of Abnormal Psychology*, Vol. 122, pp. 672–683. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0031823>
- Leary M., Baumeister R. (2000) The nature and function of self-esteem: sociometer theory. Zanna M. (Ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 32. San Diego, CA: Academic Press, pp. 2–51. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(00\)80003-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(00)80003-9)
- Leary M., Tambor E., Terdal S., Downs D. (1995) Self-esteem as an interpersonal monitor: the sociometer hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 68, pp. 518–530. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.68.3.518>
- Maezono J., Hamada S., Sillanmäki L., Kaneko H., Ogura M., Lempinen L., Sourander A. (2019) Cross-cultural, population-based study on adolescent body image and eating distress in Japan and Finland. *Scandinavian Journal of Psychology*, Vol. 60, No. 1, pp. 67–76. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12485>
- Mendia J., Pascual A., Conejero S., Mayordomo S. (2021) The relationship between body and appearance-related self-conscious emotions and disordered eating: the mediating role of symptoms of depression and anxiety. *International Journal of Psychology & Psychological Therapy*, Vol. 21, No. 1, pp. 93–105. Available: <https://www.ijpsy.com/volumen21/num1/574.html> (accessed on 29.12.2022).
- Murray S., Holmes J., Griffin D. (2000) Self-esteem and the quest for felt security: how perceived regard regulates attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 78, pp. 478–498. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.3.478>
- Nunnally J., Bernstein I. (1994) *Psychometric Theory*. 3rd edition. New York: McGraw-Hill.
- Nelissen R., Breugelmans S., Zeelenberg M. (2013) Reappraising the moral nature of emotions in decision making: the case of shame and guilt. *Social & Personality Psychology Compass*, Vol. 7, No. 6, pp. 355–365. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12030>
- Olthof T., Ferguson T., Bloemers E., Deij M. (2004) Morality-and-identity-related antecedents of children's guilt and shame attributions in events involving physical illness. *Cognition and Emotion*, Vol. 18, pp. 383–404. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699930341000077>
- Ongley S., Malti T. (2014) The role of moral emotions in the development of children's sharing behavior. *Developmental Psychology*, Vol. 50, No. 4, pp. 1148–1159. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035191>
- Pidgeon A., Harker R. (2013) Body-focused anxiety in women: associations with internalization of the thin-ideal, dieting frequency, body mass index and media effects. *Open Journal of Medical Psychology*, Vol. 2, pp. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.4236/ojmp.2013.24B004>
- Price J., Sloman L. (1987) Depression as yielding behaviour: an animal model based on Schjelderup-Ebb's pecking order. *Ethology and Sociobiology*, Vol. 8, pp. 85–98. DOI: [https://doi.org/10.1016/0162-3095\(87\)90021-5](https://doi.org/10.1016/0162-3095(87)90021-5)
- Spielberger C. (1979) *Preliminary Manual for the State-Trait Personality Inventory (STPI)*. Tampa, FL: University of South Florida, Human Resources Institute.
- Spielberger C., Reheiser E. (2009) Assessment of emotions: anxiety, anger, depression, and curiosity. *Applied Psychology: Health and Well-being*, Vol. 1, pp. 271–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2009.01017.x>

- Stuewig J., Tangney J., Kendall S., Folk J., Meyer C., Dearing R. (2015) Children's proneness to shame and guilt predict risky and illegal behaviors in young adulthood. *Child Psychiatry & Human Development*, Vol. 46, No. 2, pp. 217–227. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-014-0467-1>
- Swami V., Furnham A. (2008) *The Psychology of Physical Attraction*. London: Routledge.
- Tangney J., Burggraf S., Wagner P. (1995) Shame-proneness, guilt-proneness, and psychological symptoms. Tangney J., Fisher K. (Eds.) *Self-Conscious Emotions: The Psychology of Shame, Guilt, Embarrassment, and Pride*. New York: Guilford Press, pp. 343–367.
- Tangney J., Dearing R. (2002) *Shame and Guilt*. New York: Guilford Press.
- Tangney J., Stuewig J., Mashek D. (2007) Moral emotions and moral behavior. *Annual Review of Psychology*, Vol. 58, pp. 345–372. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.56.091103.070145>
- Tangney J., Tracy J. (2012) Self-conscious emotions. Leary M., Tangney J. (Eds.) *Handbook of Self and Identity*. New York: Guilford Press, pp. 446–478.
- Tangney J., Wagner P., Fletcher C., Gramzow R. (1992) Shamed into anger? The relation of shame and guilt to anger and self-reported aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 62, pp. 669–675. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.62.4.669>
- Tangney J., Wagner P., Gramzow R. (1989) *The Test of Self-Conscious Affect*. Fairfax, VA: George Mason University.
- Troop N., Redshaw C. (2012) General shame and bodily shame in eating disorders: a 2.5-year longitudinal study. *European Eating Disorders Review*, Vol. 20, pp. 373–378. DOI: <https://doi.org/10.1002/erv.2160>

AUTORI

Giga Abuseridze	Zinātnes doktors (Ph.D.) tiesību zinātnē, pētnieks, Rīgas Stradiņa universitātes Juridiskā fakultāte Batumi, Gruzija giga.abuseridze@yahoo.com
Jānis Balodis	Profesionālais maģistrs, studiju programmas “Ekonomika” doktorants, Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultāte Rīga, Latvija janisbalodis100@gmail.com
Geršons Breslavs	Habilitēts psiholoģijas doktors, asociētais profesors, Baltijas Starptautiskā akadēmija Rīga, Latvija G_bresl@latnet.lv
Žanna Caurkubule	Inženierzinātņu doktore, profesore, Baltijas Starptautiskā akadēmija Rīga, Latvija zcaurkubule@inbox.lv
Edmunds Čižo	Zinātnes doktors (Ph.D.) ekonomikā un uzņēmējdarbībā, docents, Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes Ekonomikas katedra Jūrmala, Latvija edmunds.cizo@du.lv
Anatolijs Kriviņš	Tiesību doktors, asociētais profesors, Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes Tiesību katedra Daugavpils, Latvija anatolijs.krivins@du.lv
Anita Kokareviča	Zinātnes doktore (Ph.D.) ekonomikā un uzņēmējdarbībā, docente, Rīgas Stradiņa universitātes Sabiedrības veselības un sociālās labklājības fakultātes Sabiedrības veselības un epidemioloģijas katedra Rīga, Latvija anita.kokarevica@rsu.lv
Vera Komarova	Ekonomikas doktore, rakstiskās tulkošanas maģistre, vadošā pētniece, Daugavpils Universitātes Humanitāro un sociālo zinātņu institūts; studiju programmas “Datu zinātne un biznesa informātika” maģistrante, Pizas Universitātes Datorzinātnes nodaļa Daugavpils, Latvija veraboronenko@inbox.lv
Rita Konstante	Medicīnas doktore, docente, docente, Rīgas Stradiņa universitātes Medicīnas fakultātes Māszinību un dzemdību aprūpes katedra Rīga, Latvija rita.konstante@gmail.com

Ludmila Kudrjavceva	Profesionālais bakalaurs, kliniskā psiholoģe, bakalaura studiju programmas "Psiholoģija" studente, Baltijas Starptautiskā akadēmija Rīga, Latvija ludmila.kudrjavceva@inbox.lv
Marins Marinovs	Zinātnes doktors (Ph.D.) ekonomikā, asociētais profesors, D.A. Cenova Saimnieciskās akadēmijas Finanšu fakultātes Finanšu un kredita katedra Svištova, Bulgārija m.marinov@uni-svishtov.bg
Mariana Petrova	Fizikas un matemātikas doktore, asociētā profesore, Sv. Kirila un Meodija Velicotirnovas Universitātes Informācijas tehnoloģiju katedra Velicotirnova, Bulgārija m.petrova@ts.uni-vt.bg
Dalija Prakapiene	Pedagoģijas doktore, asociētā profesore, Generāla Jona Žemaiša Lietuvas Militārās akadēmijas Aizsardzības ekonomikas un vadības pētnieciskā grupa Vilņa, Lietuva dalia.prakapiene@lka.lt
Evaldas Raistenskis	Tiesību maģistrs, zinātnes grāda pretendents doktora studiju programmā "Tiesību zinātnē", Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultāte evaldas.raistenskis@gmail.com
Natalja Selivanova-Fjodorova	Zinātnes doktore (Ph.D.) ekonomikā un uzņēmējdarbībā, lektore, Biznesa, mākslas un tehnoloģiju augstskola RISEBA Daugavpils, Latvija nsel15@inbox.lv
Daiva Skuciene	Socioloģijas doktore, asociētā profesore, Vilņas Universitātes Filozofijas fakultātes Socioloģijas un sociālā darba institūts Vilņa, Lietuva daiva.skuciene@fsf.vu.lt
Edgars Štāls	Ekonomikas maģistrs, zinātnes grāda pretendents doktora studiju programmā "Reģionālā ekonomika un ekonomiskā politika", Baltijas Starptautiskā akadēmija Rīga, Latvija sedgars@inbox.lv
Violeta Vilkoitīte	Socioloģijas magistre, studiju programmas "Socioloģija" doktorante, Lietuvas Sociālo zinātņu centra Socioloģijas institūts Vilņa, Lietuva violeta.vilkoityte@gmail.com
Vitolds Zahars	Tiesību doktors, profesors, Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes Tiesību katedra Daugavpils, Latvija vitolds.zahars@inbox.lv

AUTHORS

Giga Abuseridze	Science Doctor (Ph.D.) in Law, researcher, Faculty of Law of the Riga Stradins University Batumi, Georgia giga.abuseridze@yahoo.com
Janis Balodis	Mg.prof., Doctoral student in the study programme “Economics”, Faculty of Social Sciences of the Daugavpils University Riga, Latvia janisbalodis100@gmail.com
Gersons Breslavs	Dr.hab.psych., Associate professor, Baltic International Academy Riga, Latvia G_bresl@latnet.lv
Zanna Caurkubule	Dr.sc.ing., Professor, Baltic International Academy Riga, Latvia zcaurkubule@inbox.lv
Edmunds Cizo	Science Doctor (Ph.D.) in Economics and Business, Assistant professor, Department of Economics of the Faculty of Social Sciences of Daugavpils University Jurmala, Latvia edmunds@chemi-pharm.com
Anita Kokarevica	Science Doctor (Ph.D.) in Economics and Business, Assistant professor, Department of Public Health and Epidemiology of the Faculty of Public Health and Social Welfare of Riga Stradins University Riga, Latvia anita.kokarevica@rsu.lv
Vera Komarova	Dr.oec., Mg.translat., Leading researcher, Institute of Humanities and Social Sciences of the Daugavpils University; Master student in the study programme “Data Science and Business Informatics”, Department of Computer Science of the University of Pisa Daugavpils, Latvia veraboronenko@inbox.lv
Rita Konstante	Dr.med., Assistant professor, Department of Nursing and Midwifery of the Faculty of Medicine of Riga Stradins University Riga, Latvia rita.konstante@gmail.com
Anatolijs Krivins	Dr.iur., Associate professor, Department of Law of the Faculty of Social Sciences of Daugavpils University Daugavpils, Latvia anatolijs.krivins@du.lv
Ludmila Kudrjavceva	Bc.prof., clinical psychologist, bachelor student in the study programme “Psychology”, Baltic International Academy Riga, Latvia ludmila.kudrjavceva@inbox.lv

Marin Marinov	Science Doctor (Ph.D.) in Economics, Associate professor, Department of Finance and Credit of the Faculty of Finance of D.A. Tsenov Academy of Economics Svishtov, Bulgaria <u>m.marinov@uni-svishtov.bg</u>
Mariana Petrova	Dr. of Physics and Mathematics, Associate professor, Department of Information Technologies of the St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo Veliko Tarnovo, Bulgaria <u>m.petrova@ts.uni-vt.bg</u>
Dalia Prakapiene	Dr.paed., Associate professor, Defence Economics and Management Research Group of the General Jonas Zemaitis Military Academy of Lithuania Vilnius, Lithuania <u>dalia.prakapiene@lka.lt</u>
Evaldas Raistenskis	Mg.iur., Candidate of Sciences degree in the doctoral study programme “Law Science”, Faculty of Social Sciences of the Daugavpils University Vilnius, Lithuania <u>evaldas.raistenskis@gmail.com</u>
Natalja Selivanova-Fjodorova	Science Doctor (Ph.D.) in Economics and Business, Lecturer, RISEBA University of Applied Sciences Daugavpils, Latvia <u>nSEL15@inbox.lv</u>
Daiva Skuciene	Dr.sc.soc., Associate professor, Institute of Sociology and Social Work of the Faculty of Philosophy of Vilnius University Vilnius, Lithuania <u>daiva.skuciene@sf.vu.lt</u>
Edgars Stals	Mg.oec., Candidate of Sciences degree in the doctoral study programme “Regional Economics and Economic Policy”, Baltic International Academy Riga, Latvia <u>sedgars@inbox.lv</u>
Violeta Vilkoityte	Mg.sc.soc., Doctoral student in the study programme “Sociology”, Institute of Sociology of the Lithuanian Centre for Social Sciences Vilnius, Lithuania <u>violeta.vilkosityte@gmail.com</u>
Vitolds Zahars	Dr.iur., Professor, Department of Law of the Faculty of Social Sciences of Daugavpils University Daugavpils, Latvia <u>vitolds.zahars@inbox.lv</u>

АВТОРЫ

- Гига Абусеридзе** Доктор наук в правоведении, исследователь, Юридический факультет Рижского университета имени Стадыня
Батуми, Грузия
giga.abuseridze@yahoo.com
- Янис Балодис** Профессиональный магистр, докторант учебной программы “Экономика”, Факультет социальных наук Даугавпилсского университета
Рига, Латвия
janisbalodis100@gmail.com
- Гершон Бреславс** Хабилитированный доктор психологии, ассоциированный профессор, Балтийская международная академия
Рига, Латвия
G_bresl@latnet.lv
- Виолета Вилкойтите** Магистр социологии, докторантка учебной программы “Социология”, Институт социологии Литовского центра социальных наук
Вильнюс, Литва
violeta.vilkonyte@gmail.com
- Витольд Захарс** Доктор права, профессор, Кафедра права Факультета социальных наук Даугавпилсского университета
Даугавпилс, Латвия
vitolds.zahars@inbox.lv
- Анита Кокаревича** Доктор наук в экономике и предпринимательстве, доцент, Кафедра общественного здоровья и эпидемиологии Факультета общественного здоровья и социального благосостояния Рижского университета имени Стадыня
Рига, Латвия
anita.kokarevica@rsu.lv
- Вера Комарова** Доктор экономики, магистр письменного перевода, ведущий исследователь, Институт гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета; магистрантка учебной программы “Наука о данных и бизнес-информатика”, Отделение компьютерных наук Пизанского университета
Даугавпилс, Латвия
veraboronenko@inbox.lv
- Рита Константе** Доктор медицины, доцент, Кафедра сестринского дела и родовспоможения Медицинского факультета Рижского университета имени Стадыня
Рига, Латвия
rita.konstante@gmail.com

Анатолий Кривиньш	Доктор права, ассоциированный профессор, Кафедра права Факультета социальных наук Даугавпилсского университета Даугавпилс, Латвия anatolijs.krivins@du.lv
Людмила Кудрявцева	Профессиональный бакалавр, клинический психолог, студентка бакалаврской учебной программы “Психология”, Балтийская международная академия Рига, Латвия ludmila.kudrjavceva@inbox.lv
Марин Маринов	Доктор наук в экономике, ассоциированный профессор, Кафедра финансов и кредита Факультета финансов Хозяйственной ака- демии имени Д.А. Ценова Свиштов, Болгария m.marinov@uni-svishtov.bg
Мариана Петрова	Доктор физико-математических наук, ассоциированный профес- сор, Кафедра информационных технологий Великотырновского университета Св. Кирилла и Мефодия Велико Тырново, Болгария m.petrova@ts.uni-vt.bg
Далия Пракапиене	Доктор педагогики, ассоциированный профессор, Исследова- тельская группа военной экономики и управления Литовской военной академии имени генерала Йонаса Жямайтиса Вильнюс, Литва dalia.prakapiene@lka.lt
Эвалдас Райстенскис	Магистр права, претендент на получение научной степени в док- торской программе “Правоведение”, Факультет социальных наук Даугавпилсского университета Вильнюс, Литва evaldas.raistenskis@gmail.com
Наталья Селиванова-Фёдорова	Доктор наук в экономике и предпринимательстве, лектор, Выс- шая школа бизнеса, искусства и технологий <i>RISEBA</i> Даугавпилс, Латвия nse115@inbox.lv
Дайва Скучиене	Доктор социологии, ассоциированный профессор, Институт со- циологии и социальной работы Факультета философии Виль- нюсского университета Вильнюс, Литва daiwa.skuciene@fsf.vu.lt
Эдмунд Чижо	Доктор наук в экономике и предпринимательстве, доцент, Ка- федра экономики Факультета социальных наук Даугавпилсского университета Юрмала, Латвия edmunds@chemi-pharm.com

Эдгар Шталс

Магистр экономики, претендент на получение научной степени в докторской программе “Региональная экономика и экономическая политика”, Балтийская международная академия
Рига, Латвия
sedgars@inbox.lv

Жанна Цауркубуле

Доктор инженерных наук, профессор, Балтийская международная академия
Рига, Латвия
zcaurkubule@inbox.lv

AUTORU IEVĒRĪBAI

Žurnālā “Sociālo Zinātņu Vēstnesis” tiek publicēti oriģināli zinātniskie raksti sociālajās zinātnēs (socioloģijā, politikas zinātnē, ekonomikā, sociālajā psiholoģijā, tiesību zinātnē), kā arī zinātnisko pētījumu recenzijas, konferenču apskati, informācija par zinātnisko dzīvi. Redakcija rakstus pieņem angļu, latviešu un krievu valodā. Rakstu problemātika nav ierobežota.

Redakcijā iesniegtie raksti tiek recenzēti. Atsauksmi par katru rakstu sniedz divi recenzenti, kā arī žurnāla redaktors. Redakcija ievēro autoru un recenzentu savstarpējo anonimitāti. Rakstu autoriem ir tiesības iepazīties ar recenzijām un kritiskām piezīmēm un, nepieciešamības gadījumā, koriģēt savus pētījumus, veikt tajos labojumus un grozījumus, par termiņu vienojoties ar redaktoru. Redakcijai ir tiesības veikt nepieciešamos stilistiskos labojumus, kā arī precizēt raksta zinātniskā aparāta noformējumu. Redakcijas izdarītie labojumi tiek saskaņoti ar autoru.

Raksti tiek vērtēti saskaņā ar pieņemtajiem zinātniskuma kritērijiem: pētījuma atbilstība mūsdienu teorētiskajam limenim izvēlētās problēmas izpētē; pietiekama empiriskā bāze, empiriskā materiāla oriģinalitāte; hipotēzu, atziņu un rekomendāciju oriģinalitāte un novitāte; pētāmās tēmas aktualitāte. Tieki vērtēta arī izklāsta logika un saprotamība. Atlasot rakstus publicēšanai, priekšroka tiek dota fundamentālas ievirzes pētījumiem.

Raksta noformēšana

Raksti, kuru noformēšana neatbilst prasībām, netiks pieņemti publicēšanai.

Raksta apjoms: 30000–60000 zīmju, atstarpes ieskaitot.

Raksta manuscripts iesniedzams pa elektronisko pastu. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu MS Word failā .doc vai .docx; burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta kopsavilkums: 2000–2500 zīmju. Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jāsa-gatavo angļu un krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu un krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu un angļu valodā.

Raksta valoda: zinātniska, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jārūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties ar attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālistu – valodas nesēju. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts. Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills, Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas un diagrammas noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tāda veida materiāliem jānorāda kārtas numurs un virsraksts.

References jāveido un jānoformē šādi:

Monogrāfijas (grāmatas un brošūras):

Mills Ch. (1998) *Sotsiologicheskoe voobrazhenie*. Moskva: Strategia. (In Russian)
Turner J. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Raksti krājumos:

Turner R. (1990) A Comparative Content Analysis of Biographies. Oyen E. (Ed.) *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications, pp. 134–150. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Latvian)

Raksti žurnālos:

Bela B. (1997) Identitātes daudzbalsība Zviedrijas latviešu dzīvesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Poniatiye politicheskogo. *Voprosy sotsiologii*, № 1, str. 37–67. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Russian)

Raksti laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāli no Interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. Available: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (accessed on 20.10.2002). (In Latvian)

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

NOTES FOR AUTHORS

“Social Sciences Bulletin” publishes original research papers on the problems of social sciences (sociology, political sciences, economics, social psychology, law), as well as review articles, information on conferences and scientific life. The Editorial Board accepts articles in English, Latvian, and Russian. The scope of problems of articles is not limited.

The articles submitted to the Editorial Board are reviewed by two reviewers and the editor. The Editorial Board observes mutual anonymity of the authors and the reviewers. The authors have a right to get acquainted with the reviews and the critical remarks (comments) and, if it is necessary, they may make some changes, coming to an agreement about the terms with the editor. The Editorial Board has a right to make necessary stylistic corrections, change the layout of the scientific paper to come to the uniformity of the layout. The corrections made by the Editorial Board will be agreed with the author.

The articles are evaluated according to the adopted scientific criteria: correspondence of the research to the present-day theoretical level in the domain of the chosen problem; sufficient empirical basis; originality of empirical material; originality of hypotheses, conclusions, and recommendations; topicality of the subject investigated. The logics and clearness of the exposition is evaluated as well. Preference is given to fundamental studies.

Layout of manuscripts

Articles, which do not have an appropriate layout, will not be accepted.

Volume of article: 30000–60000 characters with spaces.

Manuscript should be submitted by e-mail. Text should be composed using *Times New Roman* font Word format .doc or .docx; font size – 12, line spacing – 1. Text should be aligned 3.5 cm – from the left side, 2.5 – from the right side, 2.5 cm – from the top and the bottom. If special computer programmes are used, then they should be submitted together with the article.

Summary: 2000–2500 characters. Articles in Latvian should contain a summary in English and Russian; articles in English should be provided with a summary in Latvian and Russian; articles in Russian should contain a summary in Latvian and English.

Language of article: scientific, terminologically precise. If author prepares an article in a foreign language, then he/she should take trouble about the linguistic correction of the written text consulting a specialist of the corresponding branch of social sciences – native speaker. *Articles, which have a wrong spelling, will not be accepted and reviewed.*

Layout of article. References should be placed in a text according to the example: (Turner 1990); (Mills, Bela 1997). Explanations and comments should be given in the endnotes. Tables, charts, schemes, diagrams, etc. should have indication of the source of the material and, if necessary, then the method of making the table, the chart, the scheme (calculations, data gathering, etc.) should be marked. These materials should have ordinal numbers and titles.

References should be compiled according to the given samples:

Monographs (books, brochures):

- Mills Ch. (1998) *Sotsiologicheskoe voobrazhenie*. Moskva: Strategija. (In Russian)
 Turner J. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Articles in collections:

Turner R. (1990) A Comparative Content Analysis of Biographies. Oyen E. (Ed.) *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications, pp. 134–150. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Latvian)

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitātes daudzbalsība Zviedrijas latviešu dzīvesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Poniatiye politicheskogo. *Voprosy sotsiologii*, № 1, str. 37–67. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. Available: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (accessed on 20.10.2002). (In Latvian)

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Вестник социальных наук» публикуются оригинальные научные статьи по проблемам социальных наук (социологии, политических наук, экономики, социальной психологии, юриспруденции), а также рецензии на научные исследования, обзоры конференций, информация о научной жизни. Редакция принимает статьи на английском, латышском и русском языке. Проблематика статей не ограничивается.

Статьи, представленные в редакцию журнала, рецензируются. Отзыв о каждой статье дают два рецензента, а также редактор журнала. Редакция соблюдает принцип анонимности авторов и рецензентов. Авторы статей имеют право ознакомиться с рецензиями и критическими замечаниями и, в случае необходимости, внести исправления и изменения в свои исследования, причем срок внесения корректировок должен согласовываться с редактором. Редакция сохраняет за собой право внести в статью необходимые стилистические исправления, а также изменения в оформление научного аппарата с целью достижения его единства. Исправления, произведенные редакцией, согласуются с автором.

Статьи оцениваются в соответствии с критериями научности: соответствие современному теоретическому уровню в изучении выбранной проблемы; достаточная эмпирическая база; оригинальность эмпирического материала; новизна и оригинальность гипотез, положений, рекомендаций; актуальность темы исследования. Оценивается также сама логика и ясность изложения. При отборе статей для публикации преимуществодается исследованиям фундаментального характера.

Оформление статьи

Статьи, оформление которых не будет соответствовать данным требованиям, к публикации не принимаются.

Объем статьи: 30000–60000 знаков, включая пробелы.

Рукопись статьи должна быть представлена по электронной почте. Текст набирается шрифтом *Times New Roman MS Word* файл .doc или .docx; размер букв – 12, межстрочный интервал – 1. Поля слева – 3,5 см, справа – 2,5 см, сверху и снизу – 2,5 см. Если в наборе статьи использовались специальные компьютерные программы, то они должны быть представлены в редакцию.

Резюме: 2000–2500 знаков. Статьи на латышском языке сопровождаются резюме на английском и русском языке; статьи на английском языке – резюме на латышском и русском языке; статьи на русском языке – резюме на латышском и английском языке.

Язык статьи: научный, терминологически точный. Если автор готовит статью на иностранном (неродном) языке, то он должен сам позаботиться о лингвистическом редактировании статьи; желательна консультация носителя языка, являющегося специалистом соответствующей отрасли социальных наук. *Статьи, язык которых не соответствует правилам правописания, не будут рассматриваться и рецензироваться.*

Научный аппарат статьи. Ссылки даются в тексте по следующему образцу: (Turner 1990); (Mills, Bela 1997). Примечания и пояснения располагаются после основного текста. В оформлении таблиц, графиков, схем, диаграмм должны указываться ссылки на источник материала, при необходимости также должна указываться методика разработки (расчета данных, выведения сводных показателей и т.д.) таблиц, графиков, схем. Все подобные материалы должны иметь заголовки и порядковые номера.

Библиография должна быть составлена и оформлена точно, в соответствии с предложенными ниже образцами:

Монографии (книги и брошюры):

- Mills Ch. (1998) *Sociologicheskoe voobrazhenie*. Moskva: Strategiia. (In Russian)
 Turner J. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Статьи в сборниках:

- Turner R. (1990) A Comparative Content Analysis of Biographies. Oyen E. (Ed.) *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications, pp. 134–150. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Latvian)

Статьи в журналах:

- Bela B. (1997) Identitates daudzbalsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Latvian)

- Shmitt K. (1992) Poniatie politicheskogo. *Voprosy sotsiologii*, № 1, str. 37–67. DOI: XXX or Available: XXX (accessed on 18.04.2020). (In Russian)

Статьи в газетах:

- Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Материалы в Интернете:

- Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. Available: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (accessed on 20.10.2002). (In Latvian)

Библиография составляется в алфавитном порядке фамилий или названий (если автором является институция) авторов в соответствии с латинским алфавитом.

**2022 2 (35) numura recenzenti /
Reviewers for the issue 2022 2 (35)**

Jurijs Baltgailis (Institute of Transport and Telecommunication, Riga, Latvia), Jerzy Kaźmierczyk (Poznań University of Economics and Business, Poznań, Poland), Maria Johanna Schouten (University of Beira Interior, Covilhã, Portugal), Danguole Beresnevičiene (Vilnius University, Vilnius, Lithuania), Vladas Tumalavičius (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia), Baiba Bela (University of Latvia, Rīga, Latvia), Inese Kokina (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia), Arvidas Matulionis (Lithuanian Social Research Center, Vilnius, Lithuania), Olga Lavričenko (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia), Aina Čaplinska (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia), Maryna Navalna (National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine, Ukraine), Inta Ostrovska (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia) Aleksejs Ruža (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia), Juris Saulītis (Riga Technical University, Rīga, Latvia), Andrejs Vilks (Riga Stradins University, Rīga, Latvia), Vitolds Zahars (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia), Anatolijs Kriviņš (Daugavpils University, Daugavpils, Latvia)

**2022 2 (35) numura tulkotāji /
Translators for the issue 2022 2 (35)**

Latvijas Universitātes Humanitāro zinātņu fakultātes Profesionālajā maģistra studiju programmā “Rakstiskā tulkošana” (programmas direktore – prof. G. Ločmele, tulkošanas prakses vadītāja – lekt. H. Gizeleza) studējošā Inga Sarkane

**Sociālo Zinātņu Vēstnesis
2022 2 (35)**